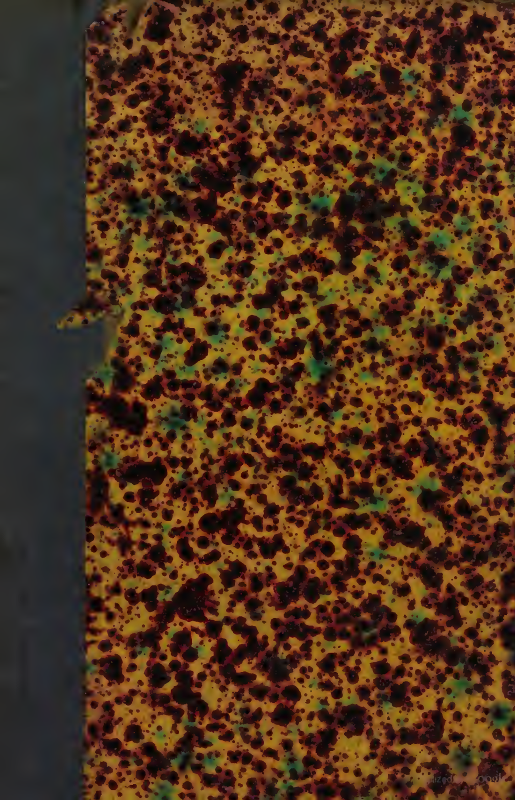
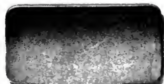
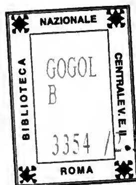




COMITATO
ROMA
RUSSA
N 1806.

COMITATO
ROMA


NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II
ROMA
GOGOL
B
3354 / 2.3

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА.

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА.

О

НАПОЛЕОНѢ,

ДИРЕКТОРІИ, КОНСУЛЬСТВѢ, ИМПЕРІИ И ВОЗСТАНОВЛЕНІИ БУРБОНОВЪ.

Перевелъ съ Французскаго

С. де Шаплетъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТЬ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

1834.

Печатать Позвозволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. С. Петербургъ 17 Января 1834 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА.

ГЛАВА I.

Отъѣздъ изъ Египта.—Таинственное отплытіе.—Возвращеніе и отъѣздъ.—Разсѣявшіяся мечты.—Г. Парсеваль-Грансмезонъ.—Бонапарте уговоренный.—Порядокъ плаванія.—Противные вѣтры. — Опасеніе Англичанъ.—Попутные вѣтры.—Четыре убитыхъ Адъютанта.—Противоположность.— Бонапарте на фрегатѣ.—Карточная игра.—Бонапарте плутуетъ въ оной.—Шахматы.

И такъ намъ предлежало опять увидѣть нашу родину, опять преплыть чрезъ море, изобилующее опасностями; корабль, назначенный для Наполена, долженъ былъ опять везти Цесаря и его судьбину; но это не былъ уже Цесарь, плывущій на востокъ съ тѣмъ, чтобы присоединить Египетъ къ завоеваніямъ Республики; это

былъ Цесарь, соображающій въ умѣ своемъ обширные замыслы и не отвергающій мысли на все пуститься для того чтобы перемѣнить въ свою пользу правительство, за которое онъ сражался. Все въ нашемъ положеніи было таинственно; надежда завоевать знаменитѣйшую изъ странъ Востока не воспламеняла болѣе воображеніе, подобно какъ при отъѣздѣ нашемъ изъ Франціи; наши послѣднія мечты разсѣялись предъ стѣнами Сен-Жанъ д'Акры, и мы принуждены были оставить на пожирающей Египетской почвѣ большую часть нашихъ сподвижниковъ; наконецъ непостижимая судьба увлекала насъ и мы ей повиновались.

23 Августа мы сѣли на два фрегата Мюиронъ и Карреръ, въ числѣ отъ четырехъ до пяти сотъ человѣкъ. Вотъ какова была наша эскадра, вотъ грозная армія, съ коею Бонапарте намѣревался, какъ онъ писалъ изъ Каира, *уничтожить всѣхъ своихъ непріятелей*. Эта хвастливость могла ослѣпить тѣхъ, которые не видѣли настоящаго положенія вещей; но что мы должны были думать? то что самъ Бонапарте: онъ на другой день уѣхалъ.

Годъ и три мѣсяца прошли съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили наше отечество. Все улыбалось намъ при отъѣздѣ; все было мрачно при возвращеніи. Куда дѣвались четырнадцать кораблей, фрегаты, триста судовъ, преплывшіе

Средиземное Море для завоеванія Востока? Что произвели пышныя провозглашенія, обѣщанія, надежды и первые успѣхи? Что намъ доставили сдавшаяся въ двое сутокъ Мальта и завоеванный въ мѣсяцъ Египетъ? Увы! времена очень перемѣнились;—принужденные скрывать отъѣздъ нашъ, изъ Египта, и тайнымъ образомъ отплыть отъ береговъ онаго, мы видѣли мало надеждъ въ будущемъ и, обращая взоры къ прошедшему, принуждены были сожалѣть о потерѣ нашего флота, замѣненнаго двумя плохими Венеціянскими судами, наскоро вооруженными.

Темная ночь уже наступила когда мы сѣли на два фрегата, находившіеся довольно въ значительномъ разстояніи отъ Александрійской гавани. Однакожъ слабое мерцаніе звѣздъ дозволило намъ усмотрѣть Корветтъ, пришедшій для наблюденія за нами и такъ сказать для присутствія при нашемъ безмолвномъ, ночномъ отправленіи.

На другой день утромъ, снявшись уже съ якоря, мы увидѣли идущую изъ Александрійской гавани шлюбку, на которой находился Г. Парсеваль-Гранмезонъ. Этотъ превосходный человѣкъ, котораго всѣ мы любили, не былъ однакоже помѣщенъ Главнокомандующимъ въ число людей, долженствовавшихъ возвратиться во Францію. Желая тотчасъ итти, Бонапартe и слышать не хотѣлъ о принятіи его на одинъ

изъ фрегатовъ; можно себѣ представить сколь усильны были просьбы Парсеваля: онъ тщетно упрашивалъ и убѣждалъ; однакожъ Гантомъ, Монжъ, Бертоллетъ и я, мы успѣли, не безъ труда, преодолѣть упорство Бонапарте и приняли къ себѣ на фрегатъ нашего сотоварища по Египетскому Институту, тогда какъ вѣтръ надувалъ уже наши парусы.

Напрасно говорили, что Адмиралъ Гантомъ былъ совершеннымъ властелиномъ своихъ движеній, какъ будто кому либо удавалось повелѣвать тамъ гдѣ находился Бонапарте; напротивъ того Бонапарте въ моемъ присутствіи объявилъ Адмиралу что онъ не намѣренъ слѣдовать обыкновеннымъ путемъ и итти прямо въ море: «Я хочу», сказалъ онъ, «чтобъ вы плыли сколько возможно, около Африканскаго берега вдоль по Средиземному морю. Мы будемъ слѣдовать этимъ путемъ пока достигнемъ юга Сардиніи. У меня съ собою горсть храбрыхъ людей и нѣсколько Артиллеріи; еслибъ Англичане явились, то я пристану къ берегу, пойду съ моимъ отрядомъ въ Оранъ, въ Тунисъ или въ другую гавань и тамъ найду средство опять отправиться моремъ. Такова была рѣшимость, твердо имъ принятая.

Въ продолженіе двадцати одного дня, вѣтры, дувшіе съ запада или съ сѣверозапада, были намъ постоянно противны: они гнали насъ къ

берегамъ Сиріи или къ Александріи. Однажды была даже рѣчь и о томъ чтобы воротиться въ гавань, изъ которой мы вышли; но Бонапарте объявилъ что онъ лучше желалъ подвергнуться всѣмъ возможнымъ опасностямъ, чѣмъ итти обратно. Днемъ мы лавировали подаваясь къ сѣверу, а ночью опять приближались къ Африкѣ пока усматривали берега. Наконецъ, послѣ двадцатидневныхъ препонъ и нетерпѣнія, подулъ самый благопріятный вѣтръ: мы въ короткое время миновали точку Африки, на коей былъ нѣкогда Карфагенъ и вскорѣ обошли Сардинію. Мы прошли очень близко отъ западнаго берега сего острова, къ которому Бонапарте намѣревался пристать въ случаѣ встрѣчи Англійской эскадры а оттуда онъ располагалъ отправиться въ Корсику, гдѣ бы онъ сталъ ожидать благопріятнаго случая для возвращенія во Францію.

Все содѣйствовало къ тому, чтобы сдѣлать нашъ переѣздъ скучнымъ и единообразнымъ. Генералъ Бонапарте потерялъ четырехъ Адъютантовъ: Круазье, Сулковскаго, Жюліена и Гиберта. Кафарелли, Брюйесъ, Каза-Біанка уже не существовали. Наши бѣдствія и безпокойство о будущемъ равно какъ о жребіи нашего отечества, коего несчастія еще не вполнѣ намъ были извѣстны,—все наводило на насъ грусть и отнимало живость, веселіе у нашихъ раз-

говоровъ. Не было уже болѣе ученыхъ разсужденій, оригинальныхъ, занимательныхъ преній, обзоровъ послѣдствій, ожидаемыхъ отъ предпріятія, котораго по всему уже можно было предвидѣть несчастное окончаніе. Притомъже нельзя было не безпокоиться о томъ что подумаетъ, о томъ какъ поступитъ Директорія: боялись слѣдствій Египетской переписки, ибо нельзя было успокоить себя на счетъ того, что чрезъ нея могло открыться. Въ свободныя минуты Бонапарте прохаживался по палубѣ безпрестанно занимаясь надзоромъ за исполненіемъ его приказовъ. Малѣйшій парусъ возбуждалъ его безпокойство и въ началѣ нашего плаванія ему очень хотѣлось поскорѣе добраться до Сардинскаго моря. Страхъ попасть къ Англичанамъ въ руки не покидалъ его: тогда онъ сего наиболѣе опасался; а потомъ! . . . онъ повѣрилъ великодушію своихъ непріятелей.

Однакожъ, хотя опасенія наши и задумчивость Наполеона имѣли достаточное основаніе, а были еще минуты, въ которыя мы старались позабавиться, или какъ говорится — убить время. Кто бы повѣрилъ! Вмѣсто того чтобы заниматься учеными разсужденіями, мы искали въ картахъ разсѣянья отъ скуки. И даже въ этомъ, столь ничтожномъ препровожденіи времени, характеръ Наполеона обнаруживался. Генералъ не любилъ игру; но если ужъ должно

было играть, то онъ предпочиталъ вент-е-ёнъ потому что эта игра идетъ скорѣе прочихъ; и если, отдавая отчетъ о своихъ знаменитыхъ подвигахъ, онъ любилъ украшать, превозносить свое счастіе, то онъ не пренебрегалъ пособлять ему въ картахъ: однимъ словомъ, онъ плутовалъ. Вотъ напримѣръ какъ онъ это дѣлалъ въ вент-е-ёнъ: онъ требовалъ карту; если она ему проигрывала, то онъ не говорилъ ничего и оставлялъ ее на столѣ; ожидая пока банкиръ возьметъ себѣ карту. Если у банкира вскрывалась хорошая карта, то Бонапарте бросалъ свои карты не показывая и отдавалъ свою ставку. Еслиже, напротивъ того, взятая банкиромъ карта превышала двадцать одно очко, то Бонапарте опять бросалъ свои карты и бралъ ставку. Онъ очень смѣялся надъ этими небольшими *плутнями* особенно когда ихъ не замѣчали; и надобно признаться что мы уже достаточно были царедворцами для того чтобы угодить его прихоти, добровольно закрывая глаза. Спѣшу прибавить, что онъ никогда не пользовался этими небольшими насиліями, дѣлаемыми имъ счастію и что по окончаніи игры онъ отдавалъ весь свой выигрышъ, который раздѣлялся между всѣми. Онъ, какъ можно себѣ представить, мало заботился о томъ чтобы выиграть; но хотѣлъ чтобы фортуна по заказу давала ему тузовъ и десятокъ, также какъ она

доставляла ему благопріятное время въ день битвы; и если фортуна нарушала свою обязанность, то онъ хотѣлъ, чтобы никто того не замѣчалъ. Бонапарте игралъ также въ шахматы но очень рѣдко, отъ того что будучи между нами третьимъ по силѣ, онъ не любилъ быть побѣждаемымъ въ эту игру, которая, право незнаю почему, считается мнимымъ подражаніемъ войнѣ. Въ эту послѣднюю игру Бонапарте никого не боялся. Это напоминаетъ мнѣ что отправляясь изъ Пассеріано, онъ объявилъ, что мы поѣдемъ черезъ Мантуу. Ему сказали что начальствовавшій въ этой крѣпости Генералъ, кажется Бовуаръ, былъ однимъ изъ искуснѣйшихъ игроковъ въ шахматы. Бонапарте пожелалъ сыграть съ нимъ. Генералъ Бовуаръ просилъ его назначить пѣшку, которою онъ сдѣлаетъ ему матъ, объявивъ что если пѣшка сія будетъ взята, то онъ выиграетъ партію. Бонапарте назначилъ послѣднюю пѣшку на лѣвой сторонѣ своего соперника. На ней поставили небольшой знакъ и эта пѣшка сдѣлала матъ. Бонапарте вовсе не былъ этимъ доволенъ. Онъ любилъ играть со мною, ибо хоть я и былъ нѣсколько сильнѣе его, но не могъ всегда у него выигрывать. Выигравъ одну партію, онъ тотчасъ переставалъ играть для того чтобы остаться на лаврахъ.

++

ГЛАВА II.

Сильные вѣтры. — Мы пристаемъ къ Аяччіо. — Наше тамъ пребываніе. — Родовое помѣстье. — Фешъ мѣняетъ намъ деньги. — Двадцать милліоновъ. — Сраженіе при Нови.— Смерть Жуберта. — Сонъ о выигранной битвѣ. — Воспоминаніе о Лакюе—Перемѣна. — Директорія. — Покупка шлюбки.—Отъѣздъ изъ Корсики.—Англійскій флотъ. — Страшная ночь. — Хладнокровіе Наполеона. — Мы избѣгаемъ великой опасности. — Фрежюсскій рейдъ. — Отечество. — Чума и Австрійцы. — Радость. — Карантинные законы. — Ложное обвиненіе. — Неимовѣрное счастіе.

Попутный вѣтръ, которымъ мы постоянно пользовались въ первые двадцать дней послѣ нашего отплытія, — дулъ еще пока мы плыли вдоль береговъ Сардиніи; но по минованіи сего острова, поднявшійся сильный западный вѣтръ, принудилъ насъ войти 1 Октября въ за-

ливъ Аяччіо. На другой день опять было поставили паруса, но оказалось невозможнымъ выйти изъ залива, такъ что мы принуждены были искать убѣжища въ гавани и пристать къ берегу въ Аяччіо. Противные вѣтры продолжали дуть и Бонапарте въ необходимости нашелся пробыть тамъ до 7 Октября. Можно легко себѣ представить, какъ ему была досадна эта задержка. Онъ иногда обнаруживалъ свое нетерпѣніе, какъ будто бы стихіи долженствовали ему повиноваться также какъ и люди. Онъ терялъ время, а время было для него драгоцѣнно. Но при этихъ препятствіяхъ онъ имѣлъ еще другую, болѣе важную причину безпокойства, о которомъ онъ часто мнѣ открывался. *Что со мною будетъ*, говорилъ онъ мнѣ, *если Англичане, крейсирующіе въ этихъ моряхъ, узнаютъ о нахожденіи моемъ въ Корсикѣ? Приходится сидѣть тутъ; и какое мѣсто! какая скука! Нѣтъ возможности вынесть! Особенно при этой толпѣ осаждающихъ меня родственниковъ!* Дѣйствительно пріобрѣтенная имъ слава чрезвычайно какъ увеличила его родню. Его безпрестанно отягощали посѣщеніями, поздравленіями, просьбами; весь городъ былъ въ движеніи; всѣ хотѣли втереться къ нему въ родню; и судя по значительному числу мнимыхъ крестниковъ, приходившихъ на поклонъ къ своему

мнимому крестному батюшкѣ, можно было подумать что Бонапарте крестилъ четвертую часть дѣтей въ Аяччіо.

Бонапарте нѣсколько разъ гулялъ съ нами въ окрестностяхъ Аяччіо и, находясь на высшей степени своей славы, не считалъ коронъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ онъ показывалъ намъ тогда свое небольшое родовое помѣстье.

Въ Аяччіо Г. Фешъ выдалъ Генералу Бонапарте Французскія деньги вмѣсто Турецкихъ цехиновъ на семнадцать тысячъ франковъ. Промѣнъ даже показался нѣсколько великимъ. Г. Фешъ довольно основательно оправдывался тѣмъ что эту монету трудно сбыть въ чужой землѣ. Эти семнадцать тысячъ франковъ составляли все, что Бонапарте привезъ изъ Египта. Я упоминаю объ этомъ потому, что Наполеона недостойнымъ образомъ оклеветали въ написанныхъ по отъѣздѣ письмахъ, которыя были перехвачены и обнародованы Англичанами. Я долженъ къ сему прибавить, что не желая для своихъ собственныхъ нуждъ прикасаться къ казнѣ, принадлежащей арміи, которая не имѣла довольно денегъ и на половину своихъ расходовъ, онъ нѣсколько разъ бралъ чрезъ Г. Жамеса переводомъ на Генуу и изъ денегъ, которыя онъ имѣлъ въ Конторѣ Клари, по пятнадцати, по двадцати пяти и даже по тридцати тысячъ франковъ. Свидѣтельст-

вую что онъ никогда не получалъ въ Египтѣ ничего кромѣ своего жалованья и выѣхалъ оттуда бѣднѣе чѣмъ онъ туда прибылъ: это неоспоримая истина. Изъ замѣчаній его объ Египтѣ видѣли что въ годъ получено двѣнадцать миліоновъ шесть сотъ тысячъ франковъ; въ томъ числѣ должно полагать покрайней мѣрѣ два миліона пени, для собранія коей пришлось отрубить много головъ. Бонапарте пробылъ четырнадцать мѣсяцевъ въ Египтѣ и говорятъ будто бы онъ вывезъ оттуда двадцать миліоновъ! Понимаю что клевета пріятна нѣкоторымъ людямъ, но покрайней мѣрѣ нужно нѣсколько вѣроподобія и искуства. Я же скажу, что этой двадцатимиліонной казны едва было достаточно на расходы Бонапарте въ Аяччіо и на проѣздъ нашъ на почтовыхъ до Парижа.

По прибытии въ Аяччіо мы узнали о смерти Жуберта и о потерѣ сраженія при Нови, даннаго 15 Августа. Бонапарте былъ безпрестанно тревожимъ тайнымъ безпокойствомъ; ничто опредѣлительно не открывалось еще въ его будущности, политическія извѣстія не приходили и онъ не видѣлъ ничего на чемъ бы остановить свои мысли, утвердить свои намѣренія. Въ продолженіе переѣзда до прибытія нашего въ Корсику, онъ очень заботился о томъ, что онъ будетъ дѣлать въ продолженіе карантина, который думалъ выдержать по пріѣздѣ въ Тулонъ,

гдѣ онъ намѣревался пристать къ берегу.

Тогда онъ старался еще обманывать себя на счетъ настоящаго положенія дѣлъ и часто говаривалъ мнѣ: *Безъ этого проклятаго карантина, приставъ къ берегу я тотчасъ бы отправился для принятія предводительства надъ Италіянскою арміею. Есть еще средства. Я увѣренъ, что ни одинъ Генералъ не откажется уступить мнѣ начальство. Вѣсть объ одержанной мною побѣдѣ пришла бы въ Парижѣ вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ Абукирской битвѣ. Это произвело бы хорошее дѣйствіе.*

Въ Корсикѣ онъ говорилъ совсѣмъ ужъ не то. Узнавъ о цѣпи нашихъ бѣдствій и обозрѣвъ всю великость зла онъ казался на минуту удрученнымъ, какъ будто бы облекся въ трауръ о потерѣ Италіи. Великія мысли уступили мѣсто частнымъ помышленіямъ и онъ занялся своимъ будущимъ пребываніемъ въ Тулонскомъ карантинѣ, не помышляя о томъ чтобы избѣгнуть условій, налагаемыхъ карантинными законами. Онъ всячески искалъ средствъ сдѣлать пріятнымъ этотъ родъ заключенія и хотѣлъ завести огромную переписку съ Парижемъ. Привыкнувъ болѣе смотрѣть впередъ, чѣмъ назадъ, онъ менѣе занимался оставленнымъ имъ Египтомъ, чѣмъ Парижемъ. Онъ говорилъ о Директоріи, о козняхъ, о томъ какъ будутъ про него толковать; напоминалъ мнѣ раз-

говоръ Лакюе съ Лавалеттомъ; считалъ своихъ враговъ, тѣхъ, которые ему завидовали; тѣхъ которыхъ тяготила его знаменитость и тѣхъ наконецъ, которые не могли ему простить его славу и вліяніе его имени. Часто онъ обнаруживалъ другаго рода опасенія; хотя и рѣшась подвергнуться тому что предписывалось закономъ, онъ однакоже боялся что Директорія не сократитъ срока его карантина. При всѣхъ этихъ безпокойствахъ, Бонапарте сохранялъ присутствіе духа, но не былъ такимъ какъ обыкновенно.

Судьба какъ ниже увидятъ, сдѣлала безполезными предположенія Бонапарте сократить скуку карантина. Предвидя всѣ возможные случаи, онъ купилъ въ Аяччіо большую шлюбку, съ тѣмъ чтобы взять ее съсобою на *Мюиронъ* и набралъ для нея двѣнадцать гребцовъ, самыхъ лучшихъ какихъ только можно было найти на островѣ. Онъ рѣшился, въ случаѣ неизбѣжной опасности, броситься въ эту шлюбку и гдѣ нибудь пристать къ берегу. Эту предосторожность едва не пришлось употребить (*).

Въ собраніи бумагъ, относящихся къ Генералу Бонапарте, напечатано: «Генералъ Шам-

(*) Вальтеръ-Скоттъ въ началѣ *Жизни Наполеона* говоритъ что Бонапарте никогда уже не бывалъ въ Корсикѣ послѣ 1793 года; вѣроятно для того чтобы не противорѣчить самому себѣ, Шотландскій Историкъ, говоря о возвращеніи изъ Египта, упоминаетъ что Бонапарте былъ близъ Аяччіо. Читатели видѣли что онъ провелъ тамъ восемь дней.

«піоне написалъ Директоріи четвертаго Октября «1799 года, что Бонапарте *прибылъ* во Францію и подаетъ въ отставку.» Простое сличеніе чиселъ опредѣляетъ цѣну сего показанія: не только Бонапарте не прибылъ во Францію *четвертаго* Октября, но не раньше какъ *седьмаго* числа сего мѣсяца погода позволила намъ выйти изъ Аяччійскаго залива. Плаваніе было благополучно до слѣдующаго дня; но тутъ при захожденіи солнца, мы усмотрѣли Англійскую эскадру изъ четырнадцати судовъ. Англичане, пользуясь расположеніемъ свѣта, который ударялъ прямо на насъ, видѣли насъ лучше, чѣмъ мы могли ихъ видѣть. Они признали наши два фрегата за суда Венеціянской постройки и къ счастію для насъ, ночь наступила, ибо мы находились очень близко другъ отъ друга: мы долго видѣли сигналы Англійскаго флота; пушечная пальба сильнѣе и сильнѣе раздавалась у насъ въ лѣвой сторонѣ и мы полагали что крейсеры намѣреваются обойти насъ съ юговостока. При этомъ обстоятельствѣ Наполеону дозволительно было благодарить фортуну, ибо очевидно, что еслибъ Англичане возъимѣли только подозрѣніе что наши два фрегата идутъ съ востока во Францію, то они преградили бы намъ путь ставъ между нами и землею, что имъ очень легко было сдѣлать. Они вѣроятно приняли насъ за транспорты со съѣстными при-

насами, идущіе изъ Тулона въ Генуу и этому то заблужденію, равно какъ темнотѣ, мы обязаны за то, что отдѣлались однимъ страхомъ.

Въ продолженіе этой жестокой ночи, послѣдовавшей за исполненнымъ боязни и тревоги вечеромъ, сильнѣйшее волненіе царствовало на *Мюиронѣ*. Гантомъ въ особенности былъ въ безпокойствѣ, которое не возможно описать и которое тягостно было видѣть; онъ дѣйствительно потерялъ всякое присутствіе духа, ибо бѣда казалась неизбѣжною. Онъ предложилъ воротиться въ Корсику: *Нѣтъ, нѣтъ*, возразилъ ему повелительно Бонапарте, *нѣтъ. Поставьте больше парусовъ; всѣ по мѣстамъ. На нордъ-вестъ! на нордъ-вестъ, пойдемъ.* Это приказаніе спасло насъ и я могу увѣрить, что посреди почти всеобщаго ужаса, Бонапарте занимался только отданіемъ приказовъ; быстрота его ума казалось возрастала при видѣ опасности. Воспоминаніе объ этой ночи, никогда не изгладится изъ моей памяти; часы оной были длинны и никто изъ насъ не могъ знать, какія новыя опасности озаритъ день.

Однакожъ Бонапарте рѣшился; приказы были отданы, распоряженія сдѣланы. Съ вечера еще вознамѣрился онъ броситься въ шлюбку и уже назначилъ особъ, долженствовавшихъ раздѣлить его жребій, объявивъ мнѣ какія бумаги важнѣе всего спасти. По счастію страхъ нашъ былъ

напрасенъ и всѣ эти распоряженія безполезны; первые лучи утренняго солнца показали намъ Англійскій флотъ, идущій къ Сѣверо - западу, а мы поплыли къ столь желаннымъ берегамъ Франціи.

Осьмаго Октября, въ восемь часовъ утра, мы вошли въ Фрежюсскій заливъ; моряки наши не тщательно наблюдали въ продолженіе ночи берегъ и мы не знали, гдѣ мы находимся.

Произошла минутная нерѣшительность итти ли намъ впередъ. Насъ не ожидали и мы не знали какъ отвѣчать на сингалы, въ отсутствіе наше перемѣненные. Съ береговыхъ баттарей сдѣлали нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ; но нашъ смѣлый ходъ по рейдѣ и стеченіе людей на палубахъ двухъ фрегатовъ, наши знаки радости, не дозволили долго сомнѣваться въ томъ, что мы друзья. Мы уже были въ гавани и готовились пристать къ берегу, какъ разнесся слухъ, что на одномъ изъ фрегатовъ находится Генералъ Бонапарте. Въ одну минуту море покрылось гребными судами; тщетно мы просили ихъ удалиться; мы были схвачены и перевезены на берегъ и когда мы говорили толпившимся около насъ мужчинамъ и женщинамъ объ опасности, которой они могли подвергнуться, то всѣ восклицали: *Лучше чума, чѣмъ Австрiйцы!*

Не стану описывать, что мы ощутили, сту-

пивъ на землю Франціи. Можно себѣ вообразить нашу радость, нашъ восторгъ послѣ пятнадцати мѣсяцевъ отсутствія, т. е. послѣ пятнадцати мѣсяцевъ страданій, утомленія и опасностей. Мы избѣгли непреодолимыхъ препятствій; потеряли съ отъѣзда нашего двадцать дней и едва не были захвачены Англичанами при нашемъ прибытіи! Ахъ, какъ воздухъ отечества показался намъ сладокъ подъ прекраснымъ небомъ Прованса! Сдѣланный намъ пріемъ, восклицанія, возбуждаемый Наполеономъ восторгъ, участіе которое каждый старался намъ показывать, еще болѣе усиливали нашу радость. Она была такъ велика что мы едва обратили вниманіе на печальныя вѣсти, со всѣхъ сторонъ получаемыя. Въ первую минуту, каждый изъ насъ, по невольному движенію со слезами на глазахъ и съ восторгомъ произнесъ прекрасный стихъ, вложенный Вольтеромъ въ уста Сицилійскаго изгнанника.

Наполеона упрекали въ нарушеніи карантинныхъ законовъ. Послѣ сказаннаго мною о намѣреніяхъ, имъ обнаруженныхъ и даже о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ на время его карантина, я не думаю чтобы могло оставаться какое либо сомнѣніе на счетъ лживости сего обвиненія. При этомъ случаѣ должно винить однихъ только жителей Фрежюса, которые сочли законъ необходимости важнѣе карантинна-

го устава. Однакожъ если представить себѣ что четыреста или пятьсотъ человѣкъ и множество багажа прибыли изъ Александрiи, гдѣ лѣтомъ свирѣпствовала чума; то должно считать неслыханнымъ счастiемъ, что Францiя и Европа спаслись отъ бича сего.

ГЛАВА III.

Дѣйствіе, произведенное Наполеоновымъ возвратомъ.—Оправданіе.—Письмо къ женѣ моей.—Странная участь моего письма.—Намѣреніе обѣдать въ Санѣ.—Разъѣздъ дорогою.—Лудовикъ Бонапарте и Іозефина въ Ліонѣ.—Счастіе и геній. —Желаніе получить извѣстія.—Потребность великихъ дѣлъ. —Всеобщій восторгъ.—Перемѣна дороги.—Жалкое состояніе Провинцій.—Правленіе Директоріи.—Лихоимство. —Законъ заложниковъ.—Заемъ ста милліоновъ.—Всеобщее неудовольствіе.—Потребность перемѣны.—Бонапарте защитникъ свободномыслія.—

Извѣстно какое дѣйствіе произвела во Франціи и въ Европѣ одна только вѣсть о возвращеніи Бонапарте. Не говорю еще о слѣдствіяхъ сего возвращенія и объ обширной ихъ между собою связи. Да позволено мнѣ будетъ заняться теперь лишь обвиненіями, коихъ онъ былъ предметомъ отъ выхода нашего на берегъ до 9 Ноября. Я довольно сказалъ о мнимомъ на-

рушенiи карантинныхъ законовъ (*). Его упрекали въ томъ, что онъ покинулъ Египетъ. Утверждали будто бы отъѣздъ его, изъ Александрiи былъ съ давняго времени обдуманъ; не покидавъ Наполеона, я могу самымъ положительнымъ образомъ увѣрить, что возвращенiе его во Францiю было дѣйствiемъ мгновенной рѣшимости и могу это доказать однимъ обстоятельствомъ, лично до меня касающимся.

Во время нахожденiя нашего въ Каирѣ, за нѣсколько дней предъ полученiемъ извѣстiя о высадкѣ Англо-Турецкой армiи, тогда какъ мы располагали итти стать лагеремъ у пирамидъ, Бонапарте отправилъ во Францiю курьера. Воспользовавшись этимъ случаемъ я написалъ къ женѣ моей и почти навѣки съ нею прощался. Письмо мое отзывалось такою грустью, какой я еще никогда ей не обнаруживалъ; между прочимъ говорилъ я ей, что мы не знаемъ уже когда

(*) Говорили и напечатали, весьма несправедливо, будто бы повелѣнiемъ высшей власти Бонапарте былъ освобожденъ отъ карантина; этимъ хотѣли доказать сколько страшились, чтобы онъ не опоздалъ. Одного слова достаточно для доказательства что это показанiе столько же ложно, какъ и невѣроподобно. Вопервыхъ надобно было знать что мы отправимся изъ Египта; а потомъ надобно было знать гдѣ мы пристанемъ. Притомъ же какъ предполагать чтобы Правительство могло, по своему произволу, отмѣнять соблюденiе такого закона, отъ котораго зависѣла всеобщая безопасность? По истинѣ почти должно краснѣть, говоря о такихъ нелѣпостяхъ.

и какъ намъ будетъ возможно возвратиться во Францію. Еслибъ Бонапарте имѣлъ тогда въ мысляхъ скорое возвращеніе, то я бы зналъ объ этомъ, а зная, не сталъ бы огорчать мое семейство сообщеніемъ ему печальныхъ извѣстій тогда какъ семь мѣсяцевъ мы не могли ни къ кому посылать писемъ во Францію. Между тѣмъ вотъ что случилось:

Черезъ два дня по полученіи моего письма, жену мою разбудили рано утромъ, объявивъ ей о прибытіи нашемъ во Францію; пріѣхавшій съ этимъ извѣстіемъ курьеръ привезъ отъ меня другое, написанное мною изъ Фрежюса письмо, въ которомъ я увѣдомлялъ что Бонапарте поѣдетъ чрезъ Санъ и будетъ обѣдать у моей матери.

По моему желанію, Г-жа Буріеннъ, черезъ день послѣ сего отправилась въ Парижъ въ пять часовъ утра; на второй станціи она повстрѣчала карету съ четырью путешественниками и узнала Лудовика Бонапарте, ѣдущаго на встрѣчу къ Генералу по Ліонской дорогѣ. Лудовикъ также узналъ Г-жу Буріеннъ и приказалъ почталіону остановиться. Подошедъ къ ея каретѣ, онъ спросилъ, не имѣетъ ли она отъ меня извѣстій; она сообщила ему что ей было извѣстно и что мы непремѣнно проѣдемъ чрезъ Санъ; ибо по желанію Генерала у матери моей готовится для него обѣдъ. Тогда Лудовикъ спокойно про-

должалъ свой путь. Около девяти часовъ, жена моя встрѣтила другую карету, въ которой находилась Г-жа Бонапарте со своею дочерью. Такъ какъ обѣ онѣ спали и кареты очень скоро разъѣхались, то никто не остановился. Іозефина поѣхала по одной дорогѣ съ Лудовикомъ: какъ она, такъ и онъ разъѣхались съ Генераломъ, который въ Ліонѣ перемѣнилъ свое намѣреніе и разсудилъ избрать дорогу чрезъ Бурбонне. Онъ прибылъ черезъ 15 часовъ послѣ жены моей, а тѣ которые отправились по Бургонской дорогѣ, безполезно проѣхали до Ліона.

Участь моего Каирскаго письма причиною, что я нѣсколько упредилъ ходъ событій; обращаюсь къ Генералу Бонапарте. Итакъ справедливо было, что по сорока-осмидневномъ плаваніи онъ благополучно присталъ къ отечественному берегу. Многіе говорятъ о счастіи, которое привязывается къ человѣку и сопутствуетъ ему въ продолженіе всей его жизни; хоть я впрочемъ и не вѣрю такому предопредѣленію, но разсматривая столь многочисленныя, столь различныя опасности, коихъ Бонапарте избѣгнулъ въ столькихъ предпріятіяхъ, равно какъ случайности, коимъ онъ подвергался и удачныя его во всемъ попытки, я постигаю, что многіе питаютъ эту вѣру; но, долго наблюдая того, коего прозвали *мужемъ судьбы*, я видѣлъ что называемое имъ фортуною, было не что

иное, какъ его геній; что счастіе его происходило отъ глубокой его прозорливости, отъ его быстрыхъ какъ молнія соображеній, отъ одновременности его дѣйствій съ мыслью, и отъ убѣжденія его въ томъ, что смѣлость часто дѣлается мудростью. Еслибъ напримѣръ, на пути нашемъ изъ Александріи въ Фрежюсъ, Бонапарте не потребовалъ повелительно избранія другаго пути, а не того, по которому обыкновенно слѣдовали, еслибъ онъ согласился въ началѣ плаванія войти обратно въ Александрійскую гавань, а при концѣ онаго въ портъ Аяччіо, — то восторжествовалъ ли бы онъ надъ затрудненіями, на пути разсѣянными? Вѣроятно что нѣтъ: и такъ! не уже ли все это было дѣломъ случая? Конечно нѣтъ.

По прибытіи въ Фрежюсъ, Бонапарте, жаждая извѣстій, началъ всѣхъ разспрашивать. Тамъ-то онъ узналъ во всей обширности бѣдствія наши въ Италіи, о коихъ онъ уже имѣлъ свѣдѣнія, но не столь подробныя въ Аяччіо. Мысль, которую онъ имѣлъ до выхода на берегъ въ Корсикѣ, очень ослабѣвшая, наконецъ совсѣмъ изгладилась изъ ума его. *Бѣда слишкомъ велика*, сказалъ онъ, *нечего дѣлать*. Жертва сія дорого ему стоила, ибо я не забылъ, съ какимъ удовольствіемъ, съ какимъ упоеніемъ, онъ представлялъ себѣ въ продолженіе нашего переѣзда—дѣйствіе, которое произвела бы въ Па-

рижѣ вѣсть о побѣдѣ, одержанной въ Италіи Генераломъ Бонапарте, полученная вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ Абукирской битвѣ. Онъ приходилъ въ восторгъ при мысли обо всемъ, что долженствовало поразить воображеніе.

Рѣшась какъ можно скорѣе отправиться въ Парижъ, Бонапарте выѣхалъ изъ Фрежюса послѣ обѣда въ тотъ самый день, какъ мы пристали къ берегу. Выше сказано, что по прибытіи въ Фрежюсъ, онъ отправилъ курьера, поручивъ ему извѣстить объ немъ въ Санѣ мать мою. Въ Ліонѣ рѣшился онъ ѣхать по Бурбонесской дорогѣ, ниже увидятъ почему. Вездѣ по дорогѣ, въ Э, въ Ліонѣ, въ городахъ и въ деревняхъ, онъ былъ принимаемъ какъ въ Фрежюсѣ, т. е. съ кликами близкими къ изступленію; надобно было присутствовать при этомъ торжественномъ шествіи для того, чтобы составить себѣ объ немъ понятіе и не нужно было имѣть слишкомъ большой наблюдательности для того, чтобы предвидѣть нѣчто подобное осмнадцатому Брюмеру.

Области, преданныя безначалію, опустошаемыя междоусобіемъ, были безпрестанно угрожаемы внѣшнею войною и почти весь Югъ представлялъ печальное зрѣлище огромнаго поприща, открытаго буйству партій. Народъ стеналъ подъ игомъ тиранскихъ законовъ; самовластное притѣсненіе господствовало; законъ

заложниковъ посягалъ на личную свободу; насильственные займы угрожали частнымъ имуществамъ; всѣ граждане единодушно были вооружены противъ пентархіи безъ силы, безъ правосудія, безъ нравственности, содѣлавшейся игрушкою заговорщиковъ и казнодѣевъ. Дороги были наводнены разбойниками (*); —жадные чиновники Директоріи предавались соблазнительному лихоимству, неизбѣжному послѣдствію такого образа Правленія, при коемъ честолюбцы безпрестанно находили средства возвышаться и которое слабостью своею, казалось, поощряло ихъ къ обогащенію ненасытныхъ своихъ клевретовъ. Все носило на себѣ знаменіе разврата; безпорядокъ повсюду царствовалъ и особенно въ провинціяхъ были ощутительны злоупотребленія. Вообще въ большихъ городахъ легче избѣгнуть десницы притѣснительнаго самовластія.

Столь желаемая перемѣна не могла не произойти и не быть принята съ восторгомъ. Большая часть Французовъ желали выйти изъ сего несноснаго положенія. На ту минуту представлялось двѣ опасности: безначаліе и Бурбоны; всѣ чувствовали сильную необходимую нужду сосредоточить власть въ одной рукѣ, поддер-

(*) Отъ Фрежюса до Э насъ благосклонно провожали толпы людей, бѣжавшихъ съ факелами передъ каретою Генерала, болѣе для нашей безопасности чѣмъ для изъявленія чрезъ то своего восторга.

жавъ всѣ учрежденія, которыхъ требовали духъ и просвѣщеніе вѣка и которыя Франція, купивъ ихъ толикою славою и толиками въ продолженіе десяти лѣтъ бѣдствіями, едва мелькомъ увидѣла, находясь въ опасности потерять ихъ. Искали человѣка, который бы могъ возвратить спокойствіе изнуренной и утомленной Франціи! Никто еще не встрѣчался. Является счастливый воинъ, покрытый славою: онъ водрузилъ Французское знамя на Капитоліи и на Пирамидахъ: всѣ признавали въ немъ превосходные таланты; его качества, извѣстная смѣлость его видовъ и его побѣды, поставили его на первой степени. Великіе труды, блистательныя дѣла почти всѣ увѣнчавшіяся успѣхомъ, рѣчи его, акты и воззванія, съ тѣхъ поръ какъ онъ вступилъ на поприще, не долженствовали оставлять никакого сомнѣнія въ желаніи его сдѣлать счастливою и свободною Францію, которая желала быть таковою и приняла его. Бонапарте, для учрежденія общественной свободы, конечно не имѣлъ недостатка, ни въ возвышенныхъ видахъ, ни въ образованіи, ни въ потребной способности обозрѣнія; одной только воли могло у него не быть. Въ опасномъ, въ стѣсненномъ положеніи, въ которомъ находилась—потребность въ мгновенномъ, самовластномъ Диктаторствѣ, иногда необходимомъ для спасенія государства, устраняла всякое помыш-

ленie о послѣдствiяхъ такой власти и никто не думалъ что слава несовмѣстна съ общественною свободою. Не думая о будущемъ, бросили взоры на Генерала, считаемаго всѣми наиспособнѣйшимъ человѣкомъ для защиты Республики внѣ государства и свободы внутри онаго; на Генерала, коего поклонники его и нѣкоторые довѣрчивые люди называли *героемъ свободномыслія*, каковаго имени онъ добивался.

Посему слѣдовало, во всѣхъ этихъ отношенiяхъ предпочесть его какъ главу великодушнаго народа, ввѣрявшаго ему свой жребiй, толпѣ подлыхъ, изувѣрныхъ лицемѣровъ, которые подъ именами Республики и свободы, довели Францiю до самаго низкаго, до самаго постыднаго рабства.

И дѣйствительно кто могъ полагать, что достигнувъ верховной власти, Бонапарте употребитъ ее для того, чтобы попрать ногами правила, которыя онъ столь часто провозглашалъ и которымъ онъ за нея былъ обязанъ? Кто бы могъ подумать, что онъ замѣнитъ самымъ неограниченнымъ самовластiемъ конституцiонную свободу, коей Францiя жаждала и коею спокойное обладанiе, она такъ долго и часто столь пагубными попытками, старалась прiобрѣсть? Не смотря на то, удовлетворивъ своему честолюбiю, пожертвовавъ всѣмъ для достиженiя своей цѣли, онѣ возстановилъ тѣ самыя прави-

ла, противъ коихъ онъ столь мужественно сражался 13 Вандеміера и 18 Брюмера и началъ съ такою же силою защищать ихъ: онъ забылъ порицанія, коими самъ онъ осыпалъ ихъ въ своихъ рѣчахъ и воззваніяхъ. Это отъ того, что не взирая на орлиный взглядъ, коимъ онъ умѣлъ столь вѣрно и столь быстро обнимать самыя многосложныя вещи, Бонапарте не замѣтилъ при возвышеніи своемъ къ могуществу, что если несчастныя обстоятельства опять помѣстятъ его на скатѣ, то онъ уже не будетъ имѣть для избѣжанія паденія, поддержку народной воли и помощь патріотизма, имъ отвергнутаго и обманутаго. Не ужели онъ дерзалъ надѣяться, что въ продолженіе многочисленныхъ предпріятій, наполнявшихъ жизнь его, судьба никогда, ни на минуту не будетъ ему неблагопріятною? Не ужели онъ не видѣлъ, что когда человѣкъ самъ составляетъ *все*, то съ нимъ *все* падаетъ; и что если судьба Государства зависитъ отъ выигрыша или отъ потери сраженія, то она ни на чемъ не основана.

++

ГЛАВА IV.

Неопредѣлительность замысловъ.—Всеобщая радость.— Вліяніе народныхъ кликовъ.— Дружба моя къ Бонапарте. — Удовольствіе его при громѣ рукоплесканій.—Общее мнѣніе.— Чѣмъ могъ быть Бонапарте, и чѣмъ онъ былъ.— Безполезность его завоеваній.— Законы Наполеона.— Прибытіе въ Парижъ.— Обѣдъ Г-жи Бонапарте у Гойе.— Супружеская размолвка.— Новыя помышленія о разводѣ.— Примиреніе. —Бонапарте посѣщаетъ Директорію.— Пренебреженіе, оказанное имъ Сіесу.

Между великими предпріятіями, безпрестанно занимавшими умъ Наполеона, безъ всякаго сомнѣнія должно помѣстить замыселъ сдѣлаться главою Правительства; но очень бы ошибся тотъ, который полагалъ бы, что по возвращеніи своемъ онъ имѣлъ какой либо обдуманный планъ и положительное намѣреніе; въ его често-

любивыхъ желанiяхъ было нѣчто неопредѣлительное; и если можно это сказать, онъ строилъ въ умѣ такъ называемые, воздушные замки. Сила событiй оказалась согласною съ его желанiями и должно признаться что всѣ во Францiи сократили Наполеону путь, ведущiй къ власти. Достовѣрно, что эти единогласныя одобренiя и эта всеобщая радость, сопровождавшiя его на двухъ стахъ миляхъ пути, долженствовали побудить его считать народнымъ дѣломъ то, что съ начала было въ немъ только желанiемъ вмѣшаться въ дѣла Республики.

Должно сказать, что этотъ восторгъ, который нельзя себѣ представить не бывъ свидѣтелемъ онаго, и этотъ взрывъ чувствъ и удивленiя, съ коимъ ни что никогда не сравнится, эти повсюду обнаруженныя надежды, порождали въ сердцѣ самыя прiятныя ощущенiя, а въ умѣ, самыя благородныя мысли.

Я гордился тѣмъ, что присутствую при торжествѣ юнаго побѣдителя, котораго я любилъ, которому я удивлялся и который удостоивалъ меня своей дружбы. Я по истинѣ считалъ его спасителемъ моего отечества, коего благоденствiе всегда было самымъ пламеннымъ желанiемъ моего сердца.

Этотъ добродѣтельный порывъ, который конечно не былъ ни заказанъ, ни заплаченъ, громогласно возвѣщалъ скорбь народа и надежду

найти въ побѣдоносномъ вождѣ своего избавителя. Это всеобщее упоеніе, возбуждаемое возвращеніемъ завоевателя Египта, причиняло ему радость, которой я не въ состояніи изобразить и было для него,—какъ онъ самъ мнѣ часто повторялъ—могущественнымъ ободреніемъ для того, чтобы итти къ цѣли, на которую желанія Франціи какъ будто ему указывали.

Всѣ сословія, всѣ стороны—желали и ожидали 18 Брюмера. Даже многіе роялисты на минуту полагали, что перемѣна будетъ благопріятна для Короля: мы такъ легко вѣримъ тому, чего желаемъ!

Во времена безпорядка, когда всѣ власти смѣшаны, когда ничто не составляетъ перевѣса—искуснѣйшій, сильнѣйшій, смѣлѣйшій легко можетъ притѣснять другихъ; и при обстоятельствахъ, нами описываемыхъ, ничего не было легче, для счастливаго меча, какъ овладѣть общею свободою, которою лживые хранители оной и жалкіе олигархи безсовѣстно играли. Неоспоримое превосходство Наполеона въ военномъ искуствѣ надъ его современниками, власть которую даютъ слава, счастіе и знаменитость имени, соединяясь въ немъ,—могущественно послужили ему въ эту эпоху, какъ и послѣ на двухъ третяхъ его поприща.

Еслибъ, пріявъ власть, ему предлагаемую, онъ пребылъ вѣренъ правиламъ, которыя онъ

до тѣхъ поръ наблюдалъ и провозглашалъ, для которыхъ онъ сражался и побѣждалъ; еслибъ онъ оградилъ всѣмъ блескомъ своей славы общественную свободу, требуемую народомъ и вѣкомъ; еслибъ онъ сдѣлалъ Францію столь же счастливою и свободною, сколько онъ доставилъ ей могущества и славы, то потомство не могло бы отказать ему перваго мѣста между великими мужами, съ коими рядомъ оно его поставитъ. Но не сдѣлавъ для блага человѣчества того, что онъ предпринялъ единственно для своей славы, онъ будетъ сужденъ потомствомъ по его дѣяніямъ. Оно воздастъ ему хвалу за его побѣды, но не за его завоеванія, потому что сіи послѣднія ни къ чему не послужили и онъ не сохранилъ ни одного изъ нихъ. Названіе одного изъ величайшихъ полководцевъ, когда либо блиставшихъ на землѣ, будетъ неоспоримо; но онъ оставилъ Францію менѣе обширною, чѣмъ какою онъ получилъ ее, менѣе обширною, чѣмъ какою оставилъ ее Лудовикъ XIV. Блистательные его Италіянскіе походы доставили Венецію Австріи, а Іонійскіе острова Англичанамъ. Египетскій походъ далъ имъ Мальту, истребилъ нашъ флотъ и стоилъ намъ 22,000 человѣкъ. Гражданское Уложеніе есть единственный законодательный актъ, могущій быть одобреннымъ философіею и разсудкомъ; всѣ прочіе законы, названные основ-

ными, были ничтожны; все утверждалось на его существованіи. Содѣйствовало ли его Консульское и Императорское правленіе къ благоденствію Французовъ? Потомство будетъ отрицательно отвѣтствовать на вопросъ сей. И дѣйствительно, положивъ на вѣсы, съ одной стороны всѣ наши побѣды, всю нашу славу; а съ другой Европу въ Парижѣ и постыдный договоръ 1815 года со всѣми его обстоятельствами и послѣдствіями, всякой увидитъ, на которую сторону онѣ склонятся.

Выше объяснено, какія причины дѣлали необходимою перемѣну и заставляли желать оной. Не обошлось однако же безъ козней въ день 18 Брюмера. Если день сей, чего нельзя оспорить, былъ концемъ безначалія и безпорядка, то онъ же и положилъ конецъ свободѣ.

Едва угадали человѣка, коему была предложена власть и который принялъ оную, какъ начали толковать о заговорахъ противъ Республики и старались взять мѣры для спасенія оной; необходимость и, должно сказать, почти всеобщее чувство, ввѣрили исполненіе сего тому, который долженствовалъ уничтожить оную. Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ говорилъ и отвѣчалъ какъ человѣкъ, чувствующій свою силу и могущество. Онъ не любилъ, ни толковъ, ни обѣдовъ, ни баловъ; умъ его возносился выше.

Мы прибыли въ Парижъ 24 Вандемiера (16 Октября). Онъ еще ничего не зналъ, ибо не видался, ни съ женою своею, ни съ братьями, которые понапрасну спѣшили ему на встрѣчу по Бургонской дорогѣ. Извѣстiе о выходѣ его на берегъ въ Фрежюсѣ дошло въ Парижъ посредствомъ телеграфа. Г-жа Бонапарте, обѣдая у Г. Гойе въ тотъ день, какъ онъ получилъ сiю вѣсть въ качествѣ Президента Директорiи, тотчасъ рѣшилась ѣхать къ нему на встрѣчу, зная сколь для нея важно не быть предупрежденною его братьями.

Читатели не забыли нескромность Жюно при источникахъ Мессудiасскихъ. Нескромности сiи какъ сказано, произведя сильную вспышку ревниваго гнѣва, не оставили сначала видимыхъ по себѣ послѣдствiй; но Бонапарте тѣмъ не менѣе былъ снѣдаемъ тайными подозрѣнiями, и неблагопрiятное впечатлѣнiе, произведенное рѣчами Жюна, не совершенно разсѣялось или даже возобновилось по прiѣздѣ нашемъ въ Парижъ. Когда Iозефина туда возвратилась, мы уже были тамъ. Воспоминанiе о прошедшемъ, непрiязненные, злобные разсказы его братьевъ и преувеличенныя обстоятельства, раздражили Наполеона въ высшей степени; такъ что онъ принялъ Iозефину съ расчитанною строгостью и съ выраженiемъ самаго холоднаго равнодушiя. Онъ три дня не имѣлъ съ нею сношенiй и въ

продолженіе этихъ дней безпрестанно говорилъ со мною о своихъ подозрѣніяхъ, которымъ воображеніе его придавало достовѣрность; и часто угрозы о разводѣ исторгались изъ устъ его съ неменьшею яростью какъ и въ стенахъ Сиріи. Взявшись опять за дѣло примирителя, которое мнѣ тогда такъ удалось, я представилъ ему, сколько для него возникнетъ опасностей отъ соблазнительной огласки дѣла о разводѣ. Какое время онъ для того выбираетъ? неужели въ ту самую минуту, какъ великіе его замыслы можетъ быть свершатся, онъ станетъ занимать Европу подробностями обвиненія въ прелюбодѣйствѣ. Я говорилъ ему о Гортензіи и объ Евгеніи, которыхъ онъ очень любилъ и наконецъ достигъ такого же успѣха, какъ и въ первый разъ; размышленія, подкрѣпленныя живѣйшею привязанностью, которую онъ всегда питалъ къ Іозефинѣ, содѣйствовали къ произведенію совершеннаго примиренія. Послѣ этихъ трехъ дней супружеской размолвки, между ими въ этомъ отношеніи никогда уже не происходило распрей. Не такъ было, какъ ниже увидятъ, касательно безразсудныхъ издержекъ и долговъ Іозефины.

На другой день по прибытіи своемъ Бонапарте посѣтилъ Директорію. Свиданіе было холодно. Онъ сказалъ мнѣ 24 Октября: *Обѣдая вчера у Гойе, я показывалъ видъ, что не хочу смотрѣть на Сіеса, который тамъ же нахо-*

дился и я замѣтилъ, какъ его раздражило это пренебреженiе. — Увѣрены ли вы, что онъ противъ васъ? — *Я еще не знаю, но это человѣкъ съ системами, котораго я не люблю.*

Бонапарте уже тогда думалъ о томъ, чтобъ быть избраннымъ, на мѣсто его, Членомъ Директорiи.

ГЛАВА V.

Неполученіе извѣстій и желаніе имѣть оныя.—Моро и Бернадотъ.—Мнѣніе Наполеона о Бернадотѣ. — Мавританская кровь и честность правилъ.—Ложные слухи. — Шведская корона и Конституція III года. — Козни братьевъ Наполеона.—Первые дни въ Парижѣ.—Министерство Бернадота.—Поздое посѣщеніе.—Бурный разговоръ.—Отзывъ Наполеона.—Бредни.—Внутренніе враги.—Опасенія и искуство Г-жи Бонапарте.—Нескромность Генерала.—Неожиданное посѣщеніе.—Манежный клубъ.—Г. Моро Вормсъ. — Бернадотъ, Членъ Клуба.—Салисетти и Іосифъ.—Вспышка Наполеона.—Бонапарте называется самъ къ Бернадоту. — Поѣздка за городъ.—Безполезная любезность.—Двѣ партіи Директоріи.—Бернадотъ обѣдаетъ у Наполеона.—Заговоръ и условіе наше съ Іозефиною.—Искренняя веселость.

Дабы лучше слѣдовать за ходомъ великихъ событій, долженствующихъ вскорѣ намъ представиться — необходимо напомнить здѣсь въ

короткихъ словахъ, какія козни были устроены, какіе честолюбивые виды возникли въ продолженіе бытности нашей въ Египтѣ; наконецъ всѣ эти вещи, которыя мы такъ жаждали узнать, будучи столь долгое время чужды своему отечеству. По прибытіи въ Парижъ Бонапарте, какъ легко себѣ вообразить, ничего не зналъ; не получая никакихъ извѣстій въ Египтѣ, онъ не могъ имѣть понятія о происходившемъ тогда во Франціи, а на пути отъ Фрежюса къ Парижу намъ невозможно было собрать много свѣдѣній; ибо мы сдѣлали этотъ переѣздъ скорѣе какъ курьеры, чѣмъ какъ путешественники. И однакожъ, намъ было очень нужно узнать настоящее состояніе дѣлъ и расположеніе тѣхъ, которыхъ Бонапарте считалъ своими соревнователями въ славѣ, и въ которыхъ онъ могъ обрѣсти честолюбивыхъ соперниковъ. Моро пользовался высокою воинскою славою; замѣчали также Бернадота, коего характеръ казался непреклоннымъ. Наполеону вообще были ревностно преданы сподвижники славы его въ Италіи и тѣ, которыхъ въ послѣдствіи онъ назвалъ *мои Египтяне*. Но въ Рейнской арміи также возникли отличные люди и хотя они не отказывали въ своемъ удивленіи завоевателю Италіи, но находили нѣчто болѣе къ себѣ близкое въ уваженіи, оказываемомъ ими тому, который исправилъ бѣдствія Шерера. Притомъ

же, очень естественно чувство, побуждающее насъ предпочитать ту славу, въ которой мы принимали хоть какое либо участiе. Не станемъ также терять изъ вида, что почти вся армiя была республиканская и что Директорiя казалась Правительствомъ, нарочно изобрѣтеннымъ для того, чтобы покровительствовать тѣмъ, которые устроивали козни. Все это усѣвало затрудненiями путь, по которому намъ предлежало слѣдовать, поставляя насъ въ необходимость хорошенько осмотрѣться. Правда что неимовѣрный восторгъ привѣтствовалъ насъ во всю дорогу; но это казалось недостаточнымъ: и надобно было прiобрѣсть одобренiя, обнаруживающiяся не кликами, а инымъ образомъ.

Въ продолженiе Египетскаго похода, Бернадотъ, ревностнѣйшiй Республиканецъ, былъ Военнымъ Министромъ. Недѣли за три до прiѣзда Наполеона, Бернадотъ сдалъ свою должность Дюбуа-Крансе. Нѣкоторые приверженцы бывшаго Министра старались опять возвести его въ это званiе и для Бонапарте очень было важно воспрепятствовать успѣху ихъ замысла. Я помню, что на другой день нашего прибытiя, Бонапарте сказалъ мнѣ: «Я ужъ узналъ многiя вещи, но мы увидимъ. Бернадотъ странный человѣкъ: когда онъ былъ Военнымъ Министромъ, то Ожеро, Салисетти и нѣкоторые другiе пришедъ къ нему сказали, что Консти-

туцiя въ опасности; что надобно избавиться отъ Сiеса, отъ Барраса, отъ Фуше; что они устроиваютъ заговоръ. Что же сдѣлалъ Бернадотъ? Ничего. Онъ потребовалъ доказательствъ: ему не могли доставить оныхъ; онъ потребовалъ полномочiя! кто могъ дать ему оное? Никто. Надобно было самому взять его. Онъ не посмѣлъ; и прибѣгнулъ къ увёрткамъ; онъ сказалъ, что не можетъ принять участiя въ замыслахъ, ему предлагаемыхъ. Онъ обѣщалъ только молчать съ условiемъ, что оные будутъ оставлены. Этотъ человѣкъ не средство, а препятствiе. Одинъ изъ принимавшихъ въ этомъ дѣлѣ участiе, сказывалъ мнѣ, что ему давали знать, что многiе значущiе люди желали облечь его великою властью для спасенiя общественнаго дѣла; но онъ упрямъ и ни о чемъ не хотѣлъ слышать.»

Послѣ краткаго молчанiя, въ продолженiе коего Бонапарте потиралъ себѣ лобъ правою рукою,—онъ продолжалъ: «По всему полагаю, что Бернадотъ и Моро будутъ противъ меня. Но я не боюсь Моро: онъ слабъ, безъ твердости духа. Я увѣренъ, что онъ предпочитаетъ военную власть политической; его можно будетъ преклонить обѣщанiемъ предводительства армiею. Но Бернадотъ! у этого есть кровь въ жилахъ; онъ предпрiимчивъ и смѣлъ; онъ въ союзѣ съ моими братьями; онъ меня не лю-

битъ; я почти увѣренъ, что онъ будетъ противъ меня. Если имъ овладѣетъ честолюбіе, то онъ сочтетъ себя въ правѣ на все осмѣлиться! . . . Вспомни однако же, какъ нерадиво дѣйствовалъ онъ тогда, какъ я послалъ его къ Ожеро на подкрѣпленіе. Притомъ же этого человѣка не легко соблазнить; онъ безкорыстенъ, уменъ . . . . . Впрочемъ, мы только что пріѣхали; еще увидимъ!»

Носился слухъ, будто бы Бернадотъ подалъ мнѣніе отдать Бонапарте подъ военный судъ, какъ за то, что онъ оставилъ армію, такъ и за нарушеніе карантинныхъ законовъ. Слухъ сей дошелъ до ушей Бонапарте, но онъ не повѣрилъ ему и былъ правъ. Бернадотъ считалъ себя связаннымъ съ Конституціею, которую онъ клялся защищать; отъ того произошло сопротивленіе, оказанное имъ, какъ ниже увидятъ, исполненію 18 Брюмера; но онъ не имѣлъ къ Бонапарте никакой личной непріязни до тѣхъ поръ, пока не угадалъ его честолюбивыхъ замысловъ. Въ послѣдствіи произошли событія, столь великія, столь многосложныя, столь дивныя, что Шведская корона сдѣлалась совмѣстною съ вѣрностью Конституціи III года.

Въ первое время пребыванія нашего въ Парижѣ, хоть я почти и безотлучно находился при Генералѣ, но какъ порядокъ нашихъ занятій не былъ еще учрежденъ, то у меня раза

три или четыре оставалось часа по два свободнаго времени, которое я посвятилъ моему семейству, друзьямъ моимъ, а также на собираніе свѣдѣній о томъ, что произошло во время нашего отсутствія, на прочтеніе старыхъ журналовъ и нѣкоторыхъ сочиненій, почти забытыхъ. Я безъ удивленія узналъ, что братья Бонапарте т. е. Іосифъ и Луціанъ вмѣшались во многія козни. Мнѣ сказали, что Сіесъ даже имѣлъ однажды мысль пригласить Герцога Брауншвейгскаго въ главы Правительства; что Баррасъ не воспротивился бы возвращенію Бурбоновъ; что Муленъ, Рожеръ-Дюко и Гойе одни только вѣрили или показывали видъ, что вѣрятъ возможности сохранить существующую форму Правительства. Я имѣю сильныя причины думать, судя по сказанному мнѣ въ то время, что Іосифъ и Луціанъ дѣлали всякаго рода попытки для того, чтобы преклонить Бернадота на сторону своего брата, и что съ этою цѣлью и въ этой надеждѣ, они содѣйствовали къ назначенію его Военнымъ Министромъ. Впрочемъ однакожъ, это такая вещь, за которую я не могу ручаться, ибо я положилъ себѣ правиломъ ручаться только за то, что я самъ видѣлъ или слышалъ. Мнѣ сказывали также, что Бернадотъ сначала покорился было вліянію двухъ братьевъ Бонапарте, но что домогательства ихъ въ пользу Наполеона

содѣйствовали къ тому, чтобы отклонить его отъ нихъ, побудить его къ свободному отправленію своей должности и заставить его рѣшиться открыть глаза Директоріи на то, чего Республика могла опасаться отъ предпріимчиваго генія Наполеона. То, что я скажу ниже о поступкахъ Бернадота съ Бонапарте, можетъ служить къ подтвержденію этихъ показаній.

Бернадотъ не сдѣлалъ, подобно всѣмъ бывшимъ въ Парижѣ Генераламъ, посѣщенія Генералу Бонапарте въ первые дни по его пріѣздѣ. Это отсутствіе было тѣмъ замѣтнѣе, что онъ служилъ подъ его начальствомъ въ Италіи; не прежде какъ черезъ двѣ недѣли, и то по усильнымъ просьбамъ Іосифа и его супруги, родственницы Бернадота, онъ рѣшился посѣтить своего прежняго Главнокомандующаго. Я не былъ свидѣтелемъ ихъ свиданія; ибо въ ту минуту какъ пріѣхалъ Бернадотъ, я занимался дѣлами въ небольшомъ кабинетѣ Шантеренской улицы. Но я скоро узналъ, что разговоръ былъ продолжителенъ и горячъ; ибо тотчасъ по окончаніи онаго, Бонапарте, вошедъ встревоженный и взволнованный въ кабинетъ, съ жаромъ сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, представь себѣ, этотъ Бернадотъ. Ты проѣхалъ черезъ Францію со мною; ты видѣлъ восторгъ, возбужденный моимъ возвращеніемъ; ты самъ говорилъ мнѣ, что видишь въ этомъ восторгѣ желаніе Фран-

цузовъ выйти изъ бѣдственнаго положенія, въ которое повергли ихъ наши несчастія. Вообрази же, что Бернадотъ расхваливаетъ со страннымъ преувеличеніемъ блистательное и побѣдоносное положеніе Франціи! Онъ говорилъ мнѣ о побѣдахъ надъ Русскими, о занятіи Генуи, о безчисленныхъ арміяхъ, повсюду набираемыхъ . . . . и еще Богъ знаетъ что? . . . Все это одни бредни!—Я ничего не понимаю въ этихъ преувеличеньяхъ, отвѣчалъ я Наполеону. А говорилъ ли онъ вамъ о Египтѣ?—Ахъ, ты мнѣ напомнилъ. Онъ упрекалъ меня въ томъ, что я не привелъ армію съ собою! . . . . . Но вы сей часъ говорили,—возразилъ я,—что у васъ тма войска, что всѣ ваши границы обеспечены, что производятся огромные наборы, что у васъ будетъ двѣсти тысячъ пѣхоты и сорокъ тысячъ конницы! Если такъ, то къ чему послужили бы во Франціи нѣсколько тысячъ человѣкъ прибавочныхъ, которые могутъ удерживать Египетъ? На это ему нечего было отвѣчать. Тогда этотъ человѣкъ, гордящійся тѣмъ, что онъ былъ Военнымъ Министромъ, имѣлъ духъ сказать мнѣ, что онъ считаетъ ихъ погибшими. Онъ сдѣлалъ больше: онъ началъ дѣлать намеки! . . . заговорилъ о врагахъ внѣшнихъ и внутреннихъ; произнося эти послѣднія слова, онъ посматривалъ на меня; я самъ бросилъ на него одинъ взглядъ! . . . Но терпѣніе!

груша скоро созрѣетъ! . . . Ты знаешь Іозефину, ея пріятность, ея искуство: она была въ гостиной. Испытующій взглядъ Бернадота отъ нея не ускользнулъ; она обратила разговоръ на другой предметъ. Бернадотъ, замѣтивъ по моему виду, что съ меня ужъ и того довольно,—откланялся. Но работай, я возвращусь къ Іозефинѣ.»

Не отрицаюсь, что разсказанное мнѣ Наполеономъ возбудило во мнѣ живѣйшее нетерпѣніе остаться наединѣ съ Г-жею Бонапарте, дабы узнать отъ нея, какъ это дѣло происходило. Вечеромъ я нашелъ къ тому случай и сообщилъ ей то, что помѣщено выше; она подтвердила мнѣ точность всего, прибавя только что Бернадотъ по видимому умышленно вознамѣрился представить Генералу очаровательную картину благосостоянія Франціи; и вотъ какъ она передала мнѣ послѣднія изъ словъ, раздражившихъ Наполеона. «Не отчаяваюсь въ спасеніи Республики и увѣренъ, что она обуздаетъ своихъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. При произнесеніи сего послѣдняго слова, взглядъ Бернадота заставилъ меня содрогнуться. Еще одно слово, и Бонапарте бы вспыхнулъ. Правда— сказала она мнѣ еще—что онъ не много самъ въ этомъ виноватъ; ибо онъ обратилъ разговоръ къ политикѣ и Бернадотъ, представя ему состояніе Франціи въ прекрасномъ видѣ, только отвѣтствовалъ Генералу, изобразившему со-

всѣмъ противоположную тому картину. Вы знаете, любезный Бурiеннъ, что другъ вашъ не всегда очень скроменъ, и я опасаюсь не слишкомъ ли много онъ сказалъ Бернадоту о необходимости сдѣлать въ Правительствѣ перемѣны.» Iозефина была еще встревожена утреннею сценою; разставшись съ нею, я тотчасъ записалъ оную.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, мы находились въ гостиной у Бонапарте: онъ, Iозефина, Гортензiя, Евгенiй и я, какъ вдругъ вошелъ туда Бернадотъ, котораго вовсе не ожидали. Неожиданный прiѣздъ его послѣ того, что произошло, не могъ не возбудить нашего удивленiя. Бернадотъ привезъ съ собою человѣка, прося позволенiя представить его Наполеону; человѣкъ сей, котораго я забылъ имя, если память меня не обманываетъ, былъ Главнымъ Секретаремъ при Министерствѣ Бернадота. Поддержанной присутствiемъ многихъ особъ, Бонапарте не обнаружилъ никакого удивленiя, принялъ Бернадота свободно, безъ принужденности, и разговоръ скоро начался. Бонапарте, съ твердостью, которую ему всегда сообщало присутствiе многихъ людей, распространился на счетъ волненiй, царствующихъ между Республиканцами и сильно возсталъ противъ Манежнаго Клуба. Я поддержалъ его, сказавъ, что землякъ мой Г. Моро де Вормсъ, членъ сего

Клуба, самъ жаловался мнѣ на царствующія въ ономъ волненія. Но братья ваши — сказалъ Бернадотъ Генералу—главные основатели этого Клуба, а вы—прибавилъ онъ твердымъ голосомъ—обвиняете меня въ томъ, что я ему благопріятствую. Отвергаю это обвиненіе; и притомъ возможно ли, чтобы оно было справедливо. Вступивъ въ Министерство, я нашелъ все въ величайшемъ разстройствѣ; у меня слишкомъ много было дѣла для того, чтобы думать о Клубѣ, не принадлежащемъ къ моимъ обязанностямъ. Вамъ очень хорошо извѣстно, что другъ вашъ Салисетти и тотъ изъ вашихъ братьевъ, который пользуется его довѣренностью, отличаются между вождями Манежнаго Клуба. Наставленіямъ, *неизвѣстно чьимъ*, должно приписать раздражительность, на которую вы жалуетесь.» При этихъ послѣднихъ словахъ, а особенно при голосѣ, которымъ Бернадотъ произнесъ: *неизвѣстно чьимъ*, Бонапарте, не могшій долѣе удержаться, вспыхнулъ: *Точно такъ, Генералъ*, воскликнулъ онъ съ яростью, *точно такъ! я лучше хочу жить въ лѣсу, чѣмъ посреди общества, не представляющаго никакой безопасности.* Генералъ Бернадотъ сказалъ ему тогда съ благородствомъ: «Ахъ Боже мой! какой же вамъ еще надобно безопасности?» При раздраженіи, овладѣвшемъ Наполеономъ, я увидѣлъ минуту, въ которую разговоръ

долженствовалъ превратиться въ ссору; я сказалъ потихоньку Г-жѣ Бонапарте, чтобы она вмѣшалась въ оный, давъ ему другое направленіе; что она исполнила, обратясь къ одному изъ присутствующихъ съ вопросомъ. Тогда Бернадотъ, замѣтивъ намѣреніе Г-жи Бонапарте, прекратилъ свои сердитые вопросы, и разговоръ обратясь совершенно къ другимъ предметамъ, сдѣлался общимъ, а Бернадотъ взялъ шляпу и удалился.

Однажды утромъ, черезъ три или черезъ четыре дня послѣ втораго посѣщенія Бернадота, въ ту минуту, какъ я вошелъ въ комнату Бонапарте: «Бьюсь объ закладъ, Буріеннъ,» сказалъ онъ мнѣ просыпаясь, «что ты не угадаешь, у кого я сегодня завтракаю! . .— Генералъ, я не . . . .— У Бернадота и любопытно, что я самъ къ нему назвался. Да! . . . Ты бы видѣлъ это, если бы поѣхалъ вчера со мною во Французскій театръ. Ты знаешь что мы ѣдемъ сего дня къ Іосифу на дачу. Мы сошлись съ Бернадотомъ лицемъ къ лицу при выходѣ изъ театра и, въ первую минуту, не зная что сказать ему, я спросилъ его, не участвуетъ ли онъ сегодня въ нашей прогулкѣ. Онъ отвѣчалъ мнѣ утвердительно, и такъ какъ намъ приходится ѣхать мимо его дома въ Цизальпинской улицѣ, то я назвался къ нему на чашку кофе, сказавъ, что мнѣ будетъ очень пріятно провести съ нимъ нѣсколько минутъ. Онъ повидимому остался мною до-

воленъ. Какъ ты думаешь объ этомъ, Буріеннъ? —Я только желаю Генералъ, чтобъ и вы остались довольны имъ.—Нѣтъ, нѣтъ! повѣрь, что я хорошо сдѣлалъ: это повредитъ ему у Гойе. Помни, что надобно всегда итти на встрѣчу къ своимъ непріятелямъ и обходиться съ ними ласково, а иначе они подумаютъ, что ихъ боишься, и это придаетъ имъ смѣлости!» Бонапарте сѣлъ въ карету съ Іозефиною, которая всегда была готова, когда слѣдовало съ нимъ куда либо ѣхать, ибо онъ не любилъ ждать; они отправились къ Бернадоту, а оттуда къ Іосифу въ Монфортенъ. По возвращеніи своемъ, Бонапарте мало говорилъ мнѣ о происшедшемъ въ этотъ день, и я видѣлъ, что онъ не очень имъ доволенъ. Въ послѣдствіи я узналъ, что онъ много разговаривалъ съ Бернадотомъ, и всячески старался казаться любезнымъ, что для него очень было легко, когда онъ хотѣлъ; но что всѣ его старанія оказались безуспѣшными предъ Республиканскою суровостью Бернадота, хотя онъ и былъ поддержанъ присутствіемъ своихъ трехъ братьевъ и Реніо де Сенъ Жанъ д'Анжели. Однакожъ онъ каждый день пріобрѣталъ себѣ новыхъ приверженцевъ; ибо не всѣ, встрѣчаемые имъ, были столь строгихъ свойствъ, какъ Бернадотъ, и мы вскорѣ увидимъ, что даже самъ Моро принялъ на себя

надзоръ за Директорами, взятыми подъ стражу 18 Брюмера.

Бернадотъ, одареняый рѣдкою прозорливостью, одинъ изъ первыхъ проникъ замыслы Наполеона. Онъ совершенно былъ увѣренъ въ рѣшимости его ниспровергнуть Конституцію и захватить власть. Онъ видѣлъ, что Директорія раздѣлена на двѣ части, изъ коихъ одна была обманута обѣщаніями и увѣреніями возвратившагося изъ Египта Генерала, а другая содѣйствовала Наполеону къ достиженію его замысловъ. При этихъ обстоятельствахъ, Бернадотъ предлагалъ свои услуги всѣмъ тѣмъ, которые въ Правительствѣ были, подобно ему, противниками перемѣны, коей онъ столько страшился. Но Бонапарте былъ не такой человѣкъ, котораго можно бы превзойти въ тонкости или въ дѣятельности, и съ каждою минутою ряды его единомышленниковъ усиливались.

16 Брюмера я обѣдалъ въ улицѣ *Побѣды.* Бернадотъ былъ приглашенъ; думаю, что и Генералъ Журданъ также. Между тѣмъ какъ большой заговоръ стремился къ своему исполненію, мы съ Г-жею Бонапарте съ утра заключили между собою уговоръ, болѣе невинный. Мы никому не ввѣрили нашей тайны и наше 16 Брюмера увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Мы сговорились безпрестанно наблюдать за тѣмъ, чтобы не произошло новой вспышки въ

рѣчахъ и это удалось намъ по желанію. За обѣдомъ разговоръ былъ нѣсколько скученъ; но мы не боялись его скуки: онъ обратился къ войнѣ и на этомъ обширномъ полѣ превосходство Бонапарте было неоспоримо для всякаго изъ присутствующихъ.

По выходѣ въ залу, почти вдругъ наѣхало множество гостей, и тогда разговоръ оживился; онъ даже сдѣлался довольно веселымъ и Бонапарте принялъ участіе въ общемъ веселіи. Не знаю, кому-то онъ сказалъ, улыбаясь и указывая на Бернадота: «*Вы не знаете, что Генералъ Шуанъ.*—Шуанъ!» возразилъ Бернадотъ также шутя, «ахъ, Генералъ! вы сами себѣ противорѣчите. Не вы ли мнѣ на дняхъ говорили, что я содѣйствую раздражительности друзей Республики, а теперь выставляете меня покровителемъ Шуановъ: согласуйтесь по крайней мѣрѣ съ самимъ собою.» Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, воспользовавшись пріѣздомъ новыхъ гостей, почти совершенно наполнившихъ залу, Бернадотъ потихоньку удалился.

++

ГЛАВА VI.

Прекрасное поведеніе Луціана. — Осторожность Бонапарте.— Пиръ Совѣта Старѣйшинъ.—Шумъ. — Всеобщее притворство. — Ложный восторгъ. — Скука и разъѣздъ.—Желаніе сдѣлаться Директоромъ. — Рѣчи Сіеса. — Ненависть и сближеніе.—Отзывъ Наполеона о Директоріи. — Ложное обвиненіе Барраса.—Осужденіе Конституціи III года.

Не желая раздѣлять воспоминаній, которыя необходимо слѣдуютъ одно къ другому и соединяются,—я нѣсколько увлекся въ предъидущей Главѣ разсказывая о томъ, что происходило, особенно въ домашнемъ быту Наполеона и какія были сношенія Генерала съ Бернадотомъ. Вступимъ теперь на поле, болѣе обширное и посмотримъ, какіе были наши первоначальные виды.

Желая засвидѣтельствовать Наполеону свое высокое уваженіе, Пятисотный Совѣтъ наименовалъ Луціана, своимъ Предсѣдателемъ. Послѣдствіе доказало, сколь для него было важно это назначеніе. Луціанъ до 19 Брюмера, а особенно въ этотъ день, показалъ дѣятельность, умъ, мужество, смѣлость и присутствіе духа, которые рѣдко соединяются въ одномъ человѣкѣ; судя потому, что я видѣлъ, этому назначенію и поведенію Луціана неоспоримо должно приписать успѣхъ дня 19 Брюмера.

Генералъ велъ себя съ осторожностью, которой не нарушилъ въ продолженіе двадцати трехъ дней, протекшихъ съ прибытія его въ Парижъ до 18 Брюмера. Онъ отказывался почти отъ всѣхъ частныхъ приглашеній для того, чтобы избѣгнуть нескромныхъ вопросовъ, предложеній, которыя нельзя было принять и отвѣтовъ, могшихъ подвергнуть его опасности.

Даже весьма неохотно согласился онъ на выдумку пылкаго Луціана, который, посредствомъ ходатайства, искуства и хитрости, успѣлъ волею или неволею склонить большую часть своихъ сочленовъ къ принятію участія въ торжественномъ обѣдѣ, который Совѣтъ Старѣйшинъ опредѣлилъ сдѣлать для Бонапарте *по подпискѣ*.

Великое число гостей, недостатокъ порядка,

который трудно было учредить въ собранiи, состоявшемъ болѣе чѣмъ изъ двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ, между коими царствовало великое различiе мнѣнiй и чувствъ; безпокойство, недовѣрчивость, начинавшiя овладѣвать тѣми, которые не участвовали въ большомъ заговорѣ,—все дѣлало этотъ странный пиръ самымъ утомительнымъ собранiемъ, на коемъ я когда либо присутствовалъ. Не было ни свободы, ни искренности—слѣдовательно не было и веселiя. Потихоньку сообщали другъ другу,—здѣсь свои замыслы и надежды; тутъ свои опасенiя и предчувствiя, тамъ свое безпокойное любопытство. Вожди заговорщиковъ бросали на всѣхъ гостей испытующiе взоры; всякой наблюдалъ за собою и самъ подвергался наблюденiю. Отъ времени до времени одинъ изъ посвященныхъ въ тайну, предлагалъ съ притворнымъ восторгомъ заказной тостъ, который принимали еще съ бо́льшею холодностью. Иные пытались было запѣть пѣсни, которыя до сихъ поръ, никогда не раздавались, не воспламеняя республиканскихъ думъ, не производя порыва Французскаго патрiотизма . . . . ; однако къ голосу ихъ никто не присталъ.

Но цѣль пира была достигнута: двѣ партiи, до сихъ поръ одна противъ другой раздраженныя, тутъ сроднились и готовы были итти вмѣстѣ противъ общаго врага.

Видъ Наполеона былъ принужденный, скука изображалась на лицѣ его, успѣхъ его намѣреній, требовалъ присутствія его въ иномъ мѣстѣ. Онъ пообѣдалъ наскоро; окончивъ же, тотчасъ всталъ, обошелъ столы съ Бертье и со мною, и шепнулъ мнѣ: *Я скучаю, уйдемъ отсюда.* Онъ сказалъ, однимъ нѣсколько лестныхъ словъ, другимъ какую нибудь незначущую вѣжливость и исчезъ, оставя еще за обѣдомъ тѣхъ, которые его къ оному пригласили.

Въ продолженіе этого, столь краткаго политическаго перелома, не произошло ничего возвышеннѣе, величественнѣе и благороднѣе того, что мы видѣли во всѣхъ революціонныхъ потрясеніяхъ и особенно 18 Фруктидора. Все въ этихъ политическихъ смутахъ столь презрительно, столь исполнено плутовства, лжи, обмановъ и отваги, что для чести рода человѣческаго, слѣдовало бы облечь оные покровомъ. Все кончилось сабельными ударами.

Первые виды Генерала Бонапарте устремились къ мысли, которую онъ имѣлъ уже въ Италіи, получить мѣсто Директора, Никто еще не смѣлъ обвинить его какъ бѣглеца изъ Восточной арміи. Остановка была только за недостиженіемъ положенныхъ лѣтъ: неужели такъ было трудно устранить это препятствіе? По водвореніи его въ скромномъ домикѣ улицы *Побѣды*, его начали увѣрять, что по отставкѣ

Ревбеля, большинство голосовъ соединилось бы въ его пользу, еслибъ онъ былъ во Франціи и еслибъ коренной законъ не требовалъ сорокалѣтняго возраста; но что самые ревностные его приверженцы не были расположены нарушить Конституцію III года, столь еще юную. При всѣхъ попыткахъ его къ отвращенію этого препятствія, ему всегда представляли въ возраженіе Конституцію.

Не смотря на всѣ сдѣланыя Наполеономъ усилія устранить это затрудненіе, онъ увидѣлъ, что ему не удастся преодолѣть оное. Онъ легко рѣшился занять одинъ ролю, которую онъ бы раздѣлялъ *для формы* съ четырью другими, еслибъ ему удалось попасть въ члены Директоріи.

Какъ только намѣренія его сдѣлались извѣстными, то около него начали сбираться всѣ тѣ, которые угадали человѣка, давно призываемаго, и многіе изъ людей, возвысившихся въ Революцію и считавшихъ себя пренебреженными. Эти искусные люди, имѣвшіе въ своемъ кругу вліяніе, начали на него дѣйствовать, стараясь обратить въ связь съ Сіесомъ ненависть, которую Бонапарте къ нему чувствовалъ. Ненависть сія еще болѣе усилилась отъ пересказанныхъ Генералу словъ Сіеса. Послѣ обѣда, за которымъ Бонапарте такъ надменно съ нимъ обошелся, онъ сказалъ: *Посмотрите, какъ этотъ*

наглецъ обходится съ членомъ Правительства, которое должно бы разстрѣлять его.

Въ первое время, Бонапарте называлъ *соблазнительнымъ* назначеніе Сіеса въ Директоры. Даже его товарищи громко говорили объ этомъ выборѣ, о его сомнительномъ поведеніи, о его правилахъ и объ опасеніяхъ, которыя возъимѣли друзья свободы.

Все перемѣнилось, когда искусные соперники склонили Наполеона присоединиться къ Сіесу и совокупно съ нимъ ниспровергнуть Конституцію, имъ не любимую. Ему замѣтили, что безполезно стараться его отрѣшить, и что лучше ласкать его надеждою ниспровергнуть съ нимъ Конституцію, доставя ему возможность удовлетворить своей страсти составленіемъ другой новой и въ особенности удовлетвореніемъ своей алчности. Нѣкто сказалъ однажды при мнѣ Наполеону: *Поищите поддержки у людей, которые считаютъ Якобинцами друзей Республики и будьте увѣрены, что Сіесъ глава этихъ людей.*

Какъ только узнали планъ Генерала Бонапарте, то всѣ наперерывъ начали стараться извлечь себѣ пользу изъ паденія Директоровъ и двухъ Совѣтовъ. За эту цѣну всѣ были готовы къ услугамъ.

Дабы избавиться отъ человѣка, который очень ее тяготилъ и безпокоилъ,—Директорія потре-

бовала Наполеона 25 Вандеміера (17 Октября) въ частное засѣданіе. Онъ сказалъ мнѣ на другой день: *Они предложили мнѣ на выборъ предводительство, которою мнѣ угодно арміею; я не хотѣлъ отказаться, но просилъ у нихъ времени для поправленія моего здоровья; и чтобы избѣгнуть другихъ предложеній, могшихъ меня затруднить, я удалился. Я ужъ больше не пойду въ ихъ засѣданія* (онъ послѣ сего былъ еще одинъ только разъ); *рѣшаюсь взять сторону Сіеса; къ ней болѣе склоняется мнѣніе, чѣмъ къ партіи развратнаго Барраса. Онъ вездѣ твердитъ, что онъ виновникъ моего счастія; ему всегда трудно будетъ занимать ниже меня мѣсто, а я никогда не уступлю такому человѣку; онъ питаетъ глупое честолюбіе, будто бы онъ подпора Республики! Что ему было бы дѣлать со мною? Баррасъ думаетъ только о себѣ; Сіесъ напротивъ того, не имѣетъ политическаго честолюбія.*

Едва Сіесъ началъ сближаться съ Бонапарте, какъ этотъ послѣдній узналъ отъ него, чрезъ его нескромность, что Баррасъ сказалъ: *Этотъ маленькой капралъ обогатился въ Италіи: ему не за чѣмъ опять туда ѣхать.* Бонапарте отправился въ Директорію единственно для того, чтобы опровергнуть эти слова. Онъ сильно жаловался на оныя Директорамъ, смѣло утверждалъ, что богатство, у него предполагае-

мое, есть басня; но что, если онъ и обогатился, то ужъ конечно не на счетъ Республики. Мнѣ же сказалъ онъ: *Ты знаешь, что большую часть я получилъ отъ Идрійскихъ рудниковъ.* «Непостижимо,» отвѣчалъ я ему, «что это позволяетъ себѣ говорить Баррасъ, котораго со времени вашего возвращенія, вамъ извѣстно все лихоимство.»

Бонапарте немногимъ ввѣрилъ свои замыслы: онъ сообщилъ ихъ только тѣмъ, которые были ему нужны. Прочіе машинально слѣдовали за вождями, по даваемому ими направленію. Они съ безпрекословнымъ повиновеніемъ ожидали исполненія данныхъ имъ обѣщаній, въ надеждѣ на которыя они вступили въ участники.

Какъ только увидѣли приближеніе развязки сочиняемой драмы, то агенты заговорщиковъ, журналы, сообщники предположенной мѣры, повсюду разсѣялись. Вездѣ раздавались только восклицанія: «Нѣтъ болѣе Республики!—Кончено.—Кинжалы подняты противъ представителей народа, ее защищающихъ! Свобода погибнетъ! —Конституція III года осуждена къ ниспроверженію!»

ГЛАВА VII.

Великая драма.—Распредѣленіе ролей.—Камбасерессъ и Лебрёнъ. —Гойе обманутъ Наполеономъ. — Приглашеніе на обѣдъ въ Директорію.—Моя ночная поѣздка къ Баррасу.—Страхъ Директоріи.—Заговоръ.—Совѣтъ Старѣйшинъ.—Бонапарте предводитель всѣхъ войскъ. — Посылка Іосифа къ Бернадоту.—Утро 18 Брюмера.—Собраніе Генераловъ. — Нерѣшимость Бернадота.—Участіе, принятое Г-жею Бонапарте въ Гойе.—Разговоръ съ Іозефиною.—Неудача Директоровъ. —Указъ Совѣта Старѣйшинъ.—Смотръ въ Тюлеріійскомъ саду.—Рѣчь Наполеона.—Объявленіе Старѣйшинъ.—Разговоръ, распространенный въ Парижѣ.—Провозглашеніе къ жителямъ Парижа.—Бонапарте повинуется только своимъ собственнымъ—приказаніямъ.—Разговоръ съ Іозефиною.—Бонапарте и Моро.—Рапатель. — Люксембургскій тюремщикъ.—Ударъ партіи.—Встрѣча моя съ Ла Валеттомъ.—Засѣданіе Старѣйшинъ.—Бонапарте въ Сен-Клу.—Цесарь и Кромвель.—Баррасъ и Муленъ обвинены.—Безполезное приглашеніе.—Ужасный шумъ и суматоха.—Да здравствуетъ Конституція!—Бонапарте теряетъ присутствіе духа.—Выходъ изъ Совѣта.— Истина и Монитёръ.

Роли были хорошо распредѣлены въ великой драмѣ, коей развязка приближалась. Въ продолженіе трехъ дней, предшествовавшихъ 18 Брю-

меру, всѣ находились при своихъ мѣстахъ. Луціанъ съ дѣятельностью и искуствомъ велъ заговоръ въ обоихъ Совѣтахъ. Сіесу была поручена Директорія.—Реаль, подъ руководствомъ Фуше, дѣйствовалъ въ провинціи и соображаясь съ наставленіями своего начальника, искусно устроивалъ все такъ чтобы, не вредя Фуше, погубить тѣхъ, отъ коихъ Министръ сей получилъ свою власть. Не должно было терять времени. Фуше сказалъ мнѣ еще 14 Брюмера: *Скажите вашему Генералу чтобы онъ поспѣшилъ; если онъ замедлитъ, то онъ погибъ.*

Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели, пріѣхавъ 17 числа къ Бонапарте, сказалъ ему что предложенія, сдѣланныя Камбассересомъ и Лебрёнемъ, не очень рѣшительно были приняты. *Я не хочу увертокъ*, возразилъ съ живостью Бонапарте; *чтобъ они не думали что я въ нихъ нуждаюсь; пусть они сегодня же рѣшатся; еслиже нѣтъ, то завтра будетъ уже поздо; я чувствую себя теперь довольно сильнымъ для того, чтобы остаться одному.*

Камбассересъ и Лебрёнъ почти не принимали никакого участія въ козняхъ, предшествовавшихъ 18 Брюмеру. Бонапарте, при своихъ соображеніяхъ, обратилъ взоры на Министра Юстиціи, намѣреваясь сдѣлать его однимъ изъ своихъ товарищей, тогда какъ будетъ властенъ назначать ихъ, потому что онъ предъидущими

своими поступками, давалъ ручательства приверженцамъ Революцїи и присоединилъ къ нему Лебрёна для противовѣсія сему первому выбору. Лебрёнъ былъ извѣстенъ своею почетною жизнью и своими умѣренными правилами. Бонапарте думалъ чрезъ это угодить всѣмъ. Притомъ же ни тотъ, ни другой не въ состоянїи были бы бороться противъ его твердой воли и честолюбивыхъ видовъ.

Сколько низкихъ козней озарило 17 число Брюмера! Въ этотъ день, я обѣдалъ у Бонапарте;—послѣ обѣда, онъ сказалъ мнѣ: «Я обѣщалъ завтра обѣдать у Гойе: ты можешь себѣ вообразить что этому не бывать. Я тѣмъ не менѣе сердитъ за его упрямство. Дабы его еще болѣе успокоить, жена моя пригласитъ его въ этотъ же день на завтракъ. Не возможно чтобы онъ въ чемъ нибудь усомнился. Я видѣлъ Барраса сегодня утромъ и оставилъ его очень встрѣвоженнымъ. Онъ просилъ меня прїѣхать повидаться съ нимъ нынче ночью: я обѣщалъ, но не поѣду; завтра дѣло будетъ сдѣлано. Тутъ не много выиграешь времени. Онъ ждетъ меня въ одинадцать часовъ вечера: все будетъ готово для того чтобы принять меня. Ты поѣдешь въ моей каретѣ, объявишь что отъ меня присланъ и тотчасъ войдешь. Ты скажешь ему, что сильная головная боль заставила меня лечь въ постелю, но что я завтра непремѣнно съ нимъ повидаюсь; что онъ

можетъ быть покоенъ, что все устроится. Постарайся по возможности уклониться отъ его разспросовъ; не оставайся у него долго и зайди ко мнѣ, когда пріѣдешь назадъ.

Я пріѣхалъ въ каретѣ Генерала Бонапарте, ровно въ одиннадцать часовъ вечера. Величайшее уединеніе и глубокая тишина царствовали въ покояхъ, чрезъ которые я проходилъ до кабинета Барраса. Обо мнѣ доложили. Когда онъ увидѣлъ меня вмѣсто Генерала Бонапарте, то изумленіе его было чрезмѣрно; онъ ужаснулся. Я замѣтилъ, что онъ считаетъ себя погибшимъ. Я исполнилъ мое порученіе и пробылъ недолго. Когда я всталъ съ тѣмъ чтобы уѣхать, то онъ сказалъ мнѣ, провожая меня: *Вижу, что Бонапарте меня обманываетъ; онъ не пріѣдетъ, дѣло кончено; однакожъ онъ мнѣ всѣмъ обязанъ.*— Я повторилъ ему, что онъ завтра непремѣнно пріѣдетъ. Отрицательное движеніе головы его ясно показало мнѣ, что онъ тому не вѣритъ. Ниже увидятъ что произошло. Бонапарте, которому я отдалъ отчетъ въ моемъ посѣщеніи, показался мнѣ очень тѣмъ довольнымъ. Онъ сказалъ мнѣ: *Іосифъ отправится сего дня вечеромъ къ Бернадоту для того, чтобы пригласить его завтра пріѣхать.*— Судя потому что мнѣ извѣстно,» замѣтилъ я, «если онъ и пріѣдетъ, то нисколько не принесетъ вамъ пользы.— *Вѣрю, но увѣряю тебя, что*

онъ не можетъ ужъ болѣе вредить мнѣ; а мнѣ больше ничего и не надобно. Ну, прощай, будь здѣсь въ семь часовъ утра. Тогда былъ часъ по полуночи.

По желанiю Бонапарте, я пришелъ къ нему 18-го Брюмера, нѣсколько прежде семи часовъ утра.

Здѣсь воспоминанiя мои такъ толпятся; такъ много событiй приготовилось и свершилось въ столь краткое время; различныя козни столь скоро распространились, что мнѣ невозможно представить вещи точно въ томъ видѣ, какъ оныя происходили. Дѣйствiя соединявшiяся съ главнымъ движенiемъ, послѣдовали вдругъ; а ихъ нельзя описывать иначе какъ по порядку.

Разсмотримъ сперва то, чего я былъ свидѣтелемъ по прибытiи моемъ къ Бонапарте. Пришедъ туда, я нашелъ множество Генераловъ и Офицеровъ, собравшихся еще до меня. Вошедъ въ комнату Бонапарте, я засталъ его противъ обыкновенiя, уже вставшимъ. Въ эту миниту онъ былъ спокоенъ, какъ будто передъ сраженiемъ; сильное волненiе долженствовало произойти съ нимъ на другой уже день. Въ скоромъ времени послѣ моего прибытiя, увидѣлъ я входящаго Iосифа съ Бернадотомъ. Iосифъ, не заставъ его вечеромъ, уже поутру за нимъ ѣздилъ. Я такъ удивился, увидѣвъ Генерала въ гражданскомъ платьѣ, что подошелъ къ нему и

потихоньку ему сказалъ: «Генералъ, кромѣ васъ и меня, здѣсь всѣ въ мундирахъ.— А мнѣ за чѣмъ было надѣвать его?»— При этихъ словахъ его, Бонапарте, пораженный подобно мнѣ удивленіемъ, прервалъ разговоръ свой съ окружавшими его и, съ живостью обратясь къ Бернадоту: «*Отъ чего же вы не въ мундирѣ?*» спросилъ онъ.— Я обыкновенно такъ бываю, когда я не на службѣ.— *О, вы тотчасъ будете на службѣ.*— Мнѣ ничего не сказали: должно бы прислать заранѣе объ этомъ приказаніе.»

Тогда Бонапарте увлекъ Бернадота въ боковую комнату: разговоръ былъ не продолжителенъ, ибо нельзя было терять времени.

Съ другой стороны чрезъ вліяніе сборищъ главныхъ заговорщиковъ, перемѣщеніе законодательнаго Корпуса въ Сен-Клу было опредѣлено 18 числа утромъ и Бонапарте сдѣланъ предводителемъ вооруженной силы.

Между тѣмъ Баррасъ можетъ быть ждалъ еще Наполеона, а Г-жа Бонапарте ждала къ себѣ Гойе завтракать. У Генерала Бонапарте собрались всѣ преданные ему Генералы; я еще не видывалъ столь большаго числа ихъ въ улицѣ *Побѣды*. Всѣ они были въ полномъ мундирѣ. Кромѣ ихъ находилось тамъ еще человѣкъ шесть, посвященныхъ въ тайну этого дня. Небольшой домъ побѣдителя Италіи былъ слишкомъ тѣсенъ для того, чтобы вмѣстить въ се-

бѣ столько народу; посѣтители стояли на дворѣ и въ коридорѣ. Бонапарте зналъ уже объ указѣ Совѣта Старѣйшинъ и ожидалъ отъ онаго извѣщенія, чтобы сѣсть на лошадь. Въ ту самую минуту, какъ собралось это многочисленное общество, указъ сей былъ одобренъ въ Совѣтѣ Старѣйшинъ большинствомъ голосовъ, которое можно назвать незаконнымъ, ибо члены были приглашены наканунѣ въ разные часы и все устроено такъ, чтобы шестьдесятъ или восемдесятъ членовъ, коими Луціанъ и друзья его не могли располагать, не получили во время своихъ пригласительныхъ записокъ.

Тотчасъ по полученіи извѣщенія отъ Совѣта Старѣйшинъ, Бонапарте пригласилъ съ собою всѣхъ Офицеровъ, у него находившихся. При объявленной имъ вѣсти, небольшое только число чуждыхъ сему движенію, за нимъ не послѣдовало; покрайней мѣрѣ я видѣлъ двѣ кучки, отдѣльно вышедшія изъ дома. Бернадотъ сказалъ мнѣ: «Я остаюсь съ вами». Мнѣ показалось что въ немъ дѣйствуетъ зависть. Бонапарте, готовясь сойти съ лѣстницы, ведущей изъ небольшой круглой столовой на дворъ, вдругъ воротился, и пригласилъ Бернадота за нимъ слѣдовать. Онъ не захотѣлъ; и тогда Бонапарте побѣжавъ, сказалъ мнѣ: *«Гойе не пріѣхалъ, тѣмъ хуже для него»* и вспрыгнулъ на лошадь. Едва онъ удалился, какъ Бернадотъ ушелъ.

Когда я остался одинъ съ Іозефиною, то она сообщила мнѣ опасенія, ее тревожившія. Я успокоилъ ее сказавъ, что все такъ хорошо устроено, что само собою сдѣлается. Она очень была расположена къ Г-жѣ Гойе и это расположеніе отражалось на ея мужа. Іозефина спросила у меня: «*Хорошо ли вы знаете Гойе?*— Вамъ извѣстно, что мы здѣсь только три недѣли; я ухожу отсюда лишь ночевать въ *Мартельскую* улицу. Я нѣсколько разъ видѣлъ Г-на Гойе у васъ въ гостиной, когда онъ пріѣзжалъ къ Генералу; я разговаривалъ съ нимъ о положеніи нашихъ дѣлъ въ Швейцаріи, въ Голландіи, о дѣлахъ Франціи и о другихъ политическихъ предметахъ; но мы ни слова не говорили о томъ, что здѣсь происходитъ. Этимъ ограничивается связь моя съ нимъ.—*Жалѣю, а я бы попросила васъ, письменно посовѣтовать ему не дѣлать шуму, а подражать Сіесу и Рожеру, которые добровольно подадутъ въ отставку, и не присоединяться къ Баррасу, котораго въ эту минуту вѣроятно принуждаютъ противъ воли оставить службу. Бонапарте сказалъ мнѣ, что въ такомъ случаѣ, онъ готовъ все сдѣлать для Гойе. Я прибѣгну къ другому средству.* Этимъ все кончилось; но я думаю, что чрезъ одну пріятельницу Г-жи Гойе, Іозефина тотчасъ сообщила свое предостереженіе Президенту Директоріи.

Баррасъ былъ такъ пораженъ моимъ посѣщеніемъ, что въ тотъ самый день, коего утро я описываю, Гойе и Муленъ, не надѣясь болѣе на Сіеса и на Рожера Дюкоса, напрасно прождали въ залѣ Директоріи своего сочлена Барраса для того, чтобы при большинствѣ голосовъ, составить какое либо сужденіе на счетъ указа о перемѣщеніи Совѣтовъ въ Сен-Клу; они ошиблись въ своей надеждѣ и Баррасъ, не взирая на всѣ ихъ просьбы, не явился; посѣщеніе мое, сдѣланное наканунѣ предъ полуночью, открыло ему глаза. Онъ скрылся отъ своихъ товарищей съ той самой минуты, какъ Брюи и Г. Талейранъ сообщили ему объ исполненіи того, что онъ наканунѣ подозрѣвалъ и *потребовали*, чтобы онъ подалъ въ отставку; ибо въ томъ положеніи, въ которомъ дѣла находились, выраженіе *попросили* было бы слишкомъ мягко.

Восемнадцатаго Брюмера рано собрали множество войскъ въ Тюлієри. Бонапарте, въ сопровожденіи Генераловъ Бёрнонвиля, Моро и Макдональда, сдѣлалъ въ саду смотръ десяти тысячамъ человѣкъ. Онъ прочелъ имъ слѣдующій указъ, изданный Инспекторскою Комиссіею Старѣйшинъ.

«Статья 1. Законодательный корпусъ переве«денъ въ Сен-Клудскій приходъ; оба Совѣта бу«дутъ засѣдать тамъ въ двухъ флигеляхъ дворца.

«Статья 2. Они сберутся тамъ завтра, 19

«Брюмера, въ полдень. Всякое засѣданіе и со«вѣщаніе въ иномъ мѣстѣ и прежде сего вре«мени воспрещаются.

«Статья 3. Генералу Бонапарте поручено ис«полненіе сего приказа; онъ приметъ всѣ над«лежащія мѣры для безопасности народнаго «представительства.

«Генералъ командующій 17-ю военною ди«визіею, стража законодательнаго корпуса, мѣст«ная народная гвардія, линейныя войска, нахо«дящіяся въ Парижскомъ приходѣ, въ Консти«туціонномъ округѣ и во всемъ пространствѣ «17 дивизіи, подчиняются его непосредственно«му начальству съ предписаніемъ признать его «въ этомъ званіи. Всѣ граждане обязаны оказы«вать ему содѣйствіе по первому его востре«бованію.

«Статья 4. Генералъ Бонапарте приглашается «въ Совѣтъ для полученія сего указа и для «произнесенія присяги. Онъ условится съ Ко«мисарами-Инспекторами обоихъ Совѣтовъ.

«Статья 5. Указъ сей будетъ немедленно со«общенъ съ нарочнымъ Пятисотному Совѣту и Исполнительной Директоріи. Онъ будетъ на«печатанъ, объявленъ, обнародованъ и разосланъ «во всѣ области Республики съ нарочными гон«цами.»

Послѣ сего чтенія, выслушаннаго войсками съ живѣйшимъ участіемъ, Бонапарте прибавилъ:

«Солдаты,

«Чрезвычайный Указъ Совѣта Старѣйшинъ согласенъ со статьями 102 и 103-ю Конституціоннаго акта. Онымъ поручено мнѣ начальствовать надъ городомъ и надъ арміею.

«Я принялъ это начальство для содѣйствія мѣрамъ, которыя онъ положилъ и которыя совершенно благопріятны для народа.

«Республика дурно управляема въ продолженіе двухъ лѣтъ, Вы надѣялись, что мое возвращеніе положитъ конецъ столькимъ бѣдствіямъ; вы праздновали оное съ единодушіемъ, которое налагаетъ на меня обязанности, мною исполняемыя: вы исполните ваши и окажете вашему Генералу содѣйствіе съ тою силою, твердостью и довѣренностью, которыя всегда я въ васъ видѣлъ.

«Свобода, побѣда и миръ опять поставятъ Французскую Республику на то мѣсто, которое она занимала въ Европѣ и котораго одна только неспобность или измѣна могли ее лишить.»

Между тѣмъ какъ Бонапарте говорилъ эту рѣчь своимъ войскамъ, Совѣтъ Старѣйшинъ обнародовалъ слѣдующее воззваніе къ Французамъ:

«Совѣтъ Старѣйшинъ пользуется правомъ, «предоставленнымъ ему 102 пунктомъ Конституціи касательно перемѣны мѣста засѣданій «Законодательнаго Корпуса.

«Онъ пользуется этимъ правомъ для того, что-

«бы возстановить внѣшній миръ, котораго требуютъ ваши продолжительныя пожертвованія «и человѣчество.

«Онъ пользуется этимъ правомъ для того, «чтобы обуздать крамолы, замышляющія по«работить народное представительство,—и для «того, чтобы водворить внутренній миръ.

«Всеобщая безопасность, всеобщее благосо«стояніе—вотъ цѣль этой Конституціонной мѣ«ры: она будетъ достигнута.

«А вы, жители Парижа, будьте покойны: въ «непродолжительномъ времени присутствіе За«конодательнаго Корпуса вамъ возвратится.

«Французы! послѣдствія дня сего скоро до«кажутъ, достоинъ ли и способенъ ли Законо«дательный Корпусъ пріуготовлять ваше бла«гополучіе.

«Да здравствуетъ народъ, коимъ и въ коемъ «существуетъ Республика!»

При дверяхъ Совѣта и въ книжныхъ лавкахъ распространили въ великомъ числѣ разговоръ о настоящихъ дѣлахъ между членомъ Совѣта Старѣйшинъ и членомъ Пятисотнаго Совѣта. Привожу здѣсь отрывокъ онаго; ибо довольно любопытно читать нынѣ, какія рѣчи тогда влагали въ уста Бонапарте.

ПЯТИСОТНЫЙ.—Между нами, однако же, любезный другъ, я боюсь посредничества Бонапарте въ этомъ дѣлѣ. Его слава, питаемое къ не-

му уваженie, справедливая довѣренность солдатъ къ его талантамъ, а въ особенности, самые сіи таланты могутъ доставить ему страшное вліяніе на судьбу Республики. Неужели жребій свободы подвергнется его зависимости?. . . Неужели онъ будетъ Цесаремъ! . . . Кромвелемъ! . . .

СТАРѢЙШИНА.—Цесаремъ! Кромвелемъ! . . . . *Плохія, обветшалыя роли, недостойныя здравомыслящаго, благонамѣреннаго человѣка.* Такъ Бонапарте во многихъ случаяхъ самъ выражался. *Святотатственною мыслью было бы,*сказалъ онъ однажды, *посягать на представительное Правительство въ вѣкъ просвѣщенія и свободы.—Одинъ только безумецъ*, прибавилъ онъ, *рѣшился бы заставить Республику проиграть закладъ противъ Монархій Европы, послѣ того какъ она съ такою славою и съ такими опасностями его поддерживала.*

Въ день 18 Брюмера, Бонапарте приказалъ напечатать и обнародовать слѣдующее провозглашеніе къ жителямъ Парижа. Онъ такъ былъ увѣренъ въ дѣйствіяхъ Совѣта Старѣйшинъ, что продиктовалъ мнѣ его прежде чѣмъ былъ изданъ указъ, о которомъ онъ упоминаетъ.

ГРАЖДАНЕ,

«Совѣтъ Старѣйшинъ, блюститель народной «мудрости, издалъ прилагаемый при семъ указъ. «Онъ уполномоченъ къ тому 102 и 103 пунк«тами Конституціоннаго акта.

«Онъ поручаетъ мнѣ принять мѣры для охра-«ненія народнаго представительства. Перемѣще-«ніе онаго необходимо и только временно. За-«конодательный корпусъ будетъ имѣть возмож-«ность избавить представительство отъ неми-«нуемой опасности, къ коей влечетъ насъ раз-«стройство всѣхъ частей управленія.

«Онъ имѣетъ нужду, при этихъ важныхъ об-«стоятельствахъ, въ союзѣ и въ довѣренности «патріотовъ. Сберитесь вокругъ него, это един-«ственный способъ утвердить Республику на «основаніяхъ гражданской свободы, внутренняго «благосостоянія, побѣды и мира.»

Между тѣмъ какъ это происходило, и пока обнародывали эти воззванія, я находился въ домѣ улицы *Побѣды*, откуда не выходилъ цѣлый день. Мы съ Г-жею Бонапарте не могли не безпокоиться, и въ отсутствіе Наполеона желали бы ускорить теченіе часовъ. Я узналъ отъ нея что къ супругѣ Іосифа пріѣзжалъ Адъютантъ Рапатель, посланный отъ Бонапарте и Моро къ ея мужу для приглашенія его въ Тюліери. Іосифа не было дома и Адъютантъ не могъ исполнить своего порученія. Это обстоятельство, вовсе не важное, не стоило бы здѣсь приводить, еслибъ мы чрезъ оное не возъимѣли желаемыхъ нами надеждъ. Итакъ Моро былъ въ согласіи съ Наполеономъ, когда уже Рапатель пріѣзжалъ отъ имени этихъ двухъ Генераловъ! Этотъ союзъ, долгое время безнадежный, показал-

ся намъ добрымъ признакомъ. Дѣйствительно Бонапарте свершилъ важное дѣло склонивъ на свою сторону Моро, чего не очень можно было надѣяться, ибо мы знали что Моро справедливо негодовалъ за пренебреженiе Наполеона, коего ему извѣстны были замыслы; онъ теперь содѣйствовалъ имъ, слѣдовательно онъ ихъ одобрилъ. Будучи рабомъ воинскаго чинопочитанiя, онъ видѣлъ въ своемъ счастливомъ соперникѣ только начальника, назначеннаго Комиссiею Старѣйшинъ. Ему приказали и онъ повиновался. Бонапарте назначилъ ему мѣсто при Люксембургѣ и начальство надъ отрядомъ, стрегущимъ Директорiю; онъ принялъ эту порученность и никакое другое обстоятельство не могло столь удивительнымъ образомъ содѣйствовать исполненiю видовъ Наполеона и торжеству его честолюбiя. Что бы ни произошло, а Моро находился у него подъ начальствомъ; онъ повредилъ бы себѣ болѣе всѣхъ другихъ во мнѣнiи непокорныхъ Директоровъ и этотъ строгiй Республиканецъ имѣлъ у себя подъ стражею первыхъ сановниковъ Республики.

Наконецъ мы увидѣли возвратившагося Бонапарте, коего мы ожидали съ такимъ нетерпѣнiемъ. Почти все ему благопрiятствовало, онъ имѣлъ дѣло только съ солдатами.

Бонапарте сказалъ мнѣ вечеромъ:

«Я навѣрное знаю, что въ эту минуту Ин-

спекторская Комиссія опредѣляетъ что должно дѣлать завтра, въ Сен-Клу; Я лучше хочу чтобы эти люди рѣшили: это льститъ ихъ самолюбію. Я буду повиноваться приказаніямъ, мною же придуманнымъ.

Уже два дня какъ было опредѣлено то, о чемъ говорилъ Бонапарте. Эта Инспекторская Комиссія находилась подъ вліяніемъ сборищъ главныхъ заговорщиковъ.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ тягостнаго дня, за коимъ на утро долженсттвовала подняться буря, Бонапарте, довольный преклоненіемъ на свою сторону Моро, — сообщилъ мнѣ о посѣщеніи Бернадота и о разговорѣ, который онъ имѣлъ съ нимъ утромъ. «Я очень замѣтилъ» сказалъ онъ мнѣ, «что и тебѣ показался неприличнымъ нарядъ Бернадота. Генералъ безъ мундира! это все равно, что быть въ туфляхъ. Знаешь ли что я все ему высказалъ; оно лучше. Я сказалъ ему, что Директорія его всѣми ненавидима, а Конституція обветшала; что надобно все очистить и дать другой видъ Правительству; потомъ я прибавилъ: — Поѣзжайте надѣть мундиръ; я не могу долѣе васъ ждать; вы найдете меня въ Тюлери посреди всѣхъ нашихъ товарищей . . . . Бернадотъ, не найдѣйтесь, ни на Моро, ни на Бёрнонвила, ни на прочихъ Генераловъ. Когда вы лучше узнаете людей, то увидите, что они много обѣщаютъ

но мало исполняютъ. Не надѣйтесь на нихъ. — Бернадотъ сказалъ мнѣ тогда, что онъ не хочетъ принимать участія въ томъ, что онъ считаетъ бунтомъ. — Бунтомъ! . . . . представь себѣ, Буріеннъ! толпа съумазбродовъ; людей которые съ утра до вечера ябедничаютъ въ шалашахъ своихъ! — Все было безполезно; я не могъ преодолѣть Бернадота: это желѣзная полоса. Я потребовалъ у него слова, что онъ ничего противъ меня не предприметъ; знаешь ли что онъ отвѣчалъ мнѣ? — Конечно что нибудь необязательное. — Необязательное? . . . . Какъ бы не такъ! . . . . Гораздо хуже того. Онъ сказалъ мнѣ: я останусь спокоенъ какъ гражданинъ, но если Директорія прикажетъ мнѣ дѣйствовать, то я пойду противъ всѣхъ возмутителей. Но я надъ этимъ смѣюсь; мѣры мои приняты и ему не дадутъ начальства. Впрочемъ скажу тебѣ, что я совершенно успокоилъ его на счетъ послѣдствій. Натвердивъ ему о пріятностяхъ частной жизни, объ удовольствіяхъ деревни, о прелестяхъ Мальмезона и проч., я отправился. Вообще сего дня все было не дурно. Прощай, Буріеннъ, увидимъ, что будетъ завтра.»

19 числа я отправился въ Сен-Клу съ другомъ моимъ Ла Валеттомъ. Въ то время, какъ мы проѣзжали чрезъ площадь Лудовика XV, нынѣ Лудовика XVI, онъ спросилъ у меня, что станутъ дѣлать, и что я думаю о приготовляю-

щемся движеніи. Не входя ни въ какія подробности, я только сказалъ ему: *Другъ мой, мы завтра будемъ ночевать въ Люксембургѣ, или здѣсь кончимъ наше поприще.* Кто могъ сказать мнѣ, которая изъ этихъ двухъ вещей случится? Успѣхъ сдѣлалъ законнымъ то, что малѣйшее обстоятельство могло бы превратить въ самое преступное покущеніе.

Засѣданіе Старѣйшинъ подъ предсѣдательствомъ Луціана открылось въ часъ. Въ немъ довольно жарко разсуждали о положеніи вещей, объ отрѣшеніи членовъ Директоріи и о немедленномъ замѣщеніи ихъ другими. Умы разгорячились. Отчетъ, безпрестанно отдаваемый Генералу Бонапарте о происходившемъ, побудилъ его войти въ залу и принять участіе въ преніяхъ. Онъ вошелъ съ грубостью и гнѣвомъ, такъ что судя по сему нельзя было благопріятно заключить о томъ, что онъ намѣривался сказать. Проходъ, по коему мы достигли до половины залы, былъ узокъ; мы обращались спиною къ дверямъ; Бонапарте имѣлъ у себя по правую руку Предсѣдателя и не могъ видѣть его прямо въ лице. Я стоялъ въ правѣ подлѣ самого Генерала: Бертье находился на лѣвой сторонѣ его.

Всѣ рѣчи, вложенныя послѣ событія въ уста Наполеона, различествуютъ между собою, это такъ и должно быть, ибо въ Совѣтѣ Ста-

рѣйшинъ имъ не было произнесено никакой рѣчи, если не назвать рѣчью прерывавшагося разговора съ Предсѣдателемъ; разговора не имѣвшаго въ себѣ никакого благородства и достоинства. Слышны только были слова: *Братья по оружiю*; *искренность солдата*. Вопросы Предсѣдателя слѣдовали довольно быстро одинъ за другимъ; они были ясны. Ничто не могло быть болѣе спутано и хуже изложено, какъ двусмысленные, темные отвѣты Наполеона. Онъ безъ связи упоминалъ *о вулканахъ*, *о скрытныхъ волненiяхъ*, *о побѣдахъ*, *о нарушенiи Конституцiи*; онъ даже упрекалъ въ 18 Фруктидорѣ, коего самъ онъ былъ первымъ зачинщикомъ и могущественнѣйшею подпорою. Онъ объявлялъ будто бы ему ничего не было извѣстно до тѣхъ поръ, пока Совѣтъ Старѣйшинъ не призвалъ его для спасенiя отечества. Потомъ слѣдовали слова *Цесарь*, *Кромвель*, ... *тиранъ* . . . . Онъ нѣсколько разъ повторялъ: *мнѣ остается только сказать вамъ*,— и ничего не говорилъ. По словамъ его, онъ былъ приглашенъ къ принятiю высшаго начальства, по возвращенiи изъ Италiи, волею народа, а потомъ желанiемъ своихъ товарищей. Тутъ явились слова *свобода*, *равенство*, хотя всякой видѣлъ, что онъ не для нихъ прiѣхалъ въ Сен-Клу. Едва онъ произнесъ слова сiи, какъ одинъ изъ членовъ Совѣта Старѣйшинъ по име-

ни, кажется, Ленгле, грубо прервалъ его, сказавъ ему: *Вы забываете Конституцію.* Тогда лице его запылало и ничего нельзя было разслушать, кромѣ словъ: 18 *Фруктидора . . . 30 Преріаля . . . . лицемѣры . . . . козноды . . . . я не таковъ . . я скажу все . . . я отрекусь отъ власти, какъ только пройдетъ опасность, угрожающая Республикѣ.* Бонапарте, полагая, что всѣ эти слова приняты за чистую монету, воспріялъ нѣкоторую увѣренность и началъ обвинять двухъ Директоровъ Барраса и Мулена въ томъ, что они предлагали ему *сдѣлать его главою партіи, долженствовавшей сразиться съ людьми, питающими свободныя понятія.*

При этихъ словахъ, нестерпимыхъ по ихъ лживости, въ залѣ поднялся страшный шумъ. Громогласно требовали назначенія Комитета для выслушанія этихъ показаній. *Нѣтъ, нѣтъ,* кричали другіе, *не надобно Комитета! Заговорщики выставлены; Франція должна все слышать.*

Тогда Наполеона пригласили изложить въ подробности то, что онъ объявилъ о Баррасѣ и Муленѣ, равно какъ предложенія, ему сдѣланныя. «Вы не должны ничего скрывать.» Тогда-то эти прерыванія, эти клики, эти разспросы его смутили и онъ счелъ себя погибшимъ. Вмѣсто того чтобы объяснить сказаное имъ, онъ опять началъ обвинять . . . . кого же? Пятисотный Совѣтъ, желающій видѣть эшафоты; Рево-

люцiонные Комитеты, полную Революцiю. Ропотъ усилился а рѣчь его сдѣлалась еще болѣе спутана и безпорядочна. Онъ обращался то къ представителямъ народа, совершенно оцѣпенѣвшимъ, то къ военнымъ, которые—находясь на дворѣ—ничего не слышали; потомъ безъ всякой связи упоминалъ о *громѣ войны*, прибавляя что ему *сопутствуютъ Богъ войны и Богъ счастiя.* Предсѣдатель спокойно повторялъ ему что онъ не усматриваетъ предмета, подлежащаго разсужденiю; что все сказанное имъ, неопредѣлительно: «*Изъяснитесь, обнаружьте заговоры, въ которые хотѣли ввести васъ.*» Бонапарте повторилъ тоже что прежде;—и какъ все это было сказано! . . Истинно нельзя себѣ того представить, не находившись притомъ лично. Не было ни малѣйшей связи во всемъ, что онъ произносилъ запинаясь и, должно сказать, съ самою непостижимою нескладностью. Бонапарте не былъ витiею. Можно себѣ представить, что онъ болѣе привыкъ къ шуму битвъ, чѣмъ къ пренiямъ совѣтовъ. Мѣсто его скорѣе было предъ батареею, чѣмъ предъ креслами Предсѣдателя Собранiя.

Я замѣтилъ дурное дѣйствiе, производимое этимъ враньемъ на собранiе и постепенное смущенiе, въ которое приходилъ Бонапарте; дернувъ его за платье, я потихоньку сказалъ ему: *Выдьте Генералъ, вы сами не знаете, что*

вы говорите (*). Я сдѣлалъ Бертье знакъ, чтобы онъ помогъ мнѣ уговорить Наполеона выйти и вдругъ, произнеся еще нѣсколько безсвязныхъ словъ, онъ оборотился, сказавъ: *Кто меня любитъ пусть идетъ за мною.* Стоявшіе у дверей часовые, безъ всякаго затрудненія его пропустили. Человѣкъ, шедшій передъ нимъ, спокойно раздвинулъ закрывавшій двери занавѣсъ и Генералъ Бонапарте вскочилъ на свою лошадь, которая находилась посреди стоявшаго на дворѣ войска. По истинѣ я не знаю что произошло бы, еслибъ Предсѣдатель, увидѣвъ что Генералъ выходитъ, сказалъ: *Гренадеры, не выпускайте*

(*) Я сообщилъ то, что было сказано Наполеономъ въ Совѣтѣ Старѣйшинъ. Вотъ какъ была напечатана въ Монитёрѣ эта рѣчь:

«Граждане представители, Республика погибала; вы «это знали и указъ вашъ спасъ ее. Горе тѣмъ, которые «желаютъ смятенія и безпорядка! Я возьму ихъ подъ «стражу съ помощью Генераловъ Лефебра, Бертье и «всѣхъ моихъ братьевъ по оружію.

«Не должно искать въ прошедшихъ временахъ при«мѣровъ, которые могутъ замедлить ваши дѣйствія! ничто «въ исторіи не походитъ на конецъ осмнадцатаго столѣ«тія; ничто въ осмнадцатомъ столѣтіи не походитъ на на«стоящую минуту.

«Мудрость ваша издала указъ сей; руки наши его ис«полнятъ.

«Мы хотимъ имѣть Республику, основанную на истин«ной свободѣ, на Гражданской свободѣ, на народномъ «представительствѣ; мы будемъ имѣть ее . . . клянусь, «отъ имени моего и отъ имени моихъ сподвижниковъ.»

никого отсюда. Я совершенно убѣжденъ что вмѣсто того чтобы ночевать въ Люксембургѣ, онъ кончилъ бы свою ролю на Революціонной площади.

++

ГЛАВА VIII.

Два совѣта.—Намѣреніе послать нарочнаго.—Раздѣленіе между Директорами.—Письмо Барраса.—Бонапарте въ Пятисотномъ Совѣтѣ.—Извѣстія, сообщенныя Іозефинѣ.—Ложные слухи.—Бурное засѣданіе.—Рѣчь Луціана. — Требованіе о лишеніи Наполеона покровительства законовъ. — Луціанъ оставляетъ предсѣдательство.—Окончательное отреченіе.—Возвращеніе мбе къ Генералу.—Луціанъ выведенъ изъ присутствія Гренадерами.—Рѣчь Луціана къ войскамъ.—Нерѣшительность.—Театральная сцена.—Мюратъ и солдаты его въ Пятисотномъ Совѣтѣ.—Ночь въ Сен-Клу.—Совѣтъ тридцати.—Консульскій Комитетъ. — Указъ. — Шестьдесятъ одинъ исключенныхъ.—Сіесъ, Рожеръ Дюко и Бонапарте, Консулы.—Три часа утра.—Отъѣздъ изъ Сен-Клу.—Молчаніе Наполеона.—Іозефина.—Разговоръ.—Участіе, принимаемое Іозефиною въ семействѣ Гойе.—Рѣшеніе, произнесенное Наполеономъ.—Перехваченное письмо.

Читатели видѣли, какое зрѣлище представило засѣданіе Совѣта Старѣйшинъ. Внаружѣ все имѣло другой видъ: едва только Бонапарте вы-

шелъ на дворъ и сѣлъ на лошадь, какъ со всѣхъ сторонъ раздались тысячекратные клики: *Да здравствуетъ Бонапарте!* но это былъ только солнечный лучъ между двумя бурями. Надобно еще было преодолѣть Пятисотный Совѣтъ, воспламененный инымъ образомъ, чѣмъ Совѣтъ Старѣйшинъ; все содѣйствовало къ поддержанiю въ ономъ ужасной неизвѣстности; но нельзя уже было попятиться назадъ; дѣло сильно завязалось; надлежало на все итти; еще нѣсколько часовъ и судьба долженствовала рѣшиться.

Наши опасенiя были основательны. Въ Пятисотномъ Совѣтѣ волненiе возрасло до высшей степени. Сильное безпокойство обнаруживалось въ сужденiяхъ; опредѣлили объявить Директорiи объ учрежденiи Совѣтовъ; и потребовать у Совѣта Старѣйшинъ объясненiя причинъ, по коимъ было созвано чрезвычайное засѣданiе. Но Директорiя уже болѣе не существовала; Сiесъ и Рожеръ Дюко взяли сторону Бонaпарте; Гойе и Муленъ, порученные стражѣ Моро, содержались плѣнниками въ Люксембургѣ и въ ту самую минуту, какъ Пятисотный Совѣтъ опредѣлилъ послать нарочнаго къ Директорiи, —Совѣтъ Старѣйшинъ прислалъ въ Пятисотный слѣдующее письмо, написанное Баррасомъ, и которое Предсѣдатель Луцiанъ немедленно прочиталъ.

«ГРАЖДАНИНЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЬ,

«Вступивъ въ управленіе Государственными «дѣлами единственно по любви моей къ свобо«дѣ, я согласился принять участіе въ верхов«номъ управленіи Государства для того, чтобы «поддержать оное въ опасностяхъ моею предан«ностью, дабы предохранить отъ враждебныхъ «посягательствъ патріотовъ, оное поддержи«вающихъ и дабы оказать защитникамъ отече«ства попеченія, которыя могли быть имъ ока«заны только гражданиномъ, давно видѣвшимъ «ихъ геройскія добродѣтели и всегда чув«ствительнымъ къ ихъ нуждамъ.

«Слава, сопутствующая возвращенію знаме«нитаго воина, коему я имѣлъ счастіе открыть «поприще славы,—знаки великой довѣренности, «оказываемые ему Законодательнымъ Корпусомъ «и опредѣленіе Народнаго Конвента, убѣдили «меня въ томъ, что куда бы ни призвали его «отнынѣ общественныя выгоды, а опасности, «угрожающія свободѣ, будутъ устранены, и вы«годы арміи обеспечены.

«Съ радостью вступаю въ ряды простыхъ «гражданъ считая себя счастливымъ, что послѣ «столькихъ бурь могу вручить въ цѣлости и въ «бо̀льшемъ, чѣмъ когда либо уваженіи, судьбу «Республики, въ охраненіи коей я участвовалъ.»

«Поклонъ и почтеніе.

БАРРАСЪ.»

Письмо сіе, сообщенное Совѣтомъ Старѣйшинъ Пятисотному, произвело въ этомъ послѣднемъ великое волненіе. Потребовали вторичнаго прочтенія онаго. Разсуждали, добровольно ли Баррасъ сложилъ съ себя должность, или это было плодомъ козней и вліянія агентовъ Наполеона; слѣдовало ли вѣрить Баррасу, что угрожающія свободѣ опасности устранены, или указу о перемѣщеніи Совѣтовъ, изданному и исполненному подъ предлогомъ великой опасности. Въ эту минуту является Бонапарте въ сопровожденіи Гренадеровъ, остановившихся у дверей залы.

Я не былъ съ нимъ въ Пятисотномъ Совѣтѣ; онъ поручилъ мнѣ извѣстить съ нарочнымъ жену его, что она можетъ быть покойна и что все кончится къ лучшему. Я присоединился къ Наполеону уже послѣ. Однакожъ, не ручаясь за происшедшее съ такою же увѣрительностью, какъ будто бы я самъ былъ очевидцемъ, не колеблюсь думать и сказать, что должно причесть къ самымъ грубымъ выдумкамъ все, что было говорено о насильственныхъ средствахъ и о мнимыхъ кинжалахъ. Я долженъ основываться на томъ, что мнѣ сказали въ тотъ же вечеръ достойные вѣроятія люди, бывшіе свидѣтелями засѣданія Пятисотнаго Совѣта.

Что касается до слуховъ, распространенныхъ тогда и въ послѣдствіи,—разсказы измѣнялись

сообразно съ мнѣніями. Говорятъ, будто бы при видѣ вооруженныхъ людей, поднялся общій крикъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались слова: *Святыня законовъ нарушена, долой тирана, долой Кромвеля, долой Диктатора. Чего хочетъ этотъ дерзновенный?* И множество другихъ, подобныхъ сему восклицаній. Бонапарте покусился было произнесть нѣсколько словъ, подобно какъ въ Совѣтѣ Старѣйшинъ; но голосъ его мгновенно былъ заглушенъ почти всеобщими восклицаніями: *Да здравствуетъ Республика! Да здравствуетъ Конституція! Лишить Диктатора покровительства законовъ!* Сказываютъ, будто бы Гренадеры поспѣшно двинулись впередъ, закричавъ: *Спасемъ нашего Генерала!* что при этихъ словахъ, негодованіе достигло высшей степени и самые запальчивые клики возобновились; что Бонапарте, упавъ почти безъ памяти въ руки Гренадеровъ, вскричалъ: *Меня хотѣли убить!*—Я вѣрю крику, угрозамъ, брани; но тѣмъ охотнѣе причисляю къ баснямъ эти кинжалы, эти огнестрѣльныя оружія, коими, по разсказамъ, были вооружены члены Пятисотнаго Совѣта, и это вторженіе Гренадеровъ противъ ихъ буйства,—что Бонапарте ни слова не упомянулъ мнѣ объ этомъ, ни дорогою, ни дома. Онъ также ничего не сказалъ и женѣ своей, которая была въ живѣйшемъ безпокойствѣ отъ извѣстій, ею полученныхъ.

По выходѣ Бонапарте изъ Пятисотнаго Совѣта, сужденія продолжали быть весьма бурными. Смятеніе, произведенное внезапнымъ входомъ Бонапарте, нисколько еще не прекращалось и многіе дѣлали самыя яростныя предложенія. Предсѣдатель Луціанъ всячески старался успокоить собраніе.

Какъ только сдѣлалось возможнымъ заставить себя выслушать: «Происшедшее въ Совѣтѣ движеніе,» сказалъ онъ, «доказываетъ, что у всѣхъ на сердцѣ, тоже что и у меня самого.

«Весьма однакоже естественно думать, что поступокъ Генерала не имѣлъ другой цѣли кромѣ той, чтобы отдать отчетъ о положеніи дѣлъ, о какомъ нибудь общественномъ предметѣ; но полагаю, что во всякомъ случаѣ никто изъ васъ не предположитъ въ немъ противныхъ свободѣ замысловъ.»

За каждымъ словомъ Луціана кричали: *Бонапарте помрачилъ свою славу! Онъ безчеститъ Республику, мы предаемъ его проклятію!*

Луціанъ дѣлаетъ новыя усилія, чтобы заставить себя выслушать; онъ хочетъ говорить, какъ простой членъ Совѣта и для сего передаетъ предсѣдательство Шазалю; онъ требуетъ чтобы Генералъ былъ опять введенъ и хладнокровно выслушанъ; но смятеніе, причиненное присутствіемъ Наполеона, волновало еще собраніе и

предложеніе Луціана не было принято. Крикъ: *Лишить Бонапарте покровительства законовъ!* господствовалъ въ собраніи и былъ единственнымъ отвѣтомъ, сдѣланнымъ Предсѣдателю. Тогда-то Луціанъ, сдѣлавшись опять Предсѣдателемъ, вторично сошелъ со своихъ креселъ, дабы не быть принужденнымъ самому подвергать балтировкѣ лишеніе покровительства законовъ своего брата. Не взирая на ярость собранія, онъ входитъ на каѳедру, отрекается отъ предсѣдательства, равно какъ отъ званія депутата и слагаетъ съ себя наружные знаки своего званія.

Въ ту самую минуту какъ Луціанъ вышелъ изъ собранія, я воротился къ мѣсту дѣйствія. Бонапарте, извѣщенный о происходившемъ въ Совѣтѣ, послалъ солдатъ на помощь къ своему брату: они исторгли его изъ средины палаты и Бонапарте считалъ важнымъ имѣть при себѣ Предсѣдателя Собранія, которое съ той поры онъ призналъ мятежнымъ. Луціанъ воспріялъ свою должность Предсѣдателя; но уже верхомъ предъ войскомъ, а не на своихъ креслахъ. Онъ тотчасъ сѣлъ на лошадь, будучи окруженъ преданнымъ, готовымъ на все войскомъ. Вдохновенный опасностью, коей подвергался братъ его и самъ онъ,—Луціанъ съ яростью произнесъ слѣдующія слова, которыя нельзя довольно часто повторять для доказательства на что

дерзалъ человѣкъ, который не былъ ничѣмъ, кромѣ блеска, коимъ озарялъ его братъ его.

«Граждане, солдаты,

«Предсѣдатель Пятисотнаго Совѣта объявляетъ вамъ, что большинство голосовъ Совѣта «находится въ сiю минуту подъ влiянiемъ ужаса, производимаго нѣсколькими народными представителями *съ кинжалами*, которые осаждаютъ кафедру, грозятъ смертью своимъ сочленамъ и дѣлаютъ самыя ужасныя предложенiя.

«Объявляю вамъ, что эти дерзновенные разбойники, конечно, получающiе деньги отъ Англiи,—взбунтовались противъ Совѣта Старѣйшинъ и даже осмѣлились упомянуть о лишенiи покровительства законовъ Генерала, коему «было поручено исполненiе его указа; какъ будто бы мы находились еще въ то ужасное время ихъ владычества, когда слово: *лишить покровительства законовъ*, было достаточно для «того, чтобы падали драгоцѣннѣйшiя для отечества головы.

«Объявляю вамъ, что эти немногiе буяны, лишили себя самихъ покровительства законовъ, «чрезъ свои посягательства противъ свободы сего Совѣта. Именемъ народа, который столько лѣтъ уже служитъ игрушкою этихъ жалкихъ сыновъ ужаса, — ввѣряю воинамъ попеченiе освободить своихъ представителей, дабы избавясь чрезъ штыки отъ кинжаловъ, они

«могли разсуждать о жребіи Республики.

«Генералъ, и вы солдаты, и вы граждане, не «признавайте законодателями никого кромѣ тѣхъ, «которые придутъ ко мнѣ; тѣхъ же, которые «останутся въ оранжереѣ, да изгонитъ сила! Эти «разбойники не суть болѣе представители на«рода, но *представители кинжала*. Пусть это «названіе при нихъ останется и повсюду ихъ «преслѣдуетъ! . . . когдаже они дерзнутъ явить«ся предъ народъ, то даукажутъ на нихъ всѣ «персты подъ этимъ, заслуженнымъ ими име«немъ представителей кинжала! . . .

«Да здравствуетъ Республика!»

Не смотря на крики: *да здравствуетъ Бонапарте!* послѣдовавшіе за этою рѣчью, нерѣшительность въ войскѣ продолжалась. Колебались въ томъ, чтобы обратить оружіе противъ народныхъ представителей. Тогда Луціанъ, обнаживъ свою шпагу, воскликнулъ: «*Клянусь пронзить грудь моего роднаго брата, если онъ когда либо посягнетъ на свободу Французовъ!*» Это драматическое движеніе имѣло полный успѣхъ; при сихъ словахъ нерѣшимость разсѣялась и, по данному Наполеономъ знаку, Мюратъ съ Гренадерами ворвался въ залу и выгналъ изъ оной представителей. Всѣ были принуждены уступить убѣжденію штыковъ и этимъ ограничилось употребленіе вооруженной силы въ сей знаменитый день.

Въ десять часовъ вечера, величайшее спокойствіе царствовало въ Сен-Клудскомъ Дворцѣ, гдѣ произошло столько бурныхъ сценъ. Всѣ депутаты тамъ остались блуждая по залѣ, по коридорамъ и по дворамъ; большая часть изъ нихъ имѣли видъ смущенный, другіе по расчету старались показывать удовольствіе, но всѣ горѣли желаніемъ возвратиться въ Парижъ, чего они не могли сдѣлать прежде, чѣмъ новый указъ не отмѣнитъ указа о ихъ перемѣщеніи.

Въ одиннадцать часовъ вечера Бонапарте, который въ теченіе цѣлаго дня ничего еще не ѣлъ, но который былъ почти нечувствителенъ къ физическимъ нуждамъ въ минуты сильнаго волненія, сказалъ мнѣ: «Садись, Буріеннъ и пиши. Я сегодня же вечеромъ долженъ сдѣлать воззваніе къ жителямъ Парижа. Завтра при пробужденіи его я буду занимать всю столицу.» Тогда онъ продиктовалъ мнѣ слѣдующее воззваніе, которое доказываетъ не менѣе иныхъ донесеній изъ Египта, сколь Бонапарте былъ искусенъ въ томъ, чтобы искажать истину въ свою пользу.

19 Брюмера, въ одиннадцать часовъ вечера.

«По возвращеніи моемъ въ Парижъ, я на«шелъ раздоръ во всѣхъ властяхъ и согласіе, «основывавшееся на той только истинѣ, что «Конституція въ половину разрушена и что ни«чѣмъ нельзя спасти свободу!

«Всѣ партіи обратились ко мнѣ, ввѣрили мнѣ «свои намѣренія и открыли мнѣ свои тайны, «прося моей помощи: я отказался сдѣлаться у«частникомъ какой либо партіи.

«Совѣтъ Старѣйшинъ призвалъ меня. Я от«вѣтствовалъ на призывъ его. Планъ всеобща«го преобразованія былъ придуманъ людьми, въ «коихъ народъ привыкъ видѣть защитниковъ «свободы, равенства и собственности. Планъ сей «требовалъ разсмотрѣнія хладнокровнаго, сво«боднаго, изъятаго отъ всякаго вліянія, отъ «всякаго страха. Въ слѣдствіе сего Совѣтъ Ста«рѣйшинъ, рѣшился на перемѣщеніе Законода«тельнаго Корпуса въ Сен - Клу; онъ поручилъ «мнѣ распоряженіе силами, необходимыми для «его независимости. Я счелъ себя обязаннымъ «моимъ согражданамъ, солдатамъ погибающимъ «въ нашихъ арміяхъ и народной славѣ, пріобрѣ«тенной цѣною ихъ крови, — принять это на«чальство.

«Совѣты собрались въ Сен - Клу; Республи«канскія войска стерегли внѣшнее пространство, «оные окружающее; но убійцы произвели ужасъ «внутри оныхъ. Многіе члены Пятисотнаго Совѣ«та, вооруженные кинжалами, огнестрѣльнымъ «оружіемъ, угрожали смертью всему, ихъ окру«жающему.

«Планы, которые слѣдовало представить, утѣ«снены, большинство голосовъ разстроено, са-

«мые непоколебимые ораторы приведены въ «смущенie, и безполезность всякаго благоразум«наго предложенiя стала очевидною.

«Я изложилъ скорбь мою и негодованie Со«вѣту Старѣйшинъ; просилъ его обеспечить ис«полненie великодушныхъ его намѣренiй; пред«ставилъ ему бѣдствiя отечества, побудившiя его «принять оныя; онъ присоединяется ко мнѣ но«выми доказательствами своей постоянной воли.

«Я предстаю предъ Пятисотный Совѣтъ «одинъ, безъ оружiя, съ непокровенною главою, «подобно какъ я предсталъ предъ Старѣйшинъ, «которые приняли меня и одобрили; я пред«сталъ съ тѣмъ, чтобы обратить къ большин«ству голосовъ волю его и удостовѣрить оный «въ его могущсствѣ.

«Кинжалы, угрожавшie Депутатамъ, тотчасъ «поднялись на ихъ освободителя: двадцать у«бiйцъ бросаются на меня и ищутъ моей груди; «Гренадеры Законодательнаго Корпуса, которыхъ «я оставилъ у дверей залы, прибѣгаютъ и ста«новятся между убiйцами и мною. Одинъ изъ «этихъ храбрыхъ Гренадеровъ, Томе(*), пораженъ «кинжаломъ, пронзившимъ его одежду. Они ме«ня выносятъ.

«Въ тоже мгновенie крикъ, *лишить покро-*

[*] Томе только оторвалъ кусокъ воротника одинъ изъ Депутатовъ, взявшiй его за воротъ; вотъ чѣмъ ограничились всѣ убiйства 19 Брюмера.

«*вительства законовъ*, раздается противъ того, «который защищалъ *законы*. Это былъ свирѣ«пый крикъ убійцъ противъ силы, назначен«ной *для* ихъ обузданія.

«Они тѣснятся вокругъ Предсѣдателя съ угро«зами на устахъ; съ оружіемъ въ рукахъ повe«лѣваютъ ему опредѣлить лишеніе покровитель«ства законовъ. Меня объ этомъ извѣщаютъ. «Я приказываю исторгнуть его у ихъ ярости «и шесть Гренадеровъ Законодательнаго Корпу«са берутъ его подъ свою защиту. Тотчасъ по«слѣ сего Гренадеры Законодательнаго Корпуса, «входятъ приступомъ въ залу и очищаютъ «оную.

«Устраненные бунтовщики разбѣгаются. Чле«ны, составляющіе большинство голосовъ, из«бавясь отъ ихъ ударовъ, свободно и мирно «входятъ въ залу засѣданій, выслушиваютъ «предложенія, клонящіяся къ обеспеченію об«щественнаго благосостоянія, разсуждаютъ и «приготовляютъ спасительное распоряженіе, «долженствующее содѣлаться новымъ, времен«нымъ закономъ Республики.

«Французы! вы конечно въ этомъ поведеніи «признаете ревность солдата свободы, гражда«нина преданнаго Республикѣ. Блюстительныя, «охранительныя, свободныя понятія воспріяли «права свои чрезъ разсѣяніе угнетавшихъ Совѣ«ты бунтовщиковъ, которые — сдѣлавшись еще

«болѣе ненавистными, не престали быть пре-«зрительными.»

День былъ проведенъ въ ниспроверженiи стараго Правительства—надобно было посвятить ночь на учрежденiе новаго. Гг. Талейранъ, Рёдереръ и Сiесъ, находились въ Сен-Клу. Совѣтъ Старѣйшинъ собрался и Луцiанъ началъ отыскивать нѣсколькихъ членовъ Пятисотнаго Совѣта, на которыхъ можно было положиться; ему удалось собрать только тридцать человѣкъ, которые со своимъ Предсѣдателемъ, сдѣлались представителями многочисленнаго собранiя, къ коему они принадлежали. Эта тѣнь представительства была необходима, ибо Бонапарте, не взирая на противозаконныя дѣйствiя предъидущаго дня, хотѣлъ для вида показать, что онъ поступаетъ законно. Совѣтъ Старѣйшинъ между тѣмъ опредѣлилъ составить Временную Исполнительную Комиссiю изъ трехъ членовъ и готовился уже назначить оныхъ, что принадлежало власти Пятисотнаго Совѣта,—какъ въ самое это время Луцiанъ объявилъ Наполеону, что онъ не могъ собрать свою палату.

Тогда Пятисотный Совѣтъ, составленный только изъ тридцати человѣкъ, по крайности обстоятельствъ, издалъ опредѣленiе, коего вотъ первый пунктъ:

«Нѣтъ болѣе Директорiи; и не суть болѣе члены народнаго представительства, за буйства и посяга-

тельства, ими произведенныя, а въ особенности въ засѣданіе сего утра, нижепоименованные:

Андре.
Арена.
Бальи.
Бергасъ Лазируль.
Бертранъ.
Бейтсъ.
Бигонне.
Бленъ.
Буасье.
Борда.
Бувіе.
Буле-Пати.
Бриаше.
Бріо.
Бришъ.
Карреръ-Лагаріеръ.
Шальмель.
Ситаделла.
Коломбель.
Констанъ.
Димартинелли.
Добермениль.
Дельбрель.
Деморъ.
Дезе.
Дестремъ.
Дошъ-Делиль.
Дюплантье.
Фризонъ.
Гаро.
Гастенъ.
Горанъ.
Гупильо.
Гранмезонъ.
Гроскасанъ-Доримонъ.

Гездонъ.
Гоноре-Деклеркъ.
Гуссе.
Жуберъ.
Жуанинъ.
Журденъ.
Журданъ.
Лоранъ.
Леклеркъ-Шенеръ.
Лего.
Лесажъ-Сено.
Летурнё.
Лейрисъ.
Маркези.
Менторъ.
Монпелье.
Моро.
Филиппъ.
Портъ.
Пулленъ-Грандпре.
Прюдонъ.
Киро.
Сульге.
Стевенотъ.
Тало.
Трюкъ.

Другими статьями того же указа, Совѣтъ учредилъ временную Комиссiю, такую какъ оную намѣревался учредить Совѣтъ Старѣйшинъ, опредѣливъ, что оная будетъ состоять изъ трехъ членовъ, что члены сiи примутъ титулъ Консуловъ Республики,—и наименовалъ Консулами Сiеса, Рожера Дюко и Бонапарте. Остальная часть распоряженiй ночнаго Сен-Клудскаго указа заключала въ себѣ разныя

установленія. Это ночное засѣданіе было очень смирно, да и трудно бы сему быть иначе; ибо нельзя было опасаться сопротивленія отъ членовъ, которые согласились присоединиться къ Луціану; всѣ напередъ знали, что имъ должно дѣлать. Въ три часа утра, все было кончено и Сен-Клудскій замокъ, столь наканунѣ съ полудня шумный, воспріялъ свою обыкновенную тишину и представлялъ обширное запустѣніе.

Вся эта ходьба взадъ и впередъ, посылка къ разнымъ лицамъ записокъ, и разговоры, которые я принужденъ былъ имѣть, не позволили мнѣ обѣдать раньше втораго часа ночи. Тогда только, Бонапарте, отправясь въ Пятисотный Совѣтъ, присягать на званіе Консула, далъ мнѣ время итти отужинать съ Адмираломъ Брюи и нѣкоторыми Офицерами.

Въ три часа утра я сѣлъ съ Наполеономъ въ карету и мы возвратились въ Парижъ. Бонапарте былъ чрезвычайно утомленъ послѣ столькихъ заботъ и трудовъ; новая будущность передъ нимъ открывалась; онъ совершенно углубился въ размышленія и въ продолженіе дороги, не сказалъ мнѣ ни слова. Но по прибытіи домой въ улицу Побѣды, вошедъ въ свою комнату и повидавшись съ женою, которая была уже въ постелѣ, очень безпокоясь о томъ, что онъ не возвращается,—Наполеонъ сказалъ мнѣ при ней: «*Бурiеннъ, такъ я много наговo-*

рилъ глупостей.—Не дурно Генералъ.—Я лучше люблю говорить съ солдатами, чѣмъ съ законниками. Эти скоты меня озадачили. Я не привыкъ къ собраніямъ; но этосо временемъ пріобрѣтется.

Тогда мы всѣ трое начали разговаривать; Г-жа Бонапарте успокоилась и Наполеонъ воспріялъ всю свою беззаботность. Происшествія того дня сдѣлались естественнымъ образомъ содержаніемъ нашего разговора. Іозефина, очень любившая семейство Гойе, съ участіемъ произнесла имя этого Директора:« *Чтожъ мнѣ дѣлать, другъ мой,*» сказалъ онъ, *я не виноватъ. За чѣмъ онъ не согласился? Онъ человѣкъ хорошій, но слишкомъ простъ. Онъ меня не понимаетъ! . . . По настоящему его слѣдовало бы сослать. Онъ писалъ противъ меня въ Совѣтъ Старѣйшинъ; но письмо его у меня, а въ Совѣтъ не дошло. Бѣдняга! . . . онъ вчера ждалъ меня къ себѣ обѣдать! . . . и эти люди считаютъ себя государственными мужами! . . Не будемъ говорить объ немъ болѣе.*

Въ этомъ ночномъ разговорѣ, имя Бернадота было еще разъ произнесено: «Видѣлъ ли ты его Буріеннъ?» спросилъ у меня Бонапарте.—«Нѣтъ Генералъ. — Ни я также; объ немъ и не слыхать. Вообрази себѣ, что я узналъ сегодня много домогательствъ, у него сдѣланныхъ. Повѣришь ли ты, онъ требовалъ не меньше какъ

того, чтобы сдѣлаться моимъ товарищемъ въ начальствѣ? Онъ говорилъ, что сядетъ на лошадь и пойдетъ съ войсками, которыя отдадутъ въ его распоряженіе; желая, по словамъ его, поддержать Конституцію. Еще больше того, меня увѣряли, будто бы онъ дерзнулъ прибавить, что если встрѣтится необходимость лишить меня покровительства законовъ, то онъ явится и что есть солдаты, способные исполнить этотъ указъ. —Все это, Генералъ, должно дать вамъ понятіе о строгости его правилъ. — Да! понимаю, . . . тутъ что нибудь да есть . . . Онъ дѣйствуетъ искреннно, ибо безъ его упрямства братья мои успѣли бы склонить его; они въ родствѣ между собою; жена его, свояченица Іосифа, имѣетъ надъ нимъ власть; я самъ . . . Наконецъ, спрашиваю тебя, не довольно ли я старался расположить его къ себѣ? Ты самъ былъ свидѣтелемъ. Моро, коего военная слава гораздо выше, тотчасъ явился. Впрочемъ, я раскаеваюсь въ томъ, что немного поласкалъ Бернадота; а потому постараюсь удалить отъ него всѣ партіи такъ, чтобы не было толковъ. Я не могу инымъ образомъ отомстить ему; Іосифъ его любитъ и всѣ противъ меня возстанутъ. Ахъ, какая глупость эти семейныя отношенія! . . . Прощай, Буріеннъ! . . . Кстати, мы завтра будемъ ночевать въ Люксембургѣ.»

Тогда я разстался съ Генераломъ, котораго впредь слѣдуетъ уже называть Первымъ Консуломъ, пробывъ при немъ безотлучно около сутокъ, за исключенiемъ того времени, которое онъ былъ въ Пятисотномъ Совѣтѣ; и наконецъ возвратился къ себѣ домой въ *Мартельскую* улицу въ пять часовъ утра.

Достовѣрно, что Гойе сдѣлался бы однимъ изъ членовъ Правительства, еслибъ онъ прiѣхалъ утромъ 18 Брюмера на завтракъ, къ которому пригласила его Г-жа Бонапарте; но Гойе представилъ изъ себя строгаго Республиканца; осѣдлалъ, какъ говорится въ просторѣчiи, Конституцiю III года и какъ она славно низринулась, то и онъ полетѣлъ съ нею. Гойе точно написалъ, вмѣстѣ съ Муленомъ въ Совѣтъ Старѣйшинъ слѣдующее письмо:

«ГРАЖДАНЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ,

«Великое злодѣянiе свершилось и безъ сомнѣнiя это только предвѣстникъ другихъ, еще большихъ злодѣянiй. Директорскiй дворецъ преданъ военной силѣ; народные сановники, коимъ вы ввѣрили исполнительную власть, содержатся въ эту минуту подъ стражею тѣми, надъ коими они сами должны бы имѣть право властвовать.

«Преступленiе ихъ состоитъ въ томъ, что они постоянно держались непоколебимой рѣшительности исполнять священныя обязанно-

сти, возложенныя на нихъ вашею довѣренностью, равно какъ въ томъ, что они съ негодованіемъ отвергли предложеніе покинуть бразды правленія, которыя намѣреваются исторгнуть изъ рукъ ихъ и отказались проситься въ отставку.

«Нынѣ, представители Французскаго народа, должно объявить Республику въ опасности, должно защитить ее. Каковъ бы ни былъ жребій, врагами оной намъ предназначаемый, а мы клянемся въ вѣрности ей, Конституціи III года и народному представительству.

«Да не будутъ наши клятвы послѣднимъ кликомъ умирающей свободы.

«Два Директора, плѣненные во дворцѣ ихъ:
«Подписано: *МУЛЕНЪ*; *ГОЙЕ* (Предсѣдатель.)»

Странное обстоятельство воспрепятствовало двумъ Директорамъ Гойе и Мулену защищать ихъ дражайшую Конституцію. Изъ благоговѣнія къ ней они допустили ее умереть; ибо для спасенія оной, слѣдовало бы нарушить статью, запрещавшую Директорамъ совѣщаться иначе какъ въ числѣ трехъ. Такимъ образомъ одинъ Кастильскій Король сгорѣлъ отъ того, что въ комнатѣ не нашлось человѣка довольно высокаго чина для того, чтобы придворный уставъ дозволилъ ему коснуться особы Короля.

ГЛАВА IX.

Истина, противопоставленная лести.—Красноречіе Бонапарте.— Звучныя слова.—Всеобщее одобреніе 18 Брюмера.— Дурное управленіе. — Государственная казна. — Щедрость Г. Колло. — Неблагодарность Наполеона. — Освобожденіе Гойе. — Бонапарте въ Люксембургѣ. —Конституція VIII года.— Сенатъ — Трибунатъ.— Государственный Совѣтъ.— Потребованныя Наполеономъ замѣчанія.— Любовь къ честности и къ талантамъ.— Сила привычки.— Ненависть къ Трибунату.—Первое Консульское Министерство.— Посредственность Лапласа.— Списокъ сосланныхъ.— Донесеніе Камбасереса.— Г. Моро де Вормсъ.— Сіесъ-Кассандра.— Г. Моро у Бонапарте.— Надпись на лбу у Сіеса.— Деньги и идеологія.— Покои Наполеона въ Люксембургѣ.— Распредѣленіе дня.— Обычные посѣтители.— Сопротивленіе Лебрёна.— Фальшивый голосъ Наполеона.— Мелочныя привычки.— Г-жа Бонапарте.— Г. Талейранъ.— Республиканцы и титулы.—

Ничего нѣтъ труднѣе какъ доставить торжество истинѣ, когда ей слѣдуетъ сражаться съ

укоренившимися заблужденіями. Таково затрудненіе, въ которомъ я нахожусь; все сказанное мною о дняхъ 18 и 19 Брюмера, есть сущая истина; я говорю о томъ, что я видѣлъ; разсказываю то, что я слышалъ; но какъ согласить эту позднюю истину со столькими ложными показаніями? Какъ уничтожить ихъ съ того мѣста, которое они уже захватили въ исторіи? Чудная страсть историковъ! Взявъ себѣ кого либо въ герои, они устраняютъ отъ него всѣ слабости, свойственныя человѣчеству; надѣляютъ его въ продолженіе могущества и послѣ смерти всѣми добродѣтелями, всѣми талантами, всѣми качествами: подобно феямъ, которыя по мнѣнію нашихъ добрыхъ предковъ, присутствуя при рожденіи Государей, одаряли ихъ всѣми совершенствами. За чѣмъ желать, чтобы великій Полководецъ былъ и великимъ витіею? Первый на полѣ битвъ, неужели необходимо долженъ быть и первымъ на каѳедрѣ? Утверждали и теперь еще утверждаютъ будто бы Бонапарте явилъ краснорѣчіе Цицерона предъ высокимъ собраніемъ, могшимъ располагать его жребіемъ; пламеннымъ поклонникамъ его нужно, чтобы онъ дѣйствовалъ съ такимъ же присутствіемъ духа посреди Депутатовъ, хотѣвшихъ лишить его покровительства законовъ, какъ и предъ легіонами, которые онъ столько разъ водилъ къ побѣдѣ; и если онъ получилъ

посредственное образованіе на счетъ всего, относящагося къ искуству слова, то искуство сіе вдругъ сообщилось ему въ ту минуту, какъ имъ овладѣло самое сильное безпокойство! Описывая засѣданіе 19 Брюмера въ Совѣтѣ Старѣйшинъ, Г. Гурго говоритъ: *Были минуты, въ которыя онъ говорилъ какъ богъ—и другія, въ которыя онъ выражался, какъ самый простой смертный.* Половина этого справедлива; но я былъ притомъ и могу увѣрить, что я не слыхалъ говорящаго Бога.

Могу ли я ошибаться нынѣ на счетъ этихъ происшествій, мною описываемыхъ? Они не изъ числа тѣхъ, которыя не долго остаются въ памяти скоро изглаживаясь изъ оной. То, что я теперь разсказываю, я разсказывалъ на другой же день многимъ; я тогда же это записалъ и невѣроятно, чтобы на бумагѣ могло измѣниться, тогда ей ввѣренное. Въ послѣдствіи я часто говорилъ въ тѣхъ же выраженіяхъ всѣмъ непредубѣжденнымъ людямъ, которые спрашивали у меня о подробностяхъ Сен - Клудскаго происшествія. Мнѣ конечно жаль, что я нахожусь въ противорѣчіи со всѣми; но не могу рѣшиться быть льстецомъ великаго человѣка, приписывая ему краснорѣчіе, котораго онъ не имѣлъ;—мѣсто, занятое имъ въ исторіи, довольно знаменито для того, чтобы не имѣть нужды прибѣгать къ хитростямъ лести. Впро-

чемъ читатели уже видѣли и еще увидятъ, что если я возстановляю истину тогда какъ Наполеону приписываютъ незаслуженныя похвалы, то я исполняю туже обязанность и съ бо́льшимъ удовольствіемъ, когда дѣло идетъ объ опроверженіи клеветы, которой онъ былъ предметомъ. Бонапарте не сдѣлалъ жестокаго поступка въ Яффѣ, но онъ запинался, *заикался* въ Пятисотномъ Совѣтѣ. (*) Притомъ же, что нужды до словъ его; дѣла его извѣстны: краснорѣчіе штыковъ, преодолѣло силу самыхъ витіеватыхъ возгласовъ; на другой день онъ тѣмъ не менѣе былъ главою Республики, а въ послѣдствіи Императоромъ Французовъ.

Безъ сомнѣнія можно оспорить законность дѣйствій 18 Брюмера; но кто осмѣлится сказать что непосредственная развязка дня сего не должна считаться великимъ благополучіемъ для Франціи. Дабы отвергать сіе, должно было не имѣть ни малѣйшаго понятія о печальномъ положеніи всѣхъ отраслей управленія въ эту бѣдственную эпоху. Пусть сколько угодно расточаютъ звучныхъ словъ: *угнетеніе предста-*

(*) Въ послѣдствіи моихъ Записокъ читатели увидятъ, что болѣе привыкшій къ шуму лагерей, чѣмъ къ гулу гражданскихъ распрей, Бонапарте никогда не пріобрѣлъ способности хорошо говорить предъ собраніемъ, кромѣ какъ своимъ солдатамъ. Рѣчь его 24 Марта 1811 года въ Коммерческой Палатѣ, которую я приведу въ своемъ мѣстѣ, подтвердитъ это мое показаніе.

вительства, нарушенiе Конституцiи, военное самоуправство, похищенiе власти, выслужившiйся солдатъ и проч., а тѣмъ не уничтожаютъ того что Францiя привѣтствовала почти единогласно восшествiе Наполеона въ Консульскiй Санъ какъ милость Провидѣнiя. Я не описываю здѣсь дальнѣйшихъ послѣдствiй сего событiя, а говорю только о самомъ событiи и о его первыхъ дѣйствiяхъ какъ то объ отмѣнѣ закона заложниковъ и насильственнаго займа въ сто милiоновъ. Немногiе порицали 18 Брюмера; никто не жалѣлъ о Директорiи, исключая можетъ быть самихъ пяти Директоровъ. Но не будемъ болѣе говорить о Директорскомъ Правительствѣ; какое управленiе! въ какомъ положенiи находились финансы Францiи! Повѣрятъ ли мнѣ? На другой день своего Консульства, Бонапарте хотѣлъ послать курьера къ Генералу Шампiонне, Главнокомандующему Италiянскою армiею; и въ казначействѣ не нашли на лицо *тысячи двухъ сотъ франковъ* для этой издержки.

Можно себѣ представить что въ эти первыя минуты новаго Правительства нужны были деньги. Г. Колло, который съ похвалою служилъ при Бонапарте въ Италiи, былъ однимъ изъ первыхъ, явившихся къ Консулу на помощь. Г. Колло оказалъ при семъ столько же услужливости какъ и безкорыстiя: онъ далъ ему пятьсотъ тысячъ франковъ золотомъ; но

дурно былъ за это награжденъ. Бонапарте поступилъ въ послѣдствіи съ Г-мъ Колло, такъ какъ будто бы онъ желалъ наказать его за богатство. Сумма сія, доставившая такъ кстати пособіе Консульской казнѣ, была ему отдана очень поздо, послѣ многихъ затрудненій и безъ всякихъ процентовъ. Не въ одинъ этотъ разъ Г. Колло имѣлъ причины жаловаться на Бонапарте, который никогда не призналъ его важныхъ услугъ и даже не хотѣлъ отдать должной справедливости его поведенію и усердію.

20 Брюмера утромъ, Первый Консулъ послалъ брата своего Лудовика къ отрѣшенному Директору Гойе объявить ему, что онъ свободенъ. Эта заботливость была не безъ причины, ибо Бонапарте очень хотѣлось водвориться въ Люксембургѣ и мы въ тотъ же вечеръ туда отправились.

Все должно было создать. Бонапарте имѣлъ на своей сторонѣ почти всю армію, на которую онъ могъ положиться; но военной силы ему уже было недостаточно, и онъ хотѣлъ имѣть большую гражданскую власть, законно учрежденную. Онъ немедленно занялся составленіемъ Сената, Трибуната, Государственнаго Совѣта и новаго Законодательнаго Корпуса, однимъ словомъ — составленіемъ новой Конституціи. (*)

(*) Конституція VIII года была представлена 13 Декабря 1799

Бонапарте, не имѣвъ еще времени узнать людей, долженствовавшихъ окружить его,—потребовалъ отъ самыхъ значительныхъ сановниковъ того времени, наиболѣе знавшихъ Францію и Революцію, замѣчаній о людяхъ, достойныхъ и способныхъ вступить какъ въ Сенатъ, такъ въ Трибунатъ и въ Государственный Совѣтъ. Эти замѣчанія, которыя будутъ ниже помѣщены, даютъ поводъ думать, что люди, составлявшіе оныя, полагали согласоваться съ его образомъ мыслей, воображая что онъ раздѣляетъ мнѣнія, вообще тогда существовавшія. Одобрительными правами представленныхъ кандидатовъ, выставлены: ихъ патріотизмъ, ихъ

[22 Фримера VIII года] и принята народомъ 7 Февраля 1800.

Ею учреждено Консульское правленіе, составленное изъ Бонапарте, Перваго Консула, назначеннаго на десять лѣтъ; изъ Камбасереса, Втораго Консула, назначеннаго также на десять лѣтъ; и изъ Лебрёна, Третьяго Консула, назначеннаго на пять лѣтъ. Она основала Блюстительный Сенатъ, Законодательный Корпусъ изъ 300 членовъ и Трибунатъ изъ 100 членовъ. [Трибунатъ сей былъ уменьшенъ до 50 членовъ 4 Августа 1802 и уничтоженъ 19 Августа 1807] Конституція, состоявшая изъ 9 статей, раздѣлялась на 7 Главъ, а именно: 1. О городскихъ правахъ; 2. О Блюстительномъ Сенатѣ; 3. О законодательной власти; 4. О правительствѣ; 5. О присутственныхъ мѣстахъ; 6. Объ отвѣтственности служащихъ чиновниковъ и 7. Общія распоряженія.

Учрежденіе Государственнаго Совѣта произошло 24 Декабря 1799.

Открытіе новаго Законодательнаго Корпуса и Трибуната, было назначено 1 Генваря 1800.

любовь къ Республиканству и къ свободѣ и занятіе ими мѣстъ при прежнемъ Правительствѣ.

Изъ всѣхъ качествъ то, которое наиболѣе имѣло вліянія на выборъ Перваго Консула, была строгая честность (*); и справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ отношеніи онъ рѣдко ошибался. Прежде всего онъ требовалъ талантовъ и хоть не любилъ людей Революціи, но не полагалъ возможнымъ обойтись безъ нихъ. Онъ питалъ чрезвычайное отвращеніе къ посредственности и отвергалъ посредственнаго человѣка, вновь ему представляемаго; но если онъ давно его зналъ, то уступалъ силѣ привычки, не страшась ничего столько, какъ перемѣны и какъ онъ самъ говорилъ, *новыхъ лицъ*.

И такъ Бонапарте сбирался учредить снисходительный Сенатъ, нѣмой Законодательный Корпусъ и Трибунатъ, который бы имѣлъ видъ независимости съ помощью нѣсколькихъ витіеватыхъ рѣчей и звучныхъ выраженій. Онъ до-

(*) По назначеніи Камбасереса Консуломъ, надобно было замѣстить его кѣмъ нибудь по званію Министра Юстиціи. Бонапарте избралъ Абріаля, умершаго недавно Перомъ Франціи. Онъ только что окончилъ чрезвычайное порученіе въ Неаполѣ, а передъ тѣмъ былъ Коммисаромъ Правительства при апелляціонномъ Судѣ. Вручая ему Портфель, Бонапарте сказалъ: «Гражданинъ Абріаль, я васъ не знаю; но мнѣ сказали, что вы честнѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ сановниковъ, а потому я и назначаю васъ Министромъ Юстиціи.»

вольно показалъ снисходительности при назначеніи Сенаторовъ; но не то было относительно Трибуната. Онъ долго колебался прежде опредѣленія членовъ въ эту палату, которая внушала ему преждевременныя опасенія; не смотря на то однакоже, достигнувъ владычества, онъ не посмѣлъ отказать требованіямъ той эпохи и согласился на время, успокоить этимъ обманутыхъ честолюбцевъ, которые жужжали ему на уши о высокихъ чувствахъ свободы. Онъ полагалъ, что обстоятельства не благопріятны для воспрепятствованія введенію въ Конституцію этой третьей власти, предназначаемой по видимому для того, чтобы ходатайствовать предъ Законодательнымъ Корпусомъ о пользахъ народа; но уступивъ необходимости, онъ не смотря на то, при одной мысли о Трибунатѣ выходилъ изъ терпѣнія; и говоря вообще, Бонапарте не терпѣлъ всенародныхъ преній о проэктахъ законовъ.

Бонапарте составилъ первое Консульское Министерство изъ Бертье—по части военной; Годена, управлявшаго почтами,—по Финансамъ; Комбассереса, по Юстиціи, гдѣ онъ уже находился; Форфе, по морской части; Лапласа по внутреннимъ дѣламъ; Фуше по Полиціи; и Рейнгарда по внѣшнимъ дѣламъ.

Рейнгардъ и Лапласъ скоро были замѣщены —первый искуснымъ Г-мъ Талейраномъ, а по-

слѣдній Луціаномъ (*). Луціанъ, такъ сказать, только прошелъ чрезъ Министерство для достиженія своего выгоднаго посольства въ Испанію. Что касается до Лапласа, то Бонапарте всегда имѣлъ весьма высокое понятіе о его талантахъ и назначеніе его Министромъ Внутреннихъ дѣлъ, было уваженіемъ, оказаннымъ наукамъ. По правдѣ сказать, Первый Консулъ скоро раскаялся въ этомъ выборѣ; Лапласъ, столь благопріятно созданный для наукъ, обнаружилъ въ управленіи Министерствомъ неимовѣрную посредственность; онъ былъ неспособенъ къ самымъ незначительнымъ вещамъ, какъ будто бы умъ его, сотворенный для того, чтобы обнимать систему міра и объяснять законы Нютона и Кеплера, не въ состояніи былъ унизиться до мелочныхъ подробностей и до занятій, требуемыхъ мѣстомъ, которое онъ занималъ столь короткое время и столь неудачно.

26 Брюмера (17 Ноября 1799 года) Консульская Коммисія издала слѣдующее опредѣленіе: «*Консулы Республики*, во исполненіе 3 ста-

---

(*) Когда я разстался съ Первымъ Консуломъ, то Г. Талейранъ занималъ еще должность Министра Внѣшнихъ Дѣлъ. Я часто присутствовалъ при совѣщаніяхъ сего великаго Государственнаго мужа съ Первымъ Консуломъ и истина обязываетъ меня объявить, что я никогда не слыхалъ его льстившаго ему въ его честолюбивыхъ мечтахъ, которыя, напротивъ того, онъ всегда старался направить къ истиннымъ его пользамъ.

тьи закона 19 числа сего мѣсяца, поручающей имъ непосредственное попеченіе о возстановленіи внутренняго спокойствія, опредѣляютъ:

Статья 1-я. Нижеименованные:

Дестремъ.
Арена.
Маркези.
Трюкъ.
Феликсъ Лепельтье.
Карлъ Гессъ.
Сципіонъ дю Руръ.
Ганьи.
Массаръ.
Фурніе.
Жиро.
Фике.
Бапгъ.
Бойе.
Вангекъ.
Мишель.
Жорри.
Брутъ Мешье.
Маршанъ.
Габріель.
Маменъ.
Сабатіе.
Клемансъ.
Марпе.
Журдёль.
Метжъ.
Мургуанъ.
Коршанъ.
Меньанъ.
Ганріо.
Лебуа.
Сулави.

Дюбрёлъ.
Дидье.
Ламберте.
Д'Обиньи.
Ксавье.
Одуенъ.

Выѣдутъ изъ владѣній Республики на твердой землѣ и для сего отправятся въ Рошфоръ, а оттуда будутъ отвезены въ заключеніе во Французскую Гвіану.

Статья 2-я. Нижеименованные:

Бріо.
Антонелъ.
Лашевардіеръ.
Пуленъ-Граппре.
Граимезонъ.
Тало.
Киро.
д'Оберменилъ.
Фризонъ.
Де Клеркъ.
Журданъ.
Лесажъ-Сено.
Прюдонъ.
Грокассанъ.
Доримонъ.
Гедонъ.
Жюліенъ де Тулузъ.
Сантона.
Тилли.
Стевенотъ.
Гастенъ.
Бувіе.
Делбре.

Обязываются отправиться въ приходъ Ла-

Рошель, въ Департаментѣ Нижней Шаранты, для содержанія въ томъ мѣстѣ сего Департамента, которое будетъ назначено Министромъ Полиціи.

Эта ссылка, отъ которой я имѣлъ счастіе избавить Г. Моро де Вормса, произвела дурное дѣйствіе. Въ ней увидѣли неумѣстную строгость, противную увѣреніямъ въ кротости и въ умѣренности, даннымъ 19 Брюмера. Камбассересъ представилъ докладъ, изложивъ въ ономъ что безполезно, для обезпеченія спокойствія подвергать осужденныхъ ссылкѣ, считая достаточнымъ помѣстить ихъ подъ надзоръ Главной Полиціи. Въ слѣдствіе доклада Камбассереса, Консульская Коммисія сдѣлала слѣдующія распоряженія:

«*Консулы Республики*, внявъ представленію «Министра Юстиціи, какъ относительно обна«родованія указа 18 и закона 19 Брюмера, такъ «и на счетъ мѣръ безопасности, предписанныхъ «постановленіемъ 26 Брюмера, опредѣляютъ:

«Что лица, которыя согласно съ 1-ю статьею, «обязаны были выѣхать изъ твердой земли Рес«публики и тѣ, коимъ предписывалось отпра«виться въ Департаментъ Нижней Шаранты, «отдаются подъ надзоръ Министра Главной По«лиціи . . . . Они поѣдутъ въ округи, назна«ченные имъ симъ Министромъ и останутся «тамъ впредь до приказанія.

«Въ слѣдствіе сего имъ предписывается яв-

«ляться въ мѣстныя правленія въ тѣ сроки, ког«да отъ Министра Полиціи опредѣлено будетъ.»

Въ эпоху изданія этихъ опредѣленій, Сіесъ былъ еще членомъ Консульской Коммисіи вмѣстѣ съ Бонапарте и съ Рожеромъ Дюко. Хотя Наполеонъ въ существѣ, съ перваго дня завладѣлъ всею Коммисіею, но между ими царствовалъ еще родъ наружнаго равенства. Только 25 Декабря Бонапарте принялъ титулъ Перваго Консула, присовокупивъ къ себѣ Камбассереса и Лебрёна. Уже съ 18 Брюмера онъ обратилъ на нихъ взоры и въ послѣдствіи не имѣлъ причины упрекать ихъ въ томъ, чтобы они много препятствовали ему въ возрастающемъ стремленіи его къ Императорскому престолу.

Выше упомянуто, что я былъ довольно счастливъ для того, чтобы выключить изъ списка изгнанниковъ Г-на Моро де Вормса; черезъ нѣсколько дней послѣ сего Сіесъ, вошедъ въ кабинетъ Бонапарте, сказалъ ему: *Ну вотъ этотъ Моро де Вормсъ, котораго Господинъ Буріеннъ уговорилъ васъ избавить отъ ссылки; онъ натворилъ славныхъ дѣлъ! . . . я васъ объ немъ предупреждалъ. Я получилъ изъ Сана, его родины письмо, въ которомъ меня увѣдомляютъ, что Г. Моро находится въ этомъ городѣ, что онъ собралъ народъ на площади и произносилъ самыя буйныя рѣчи противъ* 18 *Брюмера.* —*Увѣрены ли вы въ вашихъ агентахъ?*— *Совер-*

шенно; и ручаюсь за истину того, что мнѣ донесено. Бонапарте, показавъ мнѣ донесеніе агента Сіеса, началъ жестоко меня упрекать. «*А что бы вы сказали, Генералъ*, возразилъ я ему, «*еслибъ этого самаго Моро де Вормса, который охуждаетъ въ Санѣ 18-е Брюмера, я представилъ вамъ черезъ часъ?—Быть не можетъ.—Я поручился вамъ за него и зналъ что дѣлаю; онъ человѣкъ пылкій, но благородный и неспособный измѣнить своему слову.—Увидимъ; съѣзди за нимъ.* Я очень былъ увѣренъ въ томъ, что говорилъ; ибо не прошло еще часа какъ я видѣлъ Г. Моро де Вормса; онъ скрывался съ 19 Брюмера и не выѣзжалъ изъ Парижа. Посему его очень легко было отыскать и черезъ три четверти часа, онъ находился уже въ Люксембургѣ. Я представилъ его Наполеону, который долго разговаривалъ съ нимъ о 18 Брюмерѣ. По уходѣ Г. Моро: «*Ты правъ!* сказалъ мнѣ Бонапарте. *Этотъ глупый Сіесъ легковѣренъ какъ Кассандра. Это доказываетъ, что не должно тотчасъ вѣрить донесеніямъ негодяевъ, которыхъ мы принуждены употреблять въ Полиціи.* Потомъ онъ прибавилъ: *Скажи пожалуй, Бурієннъ, твой Моро не дуренъ; онъ мнѣ довольно по мыслямъ и я что нибудь для него сдѣлаю.*

Г. Моро не долго ждалъ дѣйствій благопріятнаго къ нему расположенія Перваго Консула.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, по моей просьбѣ онъ далъ Г. Моро мѣсто съ десятью тысячами франковъ жалованья. Отъ чего часто зависитъ судьба человѣка! Что касается до Сіеса, то въ сношеніяхъ, по правдѣ сказать не многочисленныхъ, которыя я съ нимъ имѣлъ,—онъ показался мнѣ гораздо ниже той великой славы, которою онъ тогда пользовался (*). Онъ слѣпо вѣрилъ множеству агентовъ, повсюду имъ разсылаемыхъ. Когда мнѣ случалось, съ такою же очевидностью, какъ въ дѣлѣ Г. Моро, доказывать ему лживость ихъ донесеній, то онъ отвѣчалъ мнѣ со смѣшною увѣренностью: *Я увѣренъ въ моихъ людяхъ.* У Сіеса всегда было какъ будто написано на лбу: *Дайте мнѣ денегъ!* Мнѣ помнится, что я сдѣлалъ когда-то въ присутствіи Перваго Консула это замѣчаніе о просительномъ лицѣ Сіеса. «*Это правда,*» отвѣчалъ онъ мнѣ улыбаясь, «*когда дѣло идетъ о деньгахъ, то Сіесъ очень положителенъ и перестаетъ умствовать. Это даетъ возможность управлять имъ. Онъ лег-*

(*) Это мнѣніе о Сіесѣ давно уже питаетъ Г. Талейранъ, умѣющій хорошо судить о людяхъ и котораго прекрасныя изреченія заслуживаютъ быть помѣщенными въ исторіи. Однажды въ разговорѣ о Сіесѣ со вторымъ Консуломъ, Камбасересъ сказалъ ему: «Однакожъ Сіесъ человѣкъ очень глубокомысленный.—Глубокомысленный? . . . Развѣ пустой, очень пустой, хотите вы сказать.

ко покидаетъ свои мечты о Конституціяхъ за порядочную сумму. Это довольно удобно (*).

Самыя важныя дѣйствія Консульства произошли не изъ Люксембургскаго кабинета, кромѣ попытки войти въ переговоры съ Англіею, которая будетъ описана мною въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Вдохновенный пребываніемъ въ Тюлiери, Бонапарте уже тамъ началъ дѣйствовать какъ Государь, не имѣвъ еще сего сана.

Въ Люксембургѣ, по учрежденіи Консульскаго правленія, главное занятіе Бонапарте состояло въ томъ, чтобы искать денегъ; ибо деньги всё еще считаются главнымъ движителемъ дѣлъ, не смотря на то, что Махіавель, въ своихъ *Декадахъ Тита Ливія*, посвятилъ цѣлую главу для доказательства противнаго.—Въ этоже время производилась весьма дѣятельная переписка съ нѣкоторыми Иностранными Державами для склоненія ихъ къ миру, дабы съ бо́льшею увѣренностью напасть на прочія.

Бонапарте занималъ въ маломъ Люксембургѣ комнаты нижняго этажа на право съ пріѣзда

(*) Всѣмъ извѣстно, что Сіесъ не иначе согласился сложить съ себя Косульское достоинство, какъ получивъ въ замѣну того прекрасную мызу въ Версальскомъ паркѣ, доставившую ему 15,000 ливровъ дохода. Добрый Аббатъ утѣшился въ томъ, что онъ уже не участникъ Республиканскаго правленія, прогуливаясь *у себя* въ помѣстьѣ, принадлежавшемъ прежде нашимъ Королямъ.

изъ Вожирарской улицы. Подлѣ кабинета его находилась потайная лѣстница вверхъ къ Іозефинѣ. Я жилъ надъ нею.

Послѣ завтрака, подаваемаго въ десять часовъ утра, Бонапарте разговаривалъ нѣсколько минутъ съ обыкновенными своими собесѣдниками, то есть со своими Адъютантами, съ приглашаемыми имъ особами и со мною, никогда съ нимъ не разстававшимся. Онъ также довольно часто принималъ къ себѣ Дефермона, Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели, Буле, Монжа и Берльє. Братья его Іосифъ и Луціанъ были въ числѣ тѣхъ, которыхъ онъ видѣлъ съ наибольшимъ удовольствіемъ; онъ дружески съ ними разговаривалъ. Камбасересъ часто пріѣзжалъ около полудня и долго оставался съ нимъ, иногда по цѣлому часу. Лебрёнъ рѣдко бывалъ у него; этотъ человѣкъ, коего добродѣтель никогда не измѣнялась, казался ему слишкомъ умѣреннымъ, потому что онъ всегда обнаруживалъ сопротивленіе честолюбивымъ видамъ Перваго Консула и замысламъ его о захваченіи власти.—Вставъ изъ за стола и пожелавъ добраго утра Іозефинѣ и дочери ея Гортензіи, рѣдко случалось, чтобы Бонапарте не прибавлялъ: «*Пойдемъ, Буріеннъ, пойдемъ работать.*»

Послѣ утренняго пріема, оставшись съ Наполеономъ я читалъ ему, или писалъ съ его словъ или онъ ходилъ въ Совѣтъ, что бывало три

или четыре раза въ недѣлю. Дабы дойти до залы засѣданій Наполеонъ долженъ былъ переходить через дворъ Малаго Люксембурга и подниматься по большой лѣстницѣ; это всегда его очень сердило, тѣмъ болѣе что погода тогда была весьма дурна. Досада сія продолжилась до 25 Декабря и онъ весьма былъ доволенъ когда отъ нея избавился. Вышедъ изъ Совѣта, онъ возвращался въ кабинетъ напѣвая, и притомъ очень фальшиво. Онъ разсматривалъ то что приказалъ изготовить, подписывалъ нѣсколько бумагъ, растягивался въ креслахъ, читалъ полученныя наканунѣ бумаги и новыя сочиненія. Когда не было Совѣта, то онъ оставался въ своемъ кабинетѣ, разговаривалъ со мною, продолжалъ пѣть, рѣзалъ по привычкѣ ручку у своихъ креселъ, походилъ иногда на большаго ребенка; потомъ, вдругъ какъ бы очнувшись, начертывалъ планъ какого либо памятника или диктовалъ огромныя вещи, изумившія и устрашившія свѣтъ. Онъ часто становился тѣмъ человѣкомъ, который подъ стѣнами Сен-Жанъ д'Акры мечталъ о царствѣ, достойномъ его честолюбія.

Обѣдали въ пять часовъ. Послѣ обѣда, Первый Консулъ отправлялся вверхъ къ Іозефинѣ, гдѣ онъ обыкновенно принималъ посѣщенія Министровъ и всегда съ удовольствіемъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ особенно съ тѣхъ поръ,

какъ портфёль сего Департамента былъ врученъ Г. Талейрану. Въ полночь а часто и ранѣе, онъ подавалъ знакъ расходиться, сказавъ вдругъ: *Пойдемъ спать.*

Въ Люксембургѣ, въ залахъ гдѣ съ такимъ приличіемъ умѣла принимать милая Іозефина, вошло опять въ употребленіе слово *Madame.* Этотъ первый возвратъ къ старинной Французской вѣжливости, раздражилъ нѣкоторыхъ пламенныхъ Республиканцевъ, но титулы Сіятельства и Свѣтлости скоро ихъ утѣшили.

++

ГЛАВА X.

Приверженцы Революціи и Бурбоновъ. — Опасенія Наполеона. —Свѣдѣнія о разныхъ лицахъ.—Выборъ Префекта Полиціи.— Кандидаты въ Сенатъ.—Кандидаты въ Трибунатъ и въ Государственный Совѣтъ. — Замѣчанія Реніо. — Замѣчанія Луціана.— Собственноручныя отмѣтки Наполеона.—

Если съ одной стороны, Бонапарте не любилъ приверженцевъ Революціи, то съ другой, онъ еще болѣе опасался тѣхъ, которые усердствовали Бурбонамъ. Одно имя этихъ Принцевъ возбуждало въ немъ тайный страхъ и онъ часто говорилъ мнѣ о необходимости воздвигнуть желѣзную стѣну между Франціею и ими. Конечно сему должно приписать нѣкоторыя назначенія и свойство нѣкоторыхъ одобреній, содержащихся въ помѣщенныхъ ниже замѣчаніяхъ; въ послѣдствіи увидятъ, какого онъ былъ

мнѣнія о цареубійцахъ; но въ эти первыя времена, чѣмъ кто усерднѣе участвовалъ въ Революціи, тѣмъ болѣе онъ представлялъ собою ручательствъ противъ возвращенія прежняго порядка вещей; притомъ же Бонапарте былъ не такой человѣкъ, чтобы внимать какимъ бы то ни было отношеніямъ, тогда какъ говорила его политика.

Въ первомъ свѣдѣніи не означено мѣста, на которое Кандидаты представлялись; но очевидно было, что дѣло шло о назначеніи Префекта Полиціи.

Алькье. — Бывшій членомъ Конституціоннаго Собранія, Предсѣдателемъ Уголовнаго Суда Сены и Оаза, членомъ Конвента и посланникомъ; а теперь главный сборщикъ податей въ Сенѣ и Оазѣ.

Трудно имѣть болѣе ума, утонченнѣе сметливости, болѣе благолюбія.

Онъ очень знаетъ людей и дѣла Революціи.

Онъ знаетъ Парижъ.

И что теперь бы ни говорили, а онъ управлялъ Полиціею при Кошонѣ, котораго онъ былъ искреннимъ другомъ и неразлучнымъ совѣтникомъ.

Его упрекаютъ:

Въ большой лѣности; онъ боится труда, но умѣетъ заставлять другихъ *работать*; легкое соображеніе и вѣрный взглядъ, избавляютъ его

отъ необходимости продолжительнаго занятія.

Онъ большой *трусъ*; бездѣлица его пугаетъ и въ минуту опасности, сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ сохранить полное присутствіе духа.

Его не упрекаютъ ни въ одномъ поступкѣ по нахожденію его какъ въ Конвентѣ, такъ и въ Конституціонномъ Собраніи.

Онъ заслужилъ себѣ добрую и блистательную славу въ Конституціонномъ Собраніи.

Вступивъ въ Конвентъ, онъ заблаговременно угадалъ долженствовавшія произойти буйства и съ тѣхъ поръ осудилъ себя къ молчанію.

Назначенный въ Комитетъ Общей Безопасности, коего онъ сначала былъ Предсѣдателемъ, онъ озаботился только сохраненіемъ головы своей и успѣлъ въ томъ.

Будучи послѣ Термидора посланъ въ Голландію, онъ велъ себя съ приличіемъ и осторожностью, заставивъ себя тамъ любить и уважать.

Посланный въ Минхенъ, онъ одинъ только доставлялъ основательныя свѣдѣнія Директоріи; но совѣты его были пренебрежены.

Алькье патріотъ.

Но въ обществѣ онъ прикрываетъ себя завѣсою и иногда кажется проситъ извиненія въ участіи, принятомъ имъ въ Революціи, коей онъ любитъ истинныя правила и изящный духъ.

ДЕПЕРЕ. — Бывшій Главный Надзиратель Ассигнацій.

Это мѣсто, которое онъ учредилъ и занималъ съ большимъ талантомъ и безкорыстіемъ, привело его въ необходимость учредить бдительную и повсемѣстную полицію, для надзора за поддѣлывающими ассигнаціями. Онъ показалъ большое искуство и благоразуміе.

Онъ чрезвычайно дѣятеленъ и важенъ для лѣтъ своихъ.

Онъ совершенно знаетъ людей и дѣла Революціи; а еще лучше того знаетъ Парижъ.

Онъ прошелъ чрезъ Революцію, не заслуживъ никакого упрека.

Слава его есть одна изъ тѣхъ, которыя не устрашаютъ ни которую партію: онъ ненавидитъ пылкія, преувеличенныя партіи.

Его можно упрекнуть въ томъ, что онъ нѣсколько молодъ; но упрекъ сей не сдѣлаетъ никакого вліянія на умъ того, кому я представляю эти замѣчанія.

РЁДЕРЕРЪ.—Онъ извѣстенъ; таланты его извѣстны и слава его утверждена. Обѣ партіи: Роялисты и патріоты, жестоко укоряютъ его за поведеніе его 10 Августа. Исторія это разсудитъ.

Его обвиняютъ въ томъ, что онъ способствовалъ противодѣйствію своимъ журналомъ.

Онъ бы отмѣнно управлялъ дѣлами; но можетъ статься испугалъ бы нѣкоторыхъ людей.

РЕНІО ДЕ СЕН - ЖАНЪ Д'АНЖЕЛИ. Таланты его и способности извѣстны.

Онъ долго жилъ въ Революцію и привязанный къ оной, былъ обвиняемъ въ связяхъ съ аристократіею гостиныхъ.

Патріоты помнятъ Вандеміеръ и онъ былъ тогда однимъ изъ начальниковъ возмутившихся Частей города.

Не могу скрыть, что слава его устрашаетъ патріотовъ, которые съ нимъ не сближались.

ДЮБУА. Бывшій судья, а нынѣ членъ Центральной Конторы.

Дѣятеленъ и неутомимъ.

Пламенный другъ твердаго порядка.

Другъ свободы.

Совершенно знаетъ Парижъ.

Бывъ долгое время Комисаромъ, онъ доказалъ на этомъ мѣстѣ, что онъ могъ бы сдѣлать въ другомъ, высшемъ званіи.

ЛОМБАРЪ-ТОРАДО.— Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія.

Вѣроятно, что всякій, прочитавшій эти замѣчанія и имѣющій довѣренность къ тому, кто ихъ представилъ, наименовалъ бы Префектомъ Полиціи Г. Дюбуа. Такъ и случилось.

Слѣдующія три ноты писаны рукою Сен-Жанъ д' Анжели.

ЗАМѢЧАНІЯ О НѢКОТОРЫХЪ ЧЛЕНАХЪ СОВѢТА.

ЛАМАРКЪ. — Бывшій членъ Конвента. Много талантовъ и строгая честность: онъ считается нѣсколько пылкимъ патріотомъ, но въ существѣ, онъ чрезвычайно разсудителенъ. Въ Революцію онъ не вдавался ни въ какія крайности. Онъ былъ плѣнникомъ Австріи въ продолженіе Революціоннаго правленія.

БЕРЛЬЕ.— Бывшій членъ Конвента. Съ большимъ запасомъ законодательныхъ свѣдѣній, онъ соединяетъ драгоцѣнный талантъ ясности, которою умѣетъ озарять пренія. Трудолюбивъ, честенъ и кроткихъ свойствъ.

ЕШАССЕРІО старшій. — Бывшій членъ Конвента. Патріотъ съ талантами. Въ продолженіе Революціонныхъ бурь, онъ всегда хорошо исполнялъ свои обязанности, не предаваясь никакой партіи.

ФРАНСЕ. (Изъ Нанта). Писатель съ талантомъ; онъ всегда пользовался большимъ уваженіемъ; но имѣетъ слабый характеръ.

БЕРГАССЪ-ЛАЗИРУЛЬ. — Онъ былъ членомъ Конституціоннаго Собранія; обладаетъ талантами, патріотъ, но безъ преувеличеній. Онъ имѣетъ враговъ между членами Пятисотнаго Совѣта

потому что онъ подалъ донесеніе, въ слѣдствіе коего Треліаръ былъ отрѣшенъ изъ Директоріи. Это одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ своемъ Департаментѣ.

КЕРВЕЛЕГАНЪ. — Былъ членомъ Конституціоннаго Собранія и Конвента. Онъ имѣлъ большое вліяніе въ знаменитомъ посольствѣ, бывшей Бретани, коимъ началась Революція. Лишенный покровительства законовъ послѣ 31 Маія, какъ членъ Комитета общей Защиты, онъ вошелъ въ Конвентъ съ семидесятью тремя и, вовсе не помышляя объ отмщеніи своимъ непріятелямъ, отлично велъ себя въ эпохи 13 Вандеміера и 18 Фруктидора.

ГЕРТО-ЛАМЕРВИЛЬ.—Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія. Соединяетъ съ многими талантами, здравыя понятія о дѣлахъ Правительства.

ЖУБЕРЪ.— Провіантмейстеръ. Патріотъ, со свѣдѣніями, съ большимъ прямодушіемъ и съ кроткимъ характеромъ.

ПЕТІЕ. — Извѣстенъ своими талантами и правилами.

ПОНЪ (изъ Вердёна). — Бывшій членъ Конвента. Почти во все время существованія Конвента, онъ былъ членомъ Законодательнаго Комитета. Къ большимъ познаніямъ, онъ присоединяетъ кротость и пріятность характера.

Онъ съ выгодной стороны извѣстенъ по литературѣ.

ЖАРЪ-ПАНВИЛЬЕ.— Бывшій членъ Конвента. Республиканецъ съ талантами, холоднаго характера и умѣренный во мнѣніяхъ.

ЛАКЮЕ.— Извѣстенъ своими талантами, средствами и приверженностью къ Республиканству.

ПУЛЕНЪ-ГРАНПРЕ.— Бывшій членъ Конвента: трудолюбивый Республиканецъ. Онъ всегда считался умѣреннымъ и преданнымъ Директоріи; въ послѣднее время, онъ перешелъ на противную оной сторону, дабы оправдать себя въ упрекѣ, что онъ слишкомъ приверженъ къ Директоріи.

ПИЗОНЪ ДЮ ГАЛАНЪ.— Бывшій членъ Конвента. Свѣдѣнія его и большая привычка къ занятіямъ, доставляютъ ему способы къ законодательству.

ПЕРРІЕ. — Имѣетъ таланты, патріотизмъ и склонность къ трудолюбію.

ЖАКЪ. Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія. Республиканецъ очень тихій и одинъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ Гардскаго Департамента.

ТЕКСЬЕ ОЛИВІЕ.— Республиканецъ; имѣетъ таланты и очень спокойнаго характера.

ШАЛЬМЕЛЬ.— Просвѣщенный, умный Республиканецъ. Онъ попалъ въ число изгнанниковъ

19 Брюмера, хотя и находился нѣсколько уже дней въ отпуску.

ЖЕНИССІЕ. — Бывшій членомъ Конвента и Министромъ Юстиціи. Трудолюбивъ и еслибъ имъ менѣе обладала страсть говорить, то онъ могъ бы быть хорошимъ законодателемъ.

МАНСОРЪ. — Имѣетъ познанія, любитъ трудиться и весьма кроткаго характера.

ВИТЕ. — Бывшій членъ Конвента. Ліонскій врачъ, отлично знающій свое ремесло; приверженецъ Революціи.

ГИШАРЪ. — Молодой человѣкъ очень тихій, соединяющій съ великими познаніями большую скромность.

МОНПЕЛЬЕ. — Соединяетъ съ познаніями, большой умъ и разсудительность.

АНДРІЁ. — Членъ Національнаго Института. Очень тихаго и очень умѣреннаго характера.

ПЕРРЕНЪ. — Умный Республиканецъ съ большими талантами; пишетъ съ большою силою и ясностью.

ЧЛЕНЫ СОВѢТА СТАРѢЙШИНЪ.

ЛАЛУА. — Членъ Законодательнаго Собранія и бывшій членъ Конвента. Имѣетъ большую способность къ занятіямъ и добрую волю; патріотъ умный, и обладающій простотою нравовъ.

ГУРДАНЪ. — Бывшій членъ Конституціонна-

го Собранія и Конвента. Рѣшительный патріотъ, весьма правдолюбивый; онъ пользовался во всѣхъ собраніяхъ большимъ уваженіемъ.

ДЕ ДЕЛЕ Д' АЖЬЕ. — Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія, чрезвычайно трудолюбивый. Обладаетъ большими познаніями, касательно финансовъ и земледѣлія: умный патріотъ, пользующійся почтеніемъ и уваженіемъ всѣхъ тѣхъ, которые его знаютъ. Человѣкъ дѣйствительно драгоцѣнный во всѣхъ отношеніяхъ.

УДО. — Бывшій членъ Конвента: онъ почти все время былъ членомъ Законодательнаго Комитета. Скромный, умный, простой въ своихъ нравахъ и съ большими талантами.

МОПЕТИ. — Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія, соединяющій нѣкоторые таланты съ мудрымъ, чистымъ патріотизмомъ: нравы простые, безъ честолюбія.

САВАРИ. — Умный Республиканецъ, съ познаніями и усердный.

ДЮБУА-ДЮБЕ. — Бывшій членъ Конвента: усердный Республиканецъ, съ талантами и съ характеромъ.

ДЕКОМБЕРУСЪ. — Съ большими способностями, трудолюбивый, не любящій козней и неподкупимый.

МОНМЕЙУ. — Бывшій членъ Конвента. Усер-

дный Республиканецъ, простой въ обхожденiи, чистосердечный и безкорыстный.

ВЕРНЬЕ. — Бывшiй членъ Коституцiоннаго Собранiя. Имѣетъ таланты, склоненъ къ занятiямъ и чрезвычайно кроткаго характера. Лѣта нѣсколько ослабили его нравственныя качества.

ГIОМАРЪ.— Бывшiй членъ Конвента. Характера спокойнаго и которому большой навыкъ въ дѣлахъ сообщилъ познанiя.

ЗАПИСКА

О НѢКОТОРЫХЪ ГРАЖДАНАХЪ, НЕ НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ СОВѢТАХЪ.

БЕЛЬВИЛЬ.— Бывшiй Консуломъ въ Ливорнѣ, а потомъ Консуломъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Генуѣ. Мало есть людей, столь способныхъ писать и столь прилѣжныхъ къ работѣ. Онъ патрiотъ, великодушенъ по характеру, и никогда не бывъ главнымъ начальникомъ, чрезвычайно покоренъ. Къ этимъ выгодамъ присоединяетъ онъ и ту, что не былъ слишкомъ выставленъ въ продолженiе Революцiи. Чрезъ сiе онъ, такъ сказать, не принадлежитъ ни къ какой партiи и ни при какихъ обстоятельствахъ не должно опасаться, что онъ пристанетъ къ шайкѣ, кото-

рая бы имѣла цѣлью ниспроверженіе Правительства.

Онъ способенъ (рѣдкая вещь со времени Революціи) сохранять чувство благодарности къ тѣмъ, которые его одолжили.

ЕЙМАРЪ. — Бывшій членомъ Конституціоннаго Собранія и посланникомъ въ Туринѣ. Имѣетъ таланты и держится Республиканскихъ правилъ; скромнаго, умѣреннаго характера. *Никогда* не будетъ принадлежать ни къ какой партіи.

РИКАРЪ.— Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія: неимѣетъ недостатка въ талантахъ: патріотъ и надежный человѣкъ.

ГРЕГУАРЪ.—Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія и Конвента, Конституціонный Эпископъ Блуасскій. Таланты его какъ писателя и ревность къ Республиканству извѣстны. Онъ пользуется истиннымъ уваженіемъ между Конституціонными священниками и считается какъ бы Папою ихъ.

Онъ можетъ много содѣйствовать къ преклоненію на сторону правительства присягнувшихъ священниковъ, которые чтобы ни говорили, а имѣютъ много вѣсу въ Республикѣ и которыхъ можно бы во всякомъ случаѣ, противопоставить изувѣрному духовенству. Притомъ же онъ честенъ и безкорыстенъ превыше всякихъ похвалъ: онъ членъ. Института.

ПИЛАСТРЪ.—Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія и Конвента. Онъ вышелъ въ Преріалѣ мѣсяцѣ изъ послѣдняго Совѣта Старѣйшинъ. Можно положиться на его честность и усердіе къ Республиканству; непріятели его никогда не могли ни въ чемъ упрекнуть его кромѣ слишкомъ большой привязанности къ другу его Ларевельеру.

ЖОМЪ.—Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія, а теперь Ліонскій купецъ. Имѣетъ свѣдѣнія по части торговли: патріотъ весьма кроткихъ свойствъ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Избирая между бывшими членами Конституціоннаго Собранія, должно остерегаться Орлеанской партіи, которая не есть химера и которая можетъ нѣкогда сдѣлаться опасною.

Достовѣрно, что приверженцы этого дома втайнѣ устроиваютъ козни. Между многими сего доказательствами, вотъ одно разительное. Журналъ, называемый *Аристархомъ*, открыто проповѣдывающій правила Роялизма, издается Войналемъ, бывшимъ членомъ Конституціоннаго Собранія и однимъ изъ самыхъ буйныхъ патріотовъ въ началѣ Революціи. Онъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ Предсѣдателемъ Слѣдственнаго Комитета, который взялъ подъ стражу Маркиза де Фавраса и такъ встревожилъ Дворъ.

Во всемъ Конституціонномъ Собраніи не было человѣка, болѣе ненавистнаго Двору какъ Войдель, какъ по его буйнымъ понятіямъ, такъ и по связямъ его съ Герцогомъ Орлеанскимъ, коего онъ былъ стряпчимъ и совѣтникомъ.

Когда Герцогъ Орлеанскій былъ задержанъ, то Войдель, презрѣвъ ярость Революціонныхъ судилищъ, имѣлъ смѣлость защищать его и облѣпить стѣны Парижа длинною афишкою, заключавшею въ себѣ похвалу Герцогу и двумъ сыновьямъ его. Этотъ человѣкъ, пишущій теперь въ пользу Монархіи, не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ той чтобы видѣть на престолѣ одного изъ членовъ Орлеанской *отрасли*.

КАНДИДАТЫ ВЪ БЛЮСТИТЕЛЬНЫЙ СЕНАТЪ.

1. Сіесъ.
2. Рожеръ Дюко.
3. Ле Турнёръ де ла Маншъ, бывшій Директоръ.

4. Рёдереръ. 5. Вольней. 6. Ласепедъ. 7. Монжъ. 8. Бертолетъ. 9. Фуркруа.	Члены Института.
10. Лебрёнъ. 11. Л. 12. Креге.	Отличные члены Совѣта Старѣйшинъ, обладающіе въ высшей степени талантами, познаніями и опытностію.

13. Корнуде.
14. Корне.
Члены Совѣта Старѣйшинъ весьма уважаемые ихъ товарищами; показавшие въ важныхъ случаяхъ мужество и привязанность къ своимъ правиламъ.

15. Ренье. Членъ Совѣта Старѣйшинъ: имѣетъ много талантовъ и познаній.

16. Лемерсье.
17. Ле Нуаръ Ла Рошъ.
18. Дону.
Члены Совѣта Старѣйшинъ, весьма уважаемые своими товарищами.

19. Дюмонъ.—Членъ Конвента и Пятисотнаго Совѣта: отличился въ томъ и въ другомъ Собраніяхъ своимъ благоразуміемъ, талантами, чистотою, Республиканствомъ, равно какъ обширными свѣдѣніями, ясностью и точностью ума своего.

20. ДЕФЕРМОНЪ.— Комисаръ Казначейства: былъ отличнымъ членомъ Конституціоннаго Собранія, Конвента и Пятисотнаго Совѣта. Онъ старинный и истинный патріотъ, простой, чистой нравственности, неизмѣнный своею честностью и поведеніемъ. Онъ имѣетъ большую привычку къ работѣ и обширныя свѣдѣнія о самыхъ важныхъ частяхъ Государственнаго Управленія. Онъ желалъ и содѣйствовалъ всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами Революціи 18 Брюмера.

21 КАМУСЪ.—Архиваріусъ Законодательнаго Корпуса: отличился въ трехъ Собраніяхъ, коихъ онъ былъ членомъ, строгостью своихъ правилъ,

своею непоколебимою добродѣтелью и неизмѣнностью своего образа мыслей.

22. БУССІОНЪ.—Былъ членомъ Конституціоннаго Собранія, Конвента и Совѣта Старѣйшинъ: умный патріотъ; Республиканецъ искренній, честной и чистой нравственности, весьма уважаемый и любимый въ своемъ Департаментѣ (Ло-и-Гаронны) и въ Дордонскомъ, коего онъ также былъ Депутатомъ.

23. ЛАКЮЕ.—Былъ членомъ Законодательнаго Собранія, Комитета Старѣйшинъ и Пятисотнаго: патріотъ чистый, умный и просвѣщенный. Онъ пріобрѣлъ большое уваженіе въ этихъ различныхъ собраніяхъ и показалъ въ оныхъ таланты и обширныя познанія. Онъ также съ пользою можетъ быть употребленъ и въ военномъ званіи.

24. ЕМЕРИ.—Отличный членъ Конституціоннаго Собранія: къ обширнымъ свѣдѣніямъ по части законодательства и управленія присоединяетъ самый истинный патріотизмъ, великую непоколебимость правилъ, большое мужество, возвышенную душу и таланты оратора.

25. АНСОНЪ.—Членъ Конституціоннаго Собранія: занимался отдѣленіемъ наукъ и показалъ въ оныхъ познанія.

26. ЛАЛУА.—Былъ членомъ Конвента и Совѣтовъ Пятисотнаго и Старѣйшинъ: онъ уважаемъ своими согражданами и очень ученъ.

27. ФАНЛЕОНЪ.—Віеннскаго Департамента; былъ членомъ Конституціоннаго Собранія и Пятисотнаго Совѣта; человѣкъ, искренно привязанный къ свободѣ; честный, чистой нравственности и свѣдущій.

28. ТРОНШЕ.—Членъ Конституціоннаго Собранія и Совѣта Старѣйшинъ: сохранилъ энергію и много способовъ, не смотря на свои престарѣлыя лѣта; это одинъ изъ самыхъ свѣдущихъ людей, которые являлись въ разныхъ представительныхъ собраніяхъ.

29. ДЕМЁНЬЕ.—Отличный членъ Конституціоннаго Собранія: показалъ въ ономъ много способностей, талантовъ и свѣдѣній; а также съ выгодной стороны сдѣлался извѣстнымъ какъ писатель многими сочиненіями и переводами.

30. ШАТРИ-ЛАФОССЪ.—Калвадосскаго Департамента, членъ Совѣта Старѣйшинъ: старинный и истинный патріотъ, твердый, благоразумный, честный и имѣющій свѣдѣнія въ торговлѣ.

31. КРАССОНЪ.—Герольтскаго Департамента; отличился въ Пятисотномъ Совѣтѣ своими свѣдѣніями въ законодательствѣ и въ финансахъ, своею привязанностью къ правиламъ, чистотою своего патріотизма и точностью, ясностью ума своего.

32. Мольво. 33. Висмаръ. 34. Порше. 35. Шассиронъ.	Члены Совѣта Старѣйшинъ уважаемые ихъ товарищами.

36. ШОЛЛЕ.—Изъ Жиронды, членъ Пятисотнаго Совѣта: человѣкъ мужественный и имѣющій свѣдѣнія въ торговлѣ.

37. ЖАКМИНО.—Членъ Пятисотнаго Совѣта: имѣетъ много познаній въ законодательствѣ и очень вѣрный умъ.

38. ЖАРЪ-ПАНВИЛЬЕ.—Членъ Конвента и Пятисотнаго Совѣта: показалъ въ томъ и другомъ Собраніяхъ истинный патріотизмъ, свѣдѣнія, таланты и отличный умъ.

39. ТИБО.—Былъ членомъ Конституціоннаго Собранія, Конвента и Пятисотнаго Совѣта. Онъ показалъ въ этихъ различныхъ собраніяхъ много патріотизма и мужества: имѣетъ познанія въ финансахъ.

40. ГРЕГУАРЪ.—Членъ Конституціоннаго Собранія, Конвента и Пятисотнаго Совѣта; соединяетъ блистательные таланты оратора съ чувствами самаго чистаго Республиканства.

41. ВЕРНЬЕ.—Показалъ характеръ, таланты и свѣдѣнія въ трехъ собраніяхъ, коихъ онъ былъ членомъ. Это человѣкъ очень прямой, благородный и честный.

42. ДОШИ.—Членъ Конституціоннаго Собранія и Пятисотнаго Совѣта: человѣкъ, заслуживающій особенное вниманіе своимъ патріотизмомъ, честностью, поведеніемъ и свѣдѣніями въ управленіи, особенно по части сборовъ; администраторъ Оазскаго Департамента.

43. ГАРНЬЕ.—Былъ членомъ перваго Парижскаго Департамента: очень выгодно извѣстенъ своими познаніями и нравственностью, равно какъ многими уважаемыми сочиненіями а особенно однимъ о собственности.

44. ГИРОДЕ.—Литераторъ: былъ Главнымъ Секретаремъ Внѣшнихъ Сношеній; онъ авторъ многихъ сочиненій о политической экономіи. Это старинный и вѣрный другъ свободы; имѣетъ много талантовъ, нравственности, честности, чистоты и обладаетъ обширными свѣдѣніями о самыхъ важныхъ предметахъ Государственнаго управленія.

КАНДИДАТЫ ДЛЯ ТРИБУНАТА.

1. Луціанъ Бонапарте.
2. Шенье.
3. Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели.

} безъ отмѣтокъ.

4. БУЛЕ.—Человѣкъ съ большимъ умомъ и познаніями, обнаружившій великіе таланты и оказавшій важнѣйшія услуги.

5. БЕРАНЖЕ.—Членъ Пятисотнаго Совѣта: имѣетъ познанія, мужество и способности.

6. АРНУ.—Членъ Пятисотнаго Совѣта: извѣстенъ многими уважаемыми сочиненіями о торговлѣ и финансахъ.

7. Шабо.
8. Пеніеръ.

} Имѣютъ твердость, познанія, благородство и мужество и доказали свои таланты въ Пятисотномъ Совѣтѣ.

9. ФАБРЪ. — Членъ Пятисотнаго Совѣта: имѣетъ много ума и познаній въ финансахъ.

10. САВАРЪ. — Очень основательный умъ: имѣетъ большія познанія въ законодательствѣ; былъ въ Пятисотномъ Совѣтѣ.

11. ТИБОДО.—Былъ членомъ Конвента и Пятисотнаго Совѣта; первокласный ораторъ, искренній и строгій Республиканецъ; съ твердою, возвышенною душою соединяетъ неукоризненную честность. Онъ доказалъ величайшіе таланты и никогда не принималъ участія въ *козняхъ*.

12. ЖИРАРДЕНЪ старшій. — Оазскаго Департамента: былъ членомъ Законодательнаго Собранія, въ коемъ доказалъ много талантовъ и мужества. Это одинъ изъ самыхъ старинныхъ и самыхъ истинныхъ друзей свободы; человѣкъ откровенный, благородной, искренно преданный Республикѣ, имѣющій много познаній и способовъ. Онъ недавно назначенъ совѣтами Предсѣдателемъ Оазскаго Управленія.

13. ЭТІЕНЪ МЕЖАНЪ.—Литераторъ: старинный и вѣрный другъ свободы, никогда неизмѣнявшійся въ нравственности, имѣетъ много ума

и свѣдѣній; говоритъ хорошо и пишетъ съ большимъ талантомъ.

14. ШОВЕЛЕНЪ.—Бывшій Министромъ Республики въ Англіи: мало людей, оказавшихъ Республикѣ столько услугъ и имѣвшихъ такіе способы оказывать оныя съ пользою; имѣетъ познанія, обширный и вѣрный умъ, возвышенную душу, неизмѣнную нравственность, великую способность къ труду, говоритъ и пишетъ хорошо. Онъ никогда не вмѣшивался ни въ какія козни и повсюду былъ предметомъ ненависти всѣхъ враговъ Революціи. Онъ очень уважаемъ въ своемъ Котъ-д'Орскомъ Департаментѣ.

ЗАПИСКА

О КАНДИДАТАХЪ, ПРЕДЛОЖЕННЫХЪ ВЪ СЕНАТЪ, ВЪ ТРИБУНАТЪ И ВЪ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ.

Первыя двадцать три имени написаны рукою Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели. Послѣднія пять прибавлены Луціаномъ Бонапарте. Звѣздочки поставлены *Первымъ Консуломъ*.

СЕНАТЪ.

ГАРНІЕ.—Управлялъ Департаментомъ въ 1792 году и потомъ былъ Министромъ; человѣкъ честный и весьма свѣдущій. Извѣстенъ Талей-

рану, Рёдереру, Сіесу и проч.; Сенскаго Департамента.

ПЕРИССЪ ДЮ ЛЮКЪ.—Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія: Ліонскій книгопродавецъ, человѣкъ очень свѣдущій. Онъ, послѣ осады Ліона, велъ переговоры съ Ліонскою арміею и остановилъ кровопролитіе. Онъ всѣми уважаемъ въ Ліонѣ.

КАРЛЪ ЛЕ МЕРЛЬ.—Одинъ изъ самыхъ давнишнихъ и наиболѣе почтенныхъ Бордосскихъ купцевъ: весьма уважаемъ своими согражданами и свѣдущъ въ торговыхъ дѣлахъ. Жирондскаго Департамента.

ГОМБЕРГЪ старшій.—Еврей: Гаврскій *купецъ*, пользующійся большою славою по торговлѣ и состоящій въ тѣсныхъ связяхъ съ Англо-Американцами. Онъ былъ очень полезенъ Комитету Общественнаго Благосостоянія послѣ Термидора въ Гаврѣ.

ГЕБРЪ СЕН-КЛЕМАНЪ. — Рошфортскій купецъ: свѣдущій въ торговлѣ моремъ, честный и уважаемый Редономъ де Бопро, котораго онъ другъ.

ФОНТЕНЕ.—Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія: Руенской купецъ, пользующійся наилучшею славою.

ЖЮРІАНЪ.— Бывшій Генералъ - Лейтенантъ, Главный Секретарь Королевскаго флота до 1789 года, потомъ Начальникъ по Министерству Внут-

ренних Дѣлъ, живущiй уединенно въ Фонтенбло со своимъ семействомъ.

ДЮРАНЪ.—Французскiй Консулъ въ Испанiи и въ Сардинiи, управляющiй торговлею, посланный въ Испанiю до побѣдъ Наполеона для переговоровъ о мирѣ: человѣкъ свѣдущiй въ торговыхъ дѣлахъ, но впрочемъ неизвѣстный писателямъ. Сенскаго Департамента.

*Боннегъ изъ Аннекона.	Очень свѣдущiй законовѣдецъ и пользующiйся общею довѣренностью въ Департаментѣ Двухъ-Севръ

IОАННЪ-КАРЛЪ ГАРНЬЕ.—Уважаемый Ла Рошельскiй купецъ.

ДЮКЕНУА.—Бывшiй членъ Конституцiоннаго Собранiя: первый авторъ еженедѣльнаго журнала: *Другъ Патрiотовъ*; любящiй свободу и заслуживающiй вниманiе своимъ талантомъ писателя.

НЕЙРАКЪ.—Бордосскiй купецъ, сынъ бывшаго члена Конституцiоннаго Собранiя, племянникъ нынѣшняго народнаго представителя: уважаемъ и почтенъ въ его званiи, но никогда не занималъ никакой общественной должности.

КОЛЕНЪ.—Парижскiй законовѣдецъ: никогда не говорилъ всенародно; но показалъ въ своей должности много талантовъ и мужества; другъ нынѣшняго Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

РУКОЮ ЛУЦІАНА.

ПАРАНЪ.—Лиможскій купецъ: былъ Директоромъ Монетнаго Двора.

БЮФФО.—Фабрикантъ въ Серретіерѣ близъ Ліона; сорока двухъ лѣтъ.

СЕНЪ.—Изъ Тулона: Прокуроръ Синдикъ въ 1792 году.

ДЕМЁНЬЕ.—Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія: докладчикъ Конституціоннаго Комитета; сорока двухъ лѣтъ.

МУРЖЪ. — Министръ Внутреннихъ Дѣлъ въ 1792 году; извѣстенъ Марету и Талейрану.

ТРИБУНАТЪ.

* КАЙЕ.—Прокурорскій Помощникъ въ 1792 году: молодой человѣкъ, исполненный талантовъ и честности; Сенскаго Департамента.

* ДЕМУССО. — Тойже должности, другъ Лемерсье; Сенскаго Департамента.

* БРУССЪ.—Владѣлецъ полотняныхъ фабрикъ въ Манѣ и въ окрестностяхъ; тесть Легуве; человѣкъ честный, свѣдущій и краснорѣчивый; Сенскаго Департамента.

* ДЮТЕЛЬ. — Законовѣдецъ, бывшій судья нижне-Шарантскаго Департамента; человѣкъ уважаемый и свѣдущій, но не имѣющій дара слова; былъ извѣстенъ Мерсье.

* ШОВО-ЛАГАРДЪ. — Усердный защитникъ

Сенскаго Департамента: человѣкъ мужественный, умѣренный патрıотъ, и искусный ораторъ по уголовнымъ дѣламъ.

* БЕРРЬЕ.—Законовѣдецъ, краснорѣчивый, занимающійся въ особенности торговыми дѣлами и пользующійся въ этомъ отношенiи довѣренностью первыхъ торговыхъ домовъ въ Парижѣ.

* ПУЖОЛЬ.—Амiенскiй купецъ; хозяинъ одного изъ самыхъ старинныхъ и наиболѣе уважаемыхъ торговыхъ домовъ Сомскаго Департамента.

ЖОЛИВЕ.—Управляющій залогами; честный, искусный въ финансахъ и въ управленiи.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ.

ТАРБЕ.—Бывшій Министръ Финансовъ: обладаетъ большимъ искуствомъ въ податныхъ дѣлахъ, извѣстенъ своею нравственностью и скромностью. Живетъ уединенно въ Iоннскомъ Департаменѣ.

ДЕ ЛИЛЬ де САЛЬ. — Безъ означенiя должности. — Авторъ *Философiи Природы* и членъ Института.

Первый Консулъ безпрестанно совѣтовался съ этими замѣчанiями. Не имѣю нужды говорить, что я не перемѣнилъ въ нихъ ни одного

слова; это слишкомъ драгоцѣнный историческій документъ для того, чтобы я дозволилъ себѣ сіе сдѣлать.

Въ началѣ своего правленія, Первый Консулъ, часто впрочемъ справляясь съ вышеприведенными замѣчаніями, съ большою благосклонностью принималъ одобренія людей, хорошо ему извѣстныхъ; но ему не должно было представлять ни плута, ни дурака. Люди, которыхъ онъ наименѣе любилъ, были такъ называемые имъ *болтуны*, люди, которые говорятъ все, обо всемъ и всегда «*Я желаю*», часто повторялъ онъ, «*больше головы и меньше языка.*»

Сдѣлавшись главою правленія, Бонапарте столь мало зналъ Революцію и людей, занимающихъ Гражданскія должности, что для него было необходимо отовсюду сбирать свѣдѣнія о людяхъ и дѣлахъ. Но большая готовность его давать мѣста, вновь ли учреждаемыя или упразднявшіяся отъ многочисленныхъ перемѣнъ въ управленіи,—стала уже не та когда страсти утихли, духъ партій сдѣлался благоразумнѣе, и когда строгія изслѣдованія возстановили порядокъ тамъ гдѣ до сего царствовало необузданное разстройство. Тогда онъ сказалъ мнѣ: «*Буріеннъ, предоставляю тебѣ твой Департаментъ; назначай кого хочешь; но это останется на твоей отвѣтственности: слышишь ли?*»

Какъ великъ былъ бы списокъ, еслибъ въ

него включить имена всѣхъ Префектовъ, Подпрефектовъ, сборщиковъ податей, агентовъ, чрезъ меня назначенныхъ! Я не сохранилъ именъ ихъ; да и къ чему, Боже мой, это мнѣ бы послужило. Мнѣ невозможно было знать самому всѣхъ искателей мѣстъ, но я полагался на одобренія особъ, внушавшихъ мнѣ довѣренность.

Не могу слишкомъ жаловаться на одолженныхъ мною; но справедливо однакоже, что послѣ разлуки моей съ Наполеономъ я замѣчалъ что многіе изъ нихъ предпочитали на булеварахъ ту сторону, по которой я не шелъ и этимъ разборчивымъ вниманіемъ великодушно избавляли меня отъ труда снимать предъ ними шляпу.

ГЛАВА XI.

Затрудненія новаго Правительства. — Положеніе Европы.—Необходимость мира.—Г. Талейранъ, Министръ Внѣшнихъ Сношеній.—Переговоры съ Англіею. — Письмо Министра къ Лорду Гренвилю.—Наполеона къ Англійскому Королю.—Отступленіе отъ дипломатическихъ формъ.—Сомнительный отвѣтъ Лорда Гренвиля. — Нота Лондонскаго кабинета.— Отзывъ Г. Талейрана.—Офиціяльная нота Люксембургскаго кабинета. — Разсмотрѣніе причинъ неудовольствія противъ Англіи. — Свобода народовъ въ избраніи Правительства.— Республиканская Англія и Стуарты.— Восшествіе на престолъ Гановрскаго Дома.—Предложеніе паспортовъ.—Важное удостовѣреніе.

Когда новое Правительство возвышается на развалинахъ другаго, ниспровергнутаго, то лучшій способъ побудить народъ къ принятію онаго, если народъ сей находится въ войнѣ, состоитъ въ томъ чтобы представить ему на-

дежды мира; ибо миръ есть единственный предметъ честолюбія народа. Бонапарте зналъ это и если, въ глубинѣ души своей, онъ желалъ войны, то онъ въ тоже время чувствовалъ, сколь для него важно показывать видъ, что онъ желаетъ мира. Почему, тотчасъ по водвореніи своемъ въ Люксембургѣ, онъ поспѣшилъ извѣстить всѣ Иностранныя Державы о вступленіи своемъ въ Консульское званіе и написать о семъ же предметѣ письма къ Французскимъ дипломатическимъ агентамъ въ чужихъ земляхъ.

Освободясь отъ своихъ двухъ товарищей Сіеса и Рожера Дюко, Бонапарте на другой же день приступилъ къ переговорамъ съ Лондонскимъ кабинетомъ. Въ эту эпоху мы находились въ войнѣ почти съ цѣлою Европою; Италія была для насъ потеряна; Императоръ Германскій былъ управляемъ своими Министрами, руководствуемыми Англіею и Франція не имѣла войскъ внутри своихъ владѣній. Не легко было вести разомъ и учрежденіе Консульскаго правленія и, не менѣе того важныя, внѣшнія дѣла; и для Консула необходимо было внушить Иностраннымъ Державамъ,— обезпечивъ себя противъ возвращенія Бурбоновъ,—что система, коей онъ вознамѣрился слѣдовать, есть система порядка и возрожденія, которая не будетъ походить, ни на неистовую демагогію Конвента, ни на нелѣпую лживость Директоріи. Для

достиженія этой цѣли, Бонапарте приказалъ новому Министру Внѣшнихъ Сношеній Г. Талейрану сдѣлать первый приступъ къ сближенію съ Англійскимъ кабинетомъ. Слѣдствіемъ сего была переписка и нота, съ коихъ я списалъ копіи. Изъ нихъ увидятъ какова была еще тогда уступчивая политика Бонапарте и съ какою надменностью дѣйствовала уже Англія.

Я долженъ сказать, что черезъ нѣсколько времени Бонапарте велѣлъ напечатать главныя бумаги этой переписки, но не признавая ихъ офиціяльными; приказавъ напротивъ того сдѣлать замѣчаніе что за достовѣрность оныхъ нельзя ручаться. Ихъ назвали извлеченіемъ изъ Англійскаго Журнала the Morning-Chronicle, бывшаго тогда преданнымъ Консульскому правленію. Не должно было чтобы, предъ публикою, Консулъ представлялся въ томъ видѣ, что онъ сдѣлалъ предложенія, если они не были приняты.

Парижъ, 5 Нивоза VIII года (26 Декабря 1799).

«МИЛОРДЪ,

«По приказанію Генерала Бонапарте, Перваго «Консула Французской Республики, я отправляю «курьера въ Лондонъ. Съ нимъ послано письмо «Перваго Консула Республики къ Его Величеству «Королю Англійскому.

«Прошу васъ отдать нужныя приказанія да«бы онъ могъ вручить вамъ оное безъ посред«никовъ. Этотъ поступокъ самъ уже доказываетъ «важность его содержанія.

«Примите, Милордъ, увѣреніе въ моей совер«шенной преданности.

«Подписано: *ТАЛЕЙРАНЪ*.»

БОНАПАРТЕ

ПЕРВЫЙ КОНСУЛЪ РЕСПУБЛИКИ.

Его Величеству Королю Великобритании и Ирландии.

Парижъ 5 Нивоза VIII года (26 Декабря 1799).

«Призванный желаніемъ Французскаго народа «къ занятію перваго сана въ Республикѣ, я «считаю приличнымъ, вступая въ сію долж«ность, сообщить о томъ прямо Вашему Вели«честву.

«Неужели война, которая восемь лѣтъ опу«стошаетъ четыре части свѣта, должна быть «вѣчною? Неужели нѣтъ никакого средства къ «соглашенію?

«Возможно ли чтобы два Государства, наи«болѣе просвѣщенныя въ Европѣ, могуществен«ныя и сильныя болѣе чѣмъ сего требуетъ ихъ «безопасность и независимость,—въ состоянии

«были жертвовать понятіямъ о тщетномъ ве-«личіи, выгодами торговли, внутреннимъ благо-«состояніемъ и счастіемъ семействъ? Возможно-«ли чтобы они не чувствовали, что миръ есть «первая необходимость и первая изъ славъ?»

«Чувства сіи не могутъ быть чужды сердцу «Вашего Величества, повелѣвающаго свобод-«нымъ народомъ и съ единственною цѣлью со-«дѣлать оный счастливымъ.

«Ваше Величество видите въ семъ поступкѣ «единственно мое искреннее желаніе дѣятельно «споспѣшествовать во второй разъ всеобщему «замиренію быстрою мѣрою, совершенно довѣр-«чивою и съ устраненіемъ всѣхъ формъ.

«Франція и Англія, употребленіемъ во зло силъ «своихъ, могутъ еще долгое время, къ несчастію «народовъ, замедлить ихъ истощеніе; но смѣю «сказать, что жребій всѣхъ образованныхъ Го-«сударствъ зависитъ отъ окончанія войны, объ-«емлющей цѣлый міръ.»

Подписано: *БОНАПАРТЕ.*

Доунинтская улица 4 Генваря 1800.

«Милостивый Государь,

«Я получилъ и представилъ Королю, два «письма, вами мнѣ доставленныя. Его Величест-

«во, не видя никакой причины къ отступленiю «отъ формъ, столь давно установленныхъ въ «Европѣ для сношенiй по дѣламъ съ Иностран«нымъ Державами, повелѣлъ мнѣ препроводить «къ вамъ отъ его имени официяльный отвѣтъ, «при семъ прилагаемый. Имѣю честь быть съ «совершеннымъ уважснiемъ, Милостивый Госу«дарь, вашимъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ «слугою.

«Подписано: *ГРЕНВИЛЬ*.»

НОТА.

«Король неоднократно доказывалъ свое иск«реннее желанiе къ возстановленiю надежнаго и «постояннаго спокойствiя въ Европѣ. Онъ не «участвуетъ и не участвовалъ ни въ какомъ со«стязанiи о тщетной и ложной славѣ; онъ не «имѣетъ другихъ видовъ кромѣ того чтобы под«держать, противъ всякаго посягательства, права «и счастiе своихъ подданныхъ.

«Для сихъ причинъ онъ боролся противъ на«падковъ, ничѣмъ съ его стороны не заслужен«ныхъ; для нихъ онъ еще и теперь принуж«денъ бороться; онъ не можетъ надѣяться чтобы «эта необходимость миновалась еслибъ онъ въ «настоящую минуту вступилъ въ переговоры «съ тѣми, которымъ новой переворотъ столь

«недавно вручилъ верховную власть Франціи. «Никакая существенная выгода не можетъ произойти отъ такихъ переговоровъ о великомъ «и желательномъ предметѣ всеобщаго мира до «тѣхъ поръ, пока очевидно обнаружится, что «причины, — первоначально произведшія войну «и во многихъ случаяхъ съ тѣхъ поръ оную «продолжившія,—перестали дѣйствовать.

«Система вліянія, коей Франція справедливо «приписываетъ свои настоящія бѣдствія, есть «таже самая, которая вовлекла остальную часть «Европы въ продолжительную и гибельную «войну такихъ свойствъ, которыя съ давняго уже «времени были неизвѣстны образованнымъ народамъ.

«Для распространенія сей-то системы и для истребленія всѣхъ существующихъ Правительствъ, «способы Франціи были расточаемы и истощаемы изъ года въ годъ посреди безпримѣрныхъ бѣдствій. Сему-то общему духу разрушенія Нидерланды, Соединенныя Области, Швейцарскіе Кантоны (старинные союзники и друзья «Его Величества) были послѣдовательно принесены въ жертву. Германія была опустошена; «Италія, хотя нынѣ и освободившаяся отъ тѣхъ, «которые въ оную вторглись, была зрѣлищемъ «безначалія и неограниченныхъ расхищеній. Его «Величество самъ былъ принужденъ продолжать

«тяжкое, убыточное состязаніе за независимость «сихъ Государствъ.

«Бѣдствія сіи не ограничились Европою; они «распространились въ самые дальные края свѣ«та и даже въ такія страны, которыя по сво«ему положенію и выгодамъ, имѣютъ столь мало «отношеній съ сею борьбою, что существованіе «этой войны можетъ быть осталось бы неизвѣст«нымъ для тѣхъ, которые внезапно подверглись «ужасамъ оной.

«До тѣхъ поръ пока владычество такой си«стемы продолжится, пока кровь и сокровища «могущественнаго, многолюднаго государства «будутъ расточаемы для поддержанія оной, «опытъ доказалъ что вражда, открытая и силь«ная, есть единственная дѣйствительная противъ «оной оборона. Самые торжественные договоры «только открыли путь къ новымъ притѣсне«ніямъ и одному только рѣшительному сопро«тивленію обязаны за остающееся еще въ Ев«ропѣ обеспеченіе для собственности, для лич«ной свободы, для общественнаго порядка и для «свободнаго исповѣданія вѣры.

«Посему Его Величество не можетъ, для бе«зопасности сихъ важныхъ предметовъ, отвѣт«ствовать своею довѣренностью на простое во«зобновленіе увѣреній о расположеніи къ миро«любію. Подобныя увѣренія были повторяемы «всѣми тѣми, которые послѣдовательно устрем-

«ляли способы Франціи къ разрушенію Европы:
«нынѣшніе правители признали всѣ оныя съ
«самаго начала одинаково неспособными къ
«поддержанію дружескихъ и мирныхъ сношеній.

«Его Величество конечно будетъ очень радо-
«ваться, когда увидитъ что опасность, коей вла-
«дѣнія его собственныя и его союзниковъ столь
«долго подвергались,—дѣйствительно прекрати-
«лась; когда онъ удостовѣрится что необходи-
«мость сопротивленія болѣе не существуетъ;
«что послѣ опытности столькихъ годовъ пре-
«ступленій и бѣдствій, лучшія правила нако-
«нецъ одержали верхъ во Франціи и что ги-
«гантскіе замыслы честолюбія, буйные *планы*
«разрушенія, подвергавшіе опасности даже су-
«ществованіе гражданскаго общества, наконецъ
«оставлены.

«Но убѣжденіе въ такой перемѣнѣ, хотя и
«весьма для Его Величества пріятной, не мо-
«жетъ быть произведено инымъ чѣмъ кромѣ
«какъ опытомъ и очевидностью дѣлъ.

«Лучшимъ и вѣрнѣйшимъ залогомъ сущест-
«венности, равно какъ продолжительности оной
«было бы возстановленіе рода тѣхъ Государей,
«которые, въ продолженіе столькихъ вѣковъ
«доставляли Французскому народу внутреннее
«благоденствіе и внѣшнее уваженіе и почтеніе.
«Такое событіе устранило бы, и во всякое время
«устранитъ препоны, находящіяся на стезѣ

«переговоровъ или мира. Оно бы утвердило за «Францією спокойное обладаніе прежними землями и доставило бы всѣмъ прочимъ Государствамъ Европы, чрезъ спокойствіе и миръ, ту «безопасность, которой они теперь принуждены «искать другими средствами.

«Но сколь ни желательно было бы такое событіе для Франціи и для свѣта, а не исключительно только этимъ способомъ Его Величество ограничиваетъ возможность надежнаго, «вѣрнаго замиренія. Его Величество не имѣетъ «притязаній на то, чтобы предписывать Франціи какой она должна имѣть образъ правленія «и какимъ рукамъ будетъ ввѣрена власть, необходимая для управленія дѣлами великаго, могущественнаго государства.

«Его Величество взираетъ только на сохранность «владѣній, своихъ собственныхъ, равно принадлежащихъ его союзникамъ и на всеобщую безопасность Европы. Когда онъ увидитъ что сія безопасность можетъ быть пріобрѣтена, чрезъ послѣдствія ли внутренняго положенія страны сей, или «чрезъ какое либо другое обстоятельство, способное произвесть тоже дѣйствіе, то Его Величество охотно воспользуется случаемъ согласиться со своими союзниками на счетъ способовъ немедленнаго и всеобщаго замиренія.»

«Къ несчастію; никакая подобная безопас-

«ность до сихъ поръ еще не существуетъ; нѣтъ «никакого удовлетворительнаго доказательства «правилъ, коими новое Правительство будетъ «руководствоваться, никакого достаточнаго ос- «нованія для того, чтобы судить о его проч- «ности. Въ этомъ положеніи, Его Величеству «ничего болѣе не остается какъ продолжать, «совокупно съ другими Державами, эти усилія «справедливой, окончательной войны, которую «вниманіе къ благоденствію его подданныхъ, «никогда не дозволятъ ему, ни длить долѣе не- «обходимости, первоначально ее произведшей, ни «прекратить инымъ образомъ какъ, на основа- «ніяхъ, которыя бы могли наилучшимъ образомъ «содѣйствовать къ обеспеченію ихъ спокойст- «вія, ихъ Конституціи и ихъ независимости.

Подписано: *ГРЕНВИЛЬ*.»

Парижъ. 24 Нивоза VIII года (14 Генваря 1800).

«МИЛОРДЪ,

«Я не теряю времени; офиціяльная нота, при- «сланная вами Первому Консулу, была ему пред- «ставлена и я получилъ приказаніе сдѣлать при- «лагаемый при семъ отвѣтъ.

«Примите, Милордъ, увѣреніе въ моемъ глу-
«бочайшемъ уваженіи.

«Подписано: *ТАЛЕЙРАНЪ*.»

НОТА.

«По представленіи Первому Консулу Респуб-«лики Ноты, сообщенной Министромъ Его Бри-«танскаго Величества отъ 14 Нивоза VIII года «съ удивленіемъ замѣчено, что она не основы-«вается ни на какомъ истинномъ понятіи от-«носительно начала и послѣдствій нынѣшней «войны. Франція не только не была зачинщи-«цею войны сей, но должно вспомнить что съ «самаго начала ея Революціи, она торжествен-«но объявила любовь свою къ миру, удаленіе «свое отъ завоеваній и уваженіе свое къ неза-«висимости всѣхъ Правительствъ—и нечего сом-«нѣваться что занятая въ то время своими «внутренними дѣлами, она бы стала избѣгать «всякаго участія въ дѣлахъ Европы и пребыла «бы вѣрною своимъ объявленіямъ; но тотчасъ «по возгорѣніи Французской Революціи, почти «вся Европа, движимая совершенно противными «понятіями, соединилась для того чтобы оную «уничтожить. Нападки были уже существенно «дѣлаемы прежде еще чѣмъ оные явно обнару-«жились. Возбудили внутреннія раздѣленія, воз-«мутители были благопріятно приняты, ихъ сумазбродные возгласы поддержаны; Французская

«нація была оскорблена въ лицѣ ея агентовъ «и Англія въ особенности подала примѣръ уда«леніемъ Французскаго Министра (Гражданина Та«лейрана). Наконецъ Франція давно уже подверг«лась нападенію на честь ея, независимость и «безопасность, прежде чѣмъ война была объяв«лена.

«Франція должна по справедливости припи«сать бѣдствія, ею претерпѣнныя и тяготѣвшія «надъ всею Европою, упрекамъ въ угнетеніи, «въ развратѣ и въ раздѣлѣ, которые были про«тивъ нея распространены и которые дѣйстви«тельно неразъ пытались привесть въ исполне«ніе. Такіе упреки, съ давнихъ временъ беспри«мѣрные, не могли не произвесть самыхъ па«губныхъ послѣдствій относительно столь мо«гущественнаго народа.

«Подвергаясь со всѣхъ сторонъ нападеніямъ, «Республика должна была съ величайшею си«лою развернуть всѣ свои защитительные спо«собы для собственной обороны; и дабы со«хранить свою независимость, она упот«ребила къ тому особенную силу и мужество «своихъ гражданъ. До тѣхъ поръ пока враги «упорно не хотѣли признать правъ ея, она «единственно надѣялась на усилія своего сопро«тивленія; но увидя поданную ей непріятелями «надежду ко вторженію, она прибѣгла къ сред-

«ствамъ соглашенія и обнаружила расположеніе «свое къ миру. Если это расположеніе не всегда «осуществлялось; если посреди опасныхъ об-«стоятельствъ ея внутренняго положенія, при-«веденныхъ Революціею и войною, прежніе «хранители Исполнительной власти во Фран-«ціи не показали столькоже умѣренности, сколь-«ко нація обнаружила мужества, то сіе должно «приписать истребительнымъ и безпрестаннымъ «враждебнымъ дѣйствіямъ, чрезъ которыя спо-«собы Англіи были истощены для того чтобы «сдѣлать болѣе совершеннымъ уничтоженіе Фран-«ціи.

«Но если желанія Его Британскаго Величества, «согласно съ его увѣреніями, клонятся также какъ «и желанія Франціи къ возстановленію мира, то «почему не обратить вниманіе на средства къ «заключенію онаго вмѣсто того, чтобы стараться «оправдывать войну? И какая причина можетъ «противиться взаимному соглашенію, коего выго-«ды обоюдны и которое должно въ особенности «быть ощущено, тогда какъ Первый Консулъ «Французской Республики представляетъ лично «столько доказательствъ своего расположенія къ «прекращенію бѣдствій войны и къ точному «соблюденію заключенныхъ договоровъ?

«Первый Консулъ Республики не могъ сом-«нѣваться въ томъ, что Его Британское Вели-«чество признаетъ право народовъ къ избранію

«себѣ приличнаго образа правленія, поелику «Король самъ обязанъ за свою корону существованію сего права; но онъ не постигаетъ, какимъ образомъ Министръ Его Величества могъ «противопоставить такому началу, на коемъ «основывается существованіе обществъ—замѣчанія, показывающія намѣреніе вмѣшаться во «внутреннюю Конституцію Республики, что не «менѣе было бы вредно для Франціи и для ея «Правительства, какъ для Англіи и для Его Величества было бы приглашеніе къ принятію той формы Республиканскаго правленія, «которая существовала въ Англіи въ половинѣ «прошедшаго столѣтія, или какъ еслибъ стали «подстрекать къ призыву опять на тронъ той «фамиліи, которую рожденіе на оный возвело, «но которую Революція принудила низойти съ «него.»

«Если въ эпоху, столь недавнюю, и когда «Конституціонная система Республики не представляла еще ни той формы, ни той прочности, которую она теперь въ себѣ заключаетъ, «—Его Британское Величество счелъ нужнымъ «самъ произвесть сближеніе и мирные переговоры, то возможно ли чтобы нынѣ онъ не соглашался возобновить переговоры, коимъ нынѣшнее и взаимное положеніе обстоятельствъ «обѣщаетъ счастливый и быстрый успѣхъ? Съ

«обѣихъ сторонъ, гласъ народовъ и человѣчест-«ва испрашиваетъ прекращенія войны, которая «ознаменована уже столькими несчастіями и «коей продолженіе угрожаетъ Европѣ всеоб-«щимъ ниспроверженіемъ и невозвратными бѣд-«ствіями

«Дабы противопоставить оплотъ успѣ-«хамъ сихъ бѣдствій и дабы чрезъ то сложить «всѣ ужасныя послѣдствія на виновниковъ оныхъ, «Первый Консулъ Французкой націи рѣшился «*тотчасъ прекратить враждебныя дѣйствія, «и заключить перемиріе,* назначивъ съ обѣихъ «сторонъ уполномоченныхъ, которые отправятся «въ Дюнкирхенъ или въ какой либо другой, «удобный для сего по своему мѣстоположенію «городъ, съ тѣмъ чтобы ускорить взаимные пе-«реговоры и безъ промедленія произвесть воз-«становленіе мира и добраго согласія между «Французскою Республикою и Англіею»

«Первый Консулъ предлагаетъ выдать для сего «всѣ нужные пропуски.»

Парижъ, 24 Нивоза VIII года (14 Генваря 1800).

На сію послѣднюю ноту, отправленную Англійскому Правительству, Лордъ Гренвиль отвѣтствовалъ:

«Официяльная нота, сообщенная Министромъ

«Иностранныхъ Дѣлъ Франціи и полученная «нижеподписавшимся 18 числа сего мѣсяца, была «представлена Королю.

«Его Величество не можетъ не выразить впе«чатлѣнія, ощущеннаго при сдѣланномъ имъ за«мѣчаніи, что безпричинныя нападенія Франціи «систематически защищаются тѣми, которые «нынѣ ею управляютъ, подъ тѣми же оскорби«тельными предлогами, посредствомъ коихъ пер«воначально покушались скрывать оныя. Его «Величество не будетъ входить въ опроверже«ніе доказательствъ, которыя вообще не раз«вернуты и которыя (во всемъ относящемся «до поведенія Его Величества), не только сами «по себѣ не имѣютъ совершенно никакого осно«ванія, но имъ равно противорѣчитъ и очевид«ность событій, къ коимъ онѣ относятся и «именное свидѣтельство, въ то время данное, са«мимъ Французскимъ Правительствомъ.

«Касательно содержанія ноты, Его Величество «можетъ только сослаться на отвѣтъ, имъ уже «сдѣланный.

«Онъ изложилъ, безъ скрытности, препятст«вія, которыя по его мнѣнію отнимаютъ, «въ настоящую минуту всякую надежду на вы«годы, могущія быть извлечеными изъ перего«воровъ. Всѣ причины, выставляемыя для того «чтобы договариваться и на которыя съ такою

«увѣренностью опираются во Французской нотѣ; «личное расположеніе, какъ въ оной сказано, «къ заключенію мира и къ будущему соблюде«нію договоровъ; власть обеспечить дѣйствіе «сихъ расположеній, будто бы существующихъ; «прочность и твердость вновь учрежденной сис«темы послѣ быстрыхъ перемѣнъ, произведен«ныхъ Революціями . . . всѣ эти вещи суть «таковы, что онѣ не могутъ быть познаны «иначе какъ чрезъ испытаніе, о коемъ Его Ве«личество уже упоминалъ—опытомъ и очевид«ностью дѣлъ.

«Съ этимъ чувствомъ искренности и откро«венности, которое ему внушаетъ заботливость о необходимомъ возстановленіи мира, Его Вели«чество указалъ Франціи самый вѣрный и самый «скорый способъ къ достиженію сей цѣли. Но, «въ столь же ясныхъ выраженіяхъ и съ такою «же искренностью, объявилъ онъ, что не имѣетъ «никакого желанія предписывать чуждому на«роду форму его Правительства; что заботится «только о безопасности владѣній своихъ и Ев«ропы; и что, получивъ достаточное удостовѣ«реніе въ томъ что сія главная цѣль, тѣмъ или «инымъ образомъ можетъ быть достигнута, онъ «поспѣшитъ согласиться со своими союзниками «о средствахъ къ немедленному возстановленію «общаго спокойствія.

«Его Величество твердо держится сихъ объ-«явленій и не иначе какъ на основаніяхъ, та-«кимъ образомъ положенныхъ,—долгъ его пе-«щись о безопасности своихъ подданныхъ доз-«волитъ ему отказаться отъ системы сильной «обороны, которой по милости Провидѣнія, Ко-«ролевства его обязаны обеспеченіемъ благъ, ко-«ими они наслаждаются.

«Доунингская улица, 20 Генваря 1800.

ГРЕНВИЛЬ.»

Обмѣнъ этихъ нотъ не имѣлъ непосредственныхъ послѣдствій. Однакожъ Первый Консулъ частью достигъ своей цѣли; ибо, если Британское Правительство и не захотѣло вступить въ переговоры о мирѣ, то покрайней мѣрѣ, оно дало ему замѣтить, что въ послѣдствіи другія предложенія Консульскаго Правленія могутъ быть выслушаны; покрайней мѣрѣ Бонапарте сдѣлалъ свое объявленіе; и что для него было наиболѣе важно, онъ удостовѣрился, что возвращеніе Бурбоновъ во Францію не будетъ со стороны Англіи, непремѣннымъ условіемъ къ возстановленію мира между двумя Державами.

Съ тѣхъ поръ какъ Г. Талейранъ былъ назначенъ Министромъ Внѣшнихъ Сношеній, дѣла сего Департамента получили большое движеніе.

Для Бонапарте весьма было выгодно, найти между Республиканцами знатнаго вельможу старинннаго разряда. Такой выборъ какъ будто имѣлъ въ себѣ нѣчто вѣжливое для Иностранныхъ Дворовъ; казалось разборчивою вѣжливостью къ дипломатiи Европы, представить членамъ оной, для переговоровъ съ ними, человѣка, покрайней мѣрѣ равнаго съ ними званiя, и уже извѣстнаго въ цѣломъ свѣтѣ отличностью своего обхожденiя и утонченностью формъ, коими онъ прикрывалъ качества болѣе прочныя и существенные таланты.

Не съ одною только Англiею Бонапарте и Министръ его старались завести переговоры. Консульскiй кабинетъ въ самомъ дѣлѣ предложилъ миръ Австрiйскому Дому, но отдѣльно. Цѣль сего была та чтобы произвесть раздѣленiе между двумя Державами. Говоря мнѣ однажды о сильномъ своемъ желанiи прiобрѣсть миръ, Бонапарте сказалъ: «Видишь ли ты, Бурiеннъ,—у меня два большихъ непрiятеля на рукахъ; я соглашусь съ тѣмъ, который болѣе будетъ уступчивъ болѣе поторопится и это дастъ мнѣ средство тотчасъ ударить на другаго. Не скрываю отъ тебя, что я бы лучше желалъ мира съ Англiею. Тогда ничего бы не было легче, какъ стѣснить Австрiю; она имѣетъ деньги только отъ Англiи.»

Переговоры были испытаны въ смыслѣ этихъ

ГЛАВА XII.

Взглядъ на Востокъ.—Жертва политикѣ.—Изреченіе Мольера. —Жалобы Первому Консулу на Генерала Бонапарте и разныя обвиненія.—Вѣроятность отдачи подъ судъ и выключки изъ службы.—Письмо Клебера.—Вѣсти изъ Египта— Нагія войска.—Пустая казна.—Мурадъ и Ибрагимъ.—Начатые переговоры.—Арабы и Мамелюки.—Мечты Наполеона.—Затруднительность положенія Клебера.—Признанная важность владѣнія Египтомъ.—Удаленность и бѣдствія.— Приписка.—Обвинительныя статьи.—Сила случая.

Не смотря на занятія, коими обременяли Наполеона дѣла и нужды новаго Правительства, —у него оставалось еще нѣсколько минутъ для того чтобы обращать взоры на Востокъ, эту отчизну самовластія, гдѣ онъ, какъ въ послѣдствіи можно было подумать, почерпнулъ первыя правила своего правленія. Ему хотѣлось,

сдѣлавшись главою Государства, обратить въ пользу своей политики обладанія Египтомъ, имъ завоеваннымъ. Если, покидае свое завоеваніе, Бонапарте, какъ выше сказано, преодолѣлъ свою сильную непріязнь вввривъ главное предводительство Генералу Клеберу, то онъ сдѣлалъ сіе потому что призналъ Клебера наиболѣе достойнымъ; потому что онъ считалъ его способнымъ къ исполненію плановъ, ему предписанныхъ; и Бонапарте былъ не такой человѣкъ, чтобы пожертвовать тѣмъ, чего требовала его политика, своимъ личнымъ неудовольствіямъ. Онъ очень охотно употреблялъ тогда на дѣлѣ прекрасное изреченіе Моліера: *Прощаю я тебя, но послѣ отплачу.*

Относительно тѣхъ, которые остались въ Египтѣ,—Бонапарте точно находился въ весьма странномъ положеніи, сдѣлавшись главою Правительства. Не только достались ему всѣ свѣдѣнія, полученныя до сего Директоріею, но бумаги, на имя ея надписанныя, доходили къ нему и такимъ образомъ Бонапарте Консулъ принялъ жалобы на Бонапарте, оставившаго Египетъ. Почти во всѣхъ письмахъ, нами полученныхъ заключались на него сильные доносы. Одни говорили, что онъ не смѣлъ признаться въ своемъ отъѣздѣ прежде какъ въ день отправленія; что онъ обманулъ всѣхъ обманчивыми объявленіями, сдѣланными съ тѣмъ, дабы скрыть побѣгъ свой. Другіе раз-

сматривали поведеніе его въ Египтѣ: армію, которая побѣждала подъ его начальствомъ, онъ покинулъ исполненною увѣренности, но уменьшившеюся третью и остальная часть оной претерпѣвала жесточайшія страданія, нужды и нищеты. Всѣ въ одинъ голосъ жаловались и обвиняли. Надобно признаться что всѣ эти обвиненія и жалобы были большею частью основательны и должно удивиться тому какое счастливое сцѣпленіе обстоятельствъ столь быстро возвысило Наполеона на Консульскую степень. По естественному порядку вещей, по его намѣреніямъ и по его собственной волѣ, ему бы слѣдовало пристать къ берегу въ Тулонѣ, гдѣ карантинные законы конечно были бы соблюдены; между тѣмъ какъ опасеніе Англичанъ и нерѣшительность лоцмановъ побудили его прійти во Фрежюсъ, гдѣ карантинные уставы были нарушены тѣми самыми людьми, коихъ выгоды требовали соблюденія оныхъ. Предположимъ, что ему пришлось бы противъ воли высидѣть опредѣленный срокъ въ Тулонскомъ карантинѣ. Чтоже бы вышло? Жалобы, обвиненія дошли бы до Директоріи и сдѣлались бы могущественнымъ оружіемъ противъ Бонапарте. Его конечно отдали бы подъ судъ и вѣроятно выключили бы изъ службы; ибо жалобы были такого рода, что могли сіе произвесть,

въ чѣмъ каждый конечно убѣдится прочитавъ слѣдующее письмо Клебера, имъ мнѣ отданное:

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА КЛЕБЕРА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРІИ ФРАНЦІИ.

Главная квартира Каиръ, 4 Вандеміера VIII года (26 Сентября 1799).

«ГРАЖДАНЕ ДИРЕКТОРЫ,

«Главнокомандующій Бонапарте отправился «во Францію 6 Фруктидора утромъ, ни кого о «томъ не предупредивъ: онъ назначилъ мнѣ «свиданіе въ Розеттѣ 7 числа: и я нашелъ тамъ «однѣ только его депеши. Не зная удалось ли «Генералу благополучно переплыть чрезъ море, «я долгомъ считаю препроводить при семъ копіи «съ предписанія, коимъ онъ передаетъ мнѣ предводительство надъ арміею и съ письма его къ «Великому Визирю въ Константинополь; хотя «ему и было извѣстно что Паша сей прибылъ «уже въ Дамасскъ.

«Прежде всего озаботился я тѣмъ, чтобы въ «точности узнать настоящее состояніе арміи.

«Вамъ извѣстно, Граждане Директоры, и вы «можете приказать сдѣлать справку о силѣ оной «по прибытіи ея въ Египетъ; она уменьшена «до половины и мы занимаемъ всѣ главныя «точки треугольника отъ пороговъ до Эль-Ариша; отъ Эль-Ариша до Александріи и отъ «Александріи до пороговъ.»

«Однакожъ теперь дѣло состоитъ не въ томъ «только чтобы бороться съ нѣсколькими ордами оробѣвшихъ Мамелюковъ, но должно противостоять соединеннымъ усиліямъ трехъ могущественныхъ державъ: Порты, Англіи и «Россіи.

«Недостатокъ въ оружіи, въ порохѣ, въ железѣ и въ свинцѣ представляетъ столь же бѣдственную картину какъ великая и быстрая «убыль людей, о которой я вамъ говорилъ. «Опыты литья не удались; пороховая фабрика, «устроенная въ Рюондѣ не доставила еще, и вѣроятно не доставитъ результатовъ, которыхъ отъ «нея ожидали; наконецъ, починка огнестрѣльнаго оружія идетъ медленно, а дабы придать «симъ заведеніямъ дѣятельности, нужны деньги «и способы, коихъ мы не имѣемъ.

«Войска наги; и эта нищета въ одеждѣ тѣмъ «огорчительнѣе, что она, какъ всѣми признано, «есть одна изъ главныхъ причинъ кровавыхъ «поносовъ и глазныхъ болѣзней, постоянно свирѣпствующихъ; первая изъ нихъ сильно дѣйствовала въ этомъ году на тѣла, ослабшія и «изнуренныя усталостью. Врачи безпрестанно «замѣчаютъ и доносятъ, что хотя армія и значительно уменьшилась, а нынѣшній годъ гораздо болѣе больныхъ чѣмъ было прошедшаго года въ эту же эпоху.

«Правда что Генералъ Бонапартъ предъ отъ-

«ѣздомъ своимъ приказалъ одѣть въ сукно «армію; но на счетъ сего предмета, какъ и на «счетъ многихъ другихъ, онъ при этомъ только «и остался и бѣдность финансовъ, составляющая «новую препону къ преодолѣнію конечно привела «его въ необходимость отложить исполненіе сей «полезной мѣры. Надобно поговорить объ этой «бѣдности.

«Генералъ Бонапарте истощилъ всѣ чрезвы«чайные способы въ первые мѣсяцы нашего «прибытія: онъ собралъ столько военныхъ на«логовъ, сколько земля была въ состояніи дать: «прибѣгать теперь къ этимъ способамъ, тогда «какъ мы извнѣ окружены непріятелями, зна«чило бы приготовить бунтъ при первомъ бла«гопріятномъ случаѣ. Однакоже Генералъ Бона«парте, при отъѣздѣ своемъ не оставилъ ни «одного су въ казнѣ: напротивъ того за нимъ «недоимка около двѣнадцати миліоновъ; это со«ставляетъ болѣе чѣмъ годовой доходъ въ на«стоящемъ положеніи. Невыданное войскамъ жа«лованье простирается только до четырехъ ми«ліоновъ.»

«Наводненіе дѣлаетъ невозможнымъ собрать «теперь недоимку за истекшій годъ, едва доста«точную для расходовъ на одинъ мѣсяцъ; и по«тому не ранѣе какъ въ Фримерѣ мѣсяцѣ мож«но будетъ начать сборъ оной, а тогда безъ

«всякаго сомнѣнія нельзя будетъ его произ«весть ибо придется воевать.»

«Наконецъ по весьма дурному въ нынѣшній «годъ наводненію Нила, многія области, за не«достаткомъ воды представятъ невозможность «внесенія податей, которой нельзя будетъ не «принять въ уваженіе.»

«Все написанное мною, Граждане Директоры, «я могу доказать бумагами и засвидѣтель«ствованными вѣдомостями разныхъ управле«ній.

«Хотя Египетъ повидимому и спокоенъ но «онъ вовсе не покорствуетъ; народъ безпокоится «и видитъ въ насъ, что бы мы ни дѣлали, толь«ко непріятелей своей собственности:сердца его «безпрестанно отверсты надеждѣ благопріятной «перемѣны.

«Мамелюки разсѣяны, но не истреблены: «Мурадъ Бей все еще находится въ Верхнемъ «Египтѣ съ довольно достаточнымъ числомъ «людей для того чтобы безпрестанно зани«мать часть нашихъ силъ: если его оста«вить на минуту, то войско его очень скоро «усилится и онъ безъ сомнѣнія придетъ без«покоить насъ даже въ столицѣ, которая не «взирая на величайшую бдительность, до сихъ «поръ не переставала доставлять ему пособія «оружіемъ и деньгами.

«Ибрагимъ находится въ Газѣ, имѣя около

«двухъ тысячъ Мамелюковъ и я увѣдомился, что «тридцать тысячъ человѣкъ арміи Верховнаго «Визиря и Джеззара-Паши, уже туда прибыли.

«Верховный Визирь отправился въ Дамасскъ «дней двадцать тому назадъ; онъ стоитъ теперь «лагеремъ близъ Акры.

«Таково, Граждане Директоры, положеніе, въ «коемъ Генералъ Бонапарте оставилъ мнѣ тяж«кое бремя Восточной арміи: онъ видѣлъ при«ближающійся роковой переломъ: ваши повелѣ«нія конечно не дозволили ему преодолѣть оный. «Что переломъ сей существуетъ, это доказы«ваютъ его письма, его инструкціи, и нача«тые имъ переговоры: онъ всѣмъ извѣстенъ и «наши непріятели повидимому столь же хорошо «объ немъ знаютъ какъ и находящіеся въ Егип«тѣ Французы.

«Если въ этотъ годъ—сказалъ мнѣ Генералъ »Бонапарте — не смотря на всѣ предосторож«ности, въ Египетъ проникнетъ чума и вы по«теряете болѣе тысячи пяти сотъ человѣкъ— «потеря значительная ибо она превзойдетъ ту, «которая ежедневно производится случайнос«тями войны; то говорю что въ такомъ случаѣ «вы не должны отваживаться на выдержаніе «еще кампаніи и уполномочиваетесь заключить «съ Оттоманскою Портою миръ, хотябы даже «выходъ изъ Египта былъ главнымъ онаго усло«віемъ.

«Представляю на ваше благоусмотрѣніе, Граж-«дане Директоры, статью сію, ибо она замѣча-«тельна по многимъ отношеніямъ, и въ особен-«ности показываетъ опасное положеніе, въ ко-«торомъ я нахожусь.

«Что значатъ тысяча пять сотъ человѣкъ «болѣе или менѣе на обширномъ пространствѣ, «которое я долженъ защищать, вступая ежеднев-«но въ бой?

«Въ другомъ мѣстѣ, Генералъ говоритъ: Алек-«сандрія и Эль-Аришъ, вотъ два ключа Египта.

«Эль-Аришъ есть плохая крѣпость на четыре «дня пути въ степи; большое затрудненіе про-«довольствія не позволяетъ держать тамъ болѣе «двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ гарнизона: «шесть сотъ Мамелюковъ могутъ, когда захо-«тятъ, прервать ея сообщеніе съ Катіе; и какъ «при отъѣздѣ Бонапарте, гарнизонъ сей имѣлъ «не болѣе какъ на двѣ недѣли впредь продо-«вольствія, то не болѣе сего времени потре-«буется для того чтобы принудить его сдаться «безъ всякой борьбы.

«Одни только Арабы могли бы постоянно «доставлять обозы чрезъ знойныя степи; но съ «одной стороны, они столько разъ уже были «обмануты, что вмѣсто предложенія намъ услугъ «своихъ, они удаляются и прячутся; а съ дру-«гой, прибытіе Верховнаго Визиря, который «воспламеняетъ ихъ изувѣрство и расточаетъ

«имъ дары, — столькоже содѣйствуетъ къ тому «чтобы они насъ покидали.

«Александрія не крѣпость;—это огромный, «обнесенный окопами лагерь: правда что онъ «былъ довольно хорошо защищенъ многочи«сленною осадною артиллеріею; но послѣ того «какъ мы потеряли эту артиллерію въ бѣдст«венную Сирійскую кампанію, послѣ того какъ «Бонапарте взялъ всѣ морскія орудія для того «чтобы вооружить вполнѣ два фрегата, на ко«торыхъ онъ отправился, лагерь сей можетъ «представить одно только слабое сопротивленіе.

«Генералъ Бонапарте слишкомъ много воз«мечталъ о дѣйствій, которое долженствовалъ «произвесть успѣхъ, одержанный имъ при вра«тахъ Абукира. Онъ дѣйствительно истребилъ «почти всѣхъ Турокъ, высаженныхъ на берегъ; «но что значитъ такая потеря для великой Дер«жавы, у которой похитили лучшую часть ея «владѣній и которой вѣра, честь и выгоды «равно повелѣваютъ отмстить за себя и воз«вратить то, что у нея отняли? А посему эта «побѣда ни одною минутою не замедлила ни «приготовленій, ни похода Верховнаго Визиря.

«Въ этомъ положеніи вещей, что я могу; что «я долженъ дѣлать? Думаю, Граждане Директоры, «что я обязанъ продолжать переговоры, нача»тые Генераломъ Бонапарте; если они и не «доставятъ никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ

«выигрыша времени, то я уже и тѣмъ могу «быть доволенъ. Вы найдете приложенное при-«семъ письмо, которое я въ слѣдствіе сего пишу «къ Верховному Визирю, отправивъ къ нему «вмѣстѣ съ онымъ дубликатъ письма Бонапарте; «если Министръ сей будетъ отвѣчать на этотъ «вызовъ то я предложу ему обратную отдачу «Египта на слѣдующихъ условіяхъ:

«Султанъ постановитъ въ немъ по прежнему «Пашу: ему предоставится подать мири, кото-«рую Порта всегда собирала.

«Торговля будетъ открыта обоюдно между «Египтомъ и Сиріею.

«Французы останутся въ томъ краю, занимая «города и крѣпости и будутъ собирать всѣ про-«чія подати, равно какъ и таможенныя до тѣхъ «поръ, пока Правительство заключитъ миръ съ «Англіею.

«Если эти предварительныя, сокращенно из-«ложенныя условія будутъ приняты, то я сочту «что сдѣлалъ для отечества болѣе чѣмъ сколь-«ко можно бы пріобрѣсть самою блистатель-«ною побѣдою; но я сомнѣваюсь чтобы вняли «такимъ предложеніямъ. Еслибъ Турецкая гор-«дость онымъ и не воспротивилась, то надобно «будетъ бороться со вліяніемъ Англичанъ: во «всякомъ случаѣ, я буду руководствоваться об-«стоятельствами.

«Я знаю всю важность обладанія Египтомъ. «Я говорилъ въ Европѣ что онъ для Франціи «есть точка опора, съ коей она можетъ потрясти «систему торговли четырехъ частей свѣта; но «для этого нуженъ могущественный рычагъ;— «рычагъ сей есть флотъ; нашъ, существовалъ; «съ тѣхъ поръ все перемѣнилось; и одинъ толь«ко миръ съ Турціею можетъ, какъ мнѣ кажет«ся, открыть намъ почетную дорогу для того «чтобы обратиться съ предпріятія, которое не «можетъ уже достичь предложенной цѣли.

«Не стану входить, Граждане Директоры, въ «подробности всѣхъ дипломатическихъ сообра«женій, которыя можетъ представить настоящее «положеніе Европы: это не подлежитъ моему «разсужденію.

«Въ бѣдственномъ моемъ положеніи и слиш«комъ удаленный отъ средоточія движеній, я «ничѣмъ болѣе не могу заниматься кромѣ какъ «спасеніемъ и честью арміи, мною предводи«тельствуемой. Счастливымъ себя сочту, еслибъ «чрезъ мою попечительность я успѣлъ въ мо«ихъ желаніяхъ! Приблизясь къ вамъ, я огра«ничу всю мою славу моимъ вамъ повинове«ніемъ.

«Прилагаю при семъ, Граждане Директоры, точ«ную опись о недостаткахъ артиллерійскихъ «снарядовъ и перечневую вѣдомость о долгѣ,

«сдѣланномъ и оставленномъ Генераломъ Бо-«напарте (*).

«Поклонъ и почтенiе.

«Подписано: *КЛЕБЕРЪ*.»

«P. S. Въ ту самую минуту, Граждане Директоры, «какъ я отправляю къ вамъ письмо сiе, четыр-«надцать или пятнадцать Турецкихъ судовъ ос-«тановились на якорѣ предъ Дамiеттою въ ожи-«данiи флота Капитанъ-Паши, который нахо-«дится въ Яффѣ и на которомъ посажено, какъ «сказываютъ, отъ пятнадцати до двадцати ты-«сячъ войска. Пятнадцать тысячъ собрано въ «Газѣ и Верховный Визирь направляетъ путь къ «Дамаску. Онъ на сихъ дняхъ прислалъ къ намъ «обратно солдата 25-й Полубригады, взятаго въ плѣнъ въ Эль-Аришской крѣпости; показавъ ему «весь свой лагерь, онъ велѣлъ ему пересказать то-«варищамъ видѣнное имъ, а Генералу своему под-«твердить, чтобы онъ трепеталъ. Это повиди-«мому показываетъ или увѣренность Верховна-«го Визиря въ своихъ силахъ или желанiе сбли-«зиться. Что касается до меня, то я не въ со-«стоянiи собрать болѣе пяти тысячъ человѣкъ, «способныхъ къ бою: не взирая на то я попы-«таюсь нельзяли будетъ выиграть время чрезъ «переговоры. Джеззаръ вывелъ войска свои изъ

(*) Любопытно сличить это *истинное* письмо съ *офицiаль-ными* бумагами. Смотри приложенiя.

«Газы и приказалъ имъ возвратиться въ Акру.»
Подписано: *КЛЕБЕРЪ.*»

Прочія письма изъ Египта не менѣе содержали въ себѣ обвиненій какъ и донесеніе Клебера; но мнѣніе Генерала, сдѣлавшагося Главнокомандующимъ и обвиняющаго своего предмѣстника съ такою опредѣлительностію имѣло бы большой вѣсъ особенно тогда какъ усмотрѣли бы сходственность подобныхъ же жалобъ и обвиненій, содержавшихся въ прочихъ письмахъ. Наполеона неизбѣжно бы обвинили и тогда—не было бы ни 18 Брюмера, ни Консульства, ни Имперіи, ни завоеваній въ цѣлой Европѣ; но также не было бы и острова Св. Элены; все это произошло ото того, что Англійскій флотъ, присутствіемъ своимъ въ водахъ Корсики, принудилъ фрегатъ *Мюиронъ* плыть на удачу и пристать къ берегу гдѣ случится.

Египетскій походъ слишкомъ много занималъ мѣста въ жизни Бонапарте для того, чтобы онъ не ощущалъ живѣйшаго желанія часто представлять воспоминанію публикѣ о своихъ подвигахъ на востокѣ. Притомъ же надобно было, чтобы не переставали видѣть въ Главѣ Республики, перваго изъ ея полководцевъ, осужденнаго не воевать. Между тѣмъ какъ Моро получилъ предводительство надъ Рейнскими арміями, а Массена былъ сдѣланъ Главнокомандую-

щимъ Италiянской армiи въ награду за знаменитую его побѣду при Цирихѣ, и между тѣмъ какъ Брюнъ начальствовалъ надъ войсками въ Батавiи; онъ, коего жизнь протекала въ лагеряхъ, утѣшался во временномъ своемъ бездѣйствiи обращая взоры на свои прежнiя побѣды и не дозволялъ, чтобы слава объ немъ хоть на минуту умолкала. Для сего-то, сдѣлавшись главою Правительства, онъ приказалъ, съ краткими промежутками печатать въ Монитерѣ описанiя его Египетскаго похода. Онъ часто радовался тому, что сдѣланные на него доносы, а въ особенности вышепомѣщенное письмо Клебера, попали къ нему въ руки; Бонапарте такъ умѣлъ владѣть собою, что прочитавъ его, онъ тотчасъ продиктовалъ мнѣ слѣдующее воззванiе къ Восточной армiи.

«Солдаты,

«Консулы Республики часто занимаются Восточною армiею.

«Францiи извѣстно все влiянiе вашихъ завоеванiй на возстановленiе ея торговли и просвѣщенiя свѣта.

«Вся Европа на васъ смотритъ. Я часто мысленно пребываю съ вами.

«Въ какое бы положенiе обстоятельства войны ни привели васъ, останьтесь всегда солдатами Риволи и Абукира,—и вы будете непобѣдимы.

«Имѣйте къ Клеберу туже довѣренность, «которую вы ко мнѣ имѣли; онъ ее заслу«живаетъ.

«Солдаты, вспомните тотъ день, когда, побѣ«доносные, вы вступите на священную почву: «это будетъ день славы для цѣлой Франціи.»

Ничто не можетъ дать лучшаго понятія о характерѣ Бонапарте, какъ отзывъ его на счетъ Клебера, послѣ того какъ видѣли, что Клеберъ говорилъ объ немъ Директоріи. Притомъ же, послѣ столь лестныхъ выраженій, кому бы пришло въ голову, чтобы переписка изъ Египта была наполнена обвиненіями. Должно однакоже сознаться, что если большая часть этихъ обвиненій была справедлива, то письма изъ Египта заключали также въ себѣ много клеветы. Читая то что было справедливо, Бонапарте немного говорилъ, но онъ очень былъ чувствителенъ къ лживымъ показаніямъ; напримѣръ его сильно огорчило заключавшееся въ нѣкоторыхъ письмахъ обвиненіе, будто бы онъ вывезъ изъ Египта миліоны. Я сказалъ что было и никогда не могъ постигнуть что подало поводъ къ столь безстыдной лжи; я въ состояніи математически доказать, что не только не бравъ ничего изъ казны своей арміи, Бонапарте самъ не получилъ изъ оной всего своего жалованья; пока онъ самъ сдѣлался

Правительствомъ — Правительство было ему должно.

Въ существѣ мы очень хорошо знали что думать о Египетскомъ походѣ; но Бонапарте благосклоннымъ окомъ смотрѣлъ на тѣхъ, которые расхваливали еще эту экспедицію. Доставшаяся ему въ руки переписка, была очень для него важна; сообщенные объ немъ по довѣренности отзывы служили драгоцѣнными документами для того чтобы узнать мнѣніе, объ немъ питаемое; она сдѣлалась причиною многихъ наградъ и многихъ немилостей, которыя не знали чему приписать; она можетъ лучше всего другаго объяснить возвышеніе столькихъ посредственныхъ людей, получившихъ мѣста и почести и въ тоже время обнаруживаетъ за что другіе, истинно достойные люди попали въ немилость или остались въ забвеніи. Ахъ! сколько надобно гибкости для того чтобы постоянно поддерживать себя въ милости! Если желаешь въ оной удержаться, то берегись говорить сегодня такъ, какъ ты говорилъ вчера. Вѣтеръ перемѣнился, перемѣнись и ты съ вѣтромъ; хули то что ты хвалилъ; хвали то что хулилъ и ты сдѣлаешь свою дорогу.

ГЛАВА XIII.

Знаменитые мужи и простые люди.—Содержаніе моей главы—Портретъ Наполеона.—Живость его взгляда.—Невольная привычка.—Предчувствіе Бонапарте на счетъ его тучности.—Двухчасовыя ванны. — Воздержность Наполеона.—Сонъ.—Особенныя наставленія.—Бритье бороды и журналы.—Утренняя работа.—Завтракъ. — Цыпленокъ à la Marengo.—Кофе и табакъ.—Любовь къ славѣ.—Мнѣніе Наполеона о его положеніи.—Любовь къ Франціи.—Вліяніе бездѣлокъ.—Пренебреженіе къ людямъ.—Египетская пріятельница и Кардиналъ въ Оперной кассѣ. — Невѣрованіе дружбѣ.—Нужда въ свидѣтелѣ.—Ненависть Наполеона къ людямъ Революціи.—Серіозная шутка.—Привычка наклонять стулъ.—Колокольный звонъ.—Мальмезонскіе сады.—Бѣлыя платья.—Болтовня, изреченія и анекдоты. — Прелесть Наполеонова разговора.—Обязательныя дурачества.—Медицина.—Память мѣстъ.—Нечувствительность къ поэзіи и Корнель Министръ.—Необязательныя привѣтствія женщинамъ.—Игра и разговоръ.—Парадный кафтанъ съ чернымъ галстукомъ.—Дурная уплата по подрядамъ. — Понятіе Наполеона о вѣрѣ.—Упрямство.—Характеръ Бонапарте.—Окончаніе его портрета.

Не правда ли, что читая исторію великихъ мужей древности, мы жалѣемъ, что историки ихъ забывали говорить о человѣкѣ, описывая

только героя? Дѣйствительно хотя мы встрѣчаемъ наивеличайшее сходство между простымъ человѣкомъ и знаменитымъ мужемъ при разсмотрѣніи ихъ обоихъ въ подробностяхъ частной жизни, но тѣмъ не менѣе справедливо, что вообще всякому пріятно узнать малѣйшія привычки тѣхъ людей, которыхъ великіе таланты и обширная слава возвысили предъ ихъ подобными. Дѣйствіе ли это простаго любопытства? или не скорѣе ли это невольное движеніе самолюбія, и не стараемся ли мы, вовсе о томъ не помышляя, утѣшать себя въ ихъ превосходствѣ, видя ихъ погрѣшности, ихъ слабости, даже ихъ странности, словомъ сказать, всѣ точки соприкосновенія ихъ съ обыкновенными людьми? А посему для удовлетворенія любопытныхъ этого рода касательно Наполеона, я рѣшился посвятить главу сію на изображеніе его такимъ какъ я его видѣлъ, въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, описавъ его вкусы, его привычки, его пристрастія и его прихоти. Я долженъ прибавить, что я могу поручиться за вѣрность портрета, который попытаюсь начертать, только съ 1792 по 1804 годъ, за то время, въ которое я съ нимъ не разставался. Въ послѣдствіи узнаютъ о перемѣнахъ, которыя время долженствовало произвести въ Наполеонѣ въ продолженіе слѣдующихъ восемнадцати лѣтъ. Предупреждаю также читателя, что

мнѣ иногда необходимо будетъ обращаться къ прошедшему и даже можетъ быть заимствоваться впередъ изъ четырехъ годовъ, послѣдовавшихъ за эпохою, коей мы достигли, т. е. начала Консульства. Притомъ прошу извиненія у строгихъ читателей, которые найдутъ, что я низошелъ до мелочей.

Самые искусные живописцы и ваятели старались изобразить на холстѣ или изсѣчь изъ мрамора черты Наполеона; большая часть этихъ искусныхъ художниковъ, коихъ талантами гордится Франція, счастливо схватили обликъ лица его и не смотря на то, можно сказать, что не существуетъ ни одного портрета, совершенно на него похожаго. Это отъ того что даже и генію не дано власти преодолѣвать невозможное. Могли изобразить его выпуклый черепъ; прекрасный лобъ; безподобное чело его; блѣдное, продолговатое лице и свойственную его физіогноміи задумчивость; но живость его взгляда выходила изъ области подражанія. Взглядъ сей повиновался его волѣ съ быстротою молніи, исходя въ тоже мгновеніе изъ острыхъ, проницательныхъ глазъ его—то кроткимъ, то строгимъ, то грознымъ, то ласковымъ. Можно сказать, что Бонапарте имѣлъ особенное выраженіе лица для каждой мысли, волновавшей его душу.

Бонапарте имѣлъ прекрасныя руки и очень цѣнилъ эту красоту; почему онъ особенно ими

занимался и иногда, разговаривая, съ удовольствіемъ ихъ разсматривалъ. Онъ имѣлъ также притязаніе на прекрасные зубы; но это притязаніе казалось мнѣ менѣе основательнымъ, чѣмъ то, которое онъ имѣлъ на счетъ рукъ своихъ.

Прогуливаясь одинъ или съ кѣмъ нибудь, въ комнатахъ или въ саду своемъ, онъ ходилъ нѣсколько согнувшись и сложивъ на спинѣ руки. Онъ часто дѣлалъ невольное движеніе правымъ плечомъ, нѣсколько поднимая оное и въ тоже время подвигая ротъ немного въ право. Еслибъ не знали, что эти два мускульныя движенія составляли у него одну только привычку, то можно бы подумать что у него судороги.

Впрочемъ эти движенія были признаками что онъ очень занятъ и показывали родъ напряженія ума, когда онъ обдумывалъ великія мысли. Часто послѣ этихъ прогулокъ онъ составлялъ или диктовалъ мнѣ самыя важныя бумаги. Онъ былъ неутомимъ, не только на конѣ и при арміи; ибо иногда ходилъ сряду по пяти и по шести часовъ, вовсе того не замѣчая.

Онъ имѣлъ привычку, прохаживаясь съ человѣкомъ, съ которымъ онъ коротко обходился, брать его руку подъ свою и облокачиваться на нея.

Бонапарте часто говаривалъ мнѣ: *Ты видишь,*

Буріеннъ, какъ я воздерженъ и худощавъ; однакожъ, не смотря на то, меня никто не разувѣритъ въ мысли что сорока лѣтъ я сдѣлаюсь большимъ обьѣдалой и что я очень растолстѣю. Я предвижу что мое тѣлосложеніе перемѣнится; и кажется я довольно дѣлаю движенія; но что дѣлать? это ужъ предчувствіе и непремѣнно случится. Мысль сія очень его тревожила; но какъ ничто не дозволяло мнѣ тогда раздѣлять оную, то я обыкновенно называлъ опасенія его пустыми. Но онъ меня не слушалъ; и въ продолженіе всего того времени, которое я при немъ пробылъ, эта мысль ни на минуту его не покидала. Она была очень основательна.

Онъ имѣлъ къ ваннамъ истинную страсть, которую считалъ необходимостью. Онъ обыкновенно сидѣлъ въ водѣ два часа. Въ это время я читалъ ему извлеченія изъ журналовъ или какіе нибудь новыя сочиненія, ибо онъ хотѣлъ бы все слышать, все знать, все видѣть самъ. Сидя въ ваннѣ, онъ безпрестанно отворялъ кранъ горячей воды и увеличивалъ температуру своей ванны до такой степени, что я находился въ атмосферѣ пара, не дозволявшаго мнѣ различать буквы и продолжать чтеніе. Тогда принуждены были отворять дверь (*).

(*) Въ Запискахъ острова Св. Элены упоминается о трехъ часовыхъ ваннахъ. Очень можетъ быть что частыя, продол-

Я всегда зналъ Наполеона чрезвычайно воздержнымъ и врагомъ всякихъ излишествъ. Онъ зналъ нелѣпыя сказки, объ немъ распространяемыя и это иногда выводило его изъ терпѣнія. Не повторяли ль повсюду, будто бы онъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни? Въ продолженіе слишкомъ одиннадцати лѣтъ, постоянно мною при немъ проведенныхъ, я никогда не видалъ въ немъ ни малѣйшаго признака, хоть сколько нибудь похожаго на эту болѣзнь; онъ былъ очень здоровъ и бодръ.—Если непріятели его думали повредить ему въ общемъ мнѣніи приписавъ ему важный періодическій недугъ; то льстецы, вѣроятно вообразивъ, что сонъ несовмѣстенъ со славою, не болѣе были правдивы говоря о его мнимыхъ бдѣніяхъ. Бонапарте заставлялъ не спать другихъ, но самъ спалъ и спалъ хорошо. Онъ приказалъ мнѣ будить себя всякой день въ семь часовъ утра: и такъ я первый входилъ въ его комнату; но довольно часто, когда я разбужалъ его, онъ говорилъ мнѣ еще сквозь сонъ: *Ахъ! Бурiеннъ, прошу тебя, дай мнѣ еще немножко поспать.* Когда не было ничего нужнаго, то я приходилъ опять не прежде осми часовъ. Вообще

жительныя и горячія ванны Наполеона содѣйствовали къ произведенію рановременной тучности, которой онъ столько страшился. Я помню что я часто дѣлалъ ему это замѣчаніе.

онъ спалъ по семи часовъ въ сутки и нѣсколько минутъ дремалъ послѣ полудня.

Между данными мнѣ Наполеономъ частными наставленіями, одно довольно странно: *Ночью,* сказалъ онъ мнѣ, *ты какъ можно рѣже входи ко мнѣ въ горницу. Не буди меня никогда при полученіи доброй вѣсти; для доброй вѣсти нечего торопиться. Но если придетъ дурное извѣстіе, то буди меня въ туже минуту ибо не должно терять ни секунды.* Этотъ расчетъ былъ хорошъ и Бонапарте часто испытывалъ пользу онаго.

Какъ только Бонапарте вставалъ, камердинеръ его брилъ ему бороду и чесалъ волосы. Во время бритья, я читалъ ему журналы, начиная всегда съ *Монитёра.* Онъ обращалъ вниманіе только на Нѣмецкіе и на Англійскіе журналы: *Мимо, мимо,* говорилъ онъ при чтеніи Французскихъ журналовъ, *я знаю что въ нихъ есть: они говорятъ только то, что мнѣ угодно.* Я не разъ долженъ былъ удивляться тому что камердинеръ не обрѣзывалъ его при этихъ чтеніяхъ; ибо, услыхавъ что нибудь замѣчательное, онъ всегда вдругъ ко мнѣ оборачивался.

По окончаніи наряда, которымъ Бонапарте очень занимался, будучи чрезвычайно опрятенъ, мы сходили вмѣстѣ въ кабинетъ его. Тамъ онъ подписывалъ отвѣты на важныя просьбы, наканунѣ мною разсмотрѣнныя. Осо-

бенно въ пріемные, торжественные дни, онъ исправно подписывалъ эти отвѣты ибо, я всегда напоминалъ ему что бо́льшая часть просителей встрѣтятъ его въ покояхъ или на дорогѣ и будутъ требовать отвѣтовъ; а дабы избавить его отъ этой скуки, я спѣшилъ заблаговременно объявлять имъ что исполнено и въ чемъ отказано, т. е. какъ рѣшилъ Первый Консулъ. —Послѣ сего онъ читалъ распечатанныя письма, положенныя мною на столѣ его по порядку важности ихъ содержанія и на которыя онъ поручалъ мнѣ отвѣчать отъ его имени. Иногда однакоже онъ отвѣчалъ и самъ, но рѣдко.

Въ десять часовъ, метръ д'отель докладывалъ ему, что завтракать подано. Мы отправлялись къ завтраку, который былъ чрезвычайно умѣренъ. Тогда онъ почти каждое утро ѣлъ цыпленка со скромнымъ луковымъ соусомъ, котораго кажется называли poulet à la Provençale и который въ послѣдствіи увѣковѣчилъ на росписяхъ нашихъ ресторацій, память о знаменитой битвѣ, подъ болѣе честолюбивымъ названіемъ poulet à la Marengo.

Бонапарте мало пилъ вина, употребляя всегда Бордосское или Бургонское и предпочтительно послѣднее. Послѣ завтрака, также какъ и послѣ обѣда, онъ пилъ чашку хорошаго кофе (*).

(*) Г. Бриліа де Саваренъ, коего память драгоцѣнна всѣмъ обжорамъ, постановилъ слѣдующее гастрономическое пра-

Я никогда не видалъ, чтобы онъ пилъ кофе кромѣ сего въ теченіе дня и право не знаю, чему приписать страсть, которую предполагаютъ въ Наполеонѣ къ кофе. Это предположеніе должно принадлежать тѣмъ же, которыя утверждали, будто бы онъ не спалъ по ночамъ; одна изъ этихъ басней была необходима для объясненія другой. Когда онъ работалъ очень поздо ночью, то приказывалъ подавать не кофе, а шоколатъ, котораго приглашалъ и меня выпить съ нимъ чашку; но это случалось въ такомъ только случаѣ, когда наши занятія продолжались до двухъ или до трехъ часовъ утра.

Разсказы о мнимомъ, непомѣрномъ употребленіи Наполеономъ табаку, столько же справедливы, какъ и о кофе. Онъ точно съ молодыхъ лѣтъ любилъ нюхать табакъ, но употреблялъ его мало, держа его въ табакеркѣ, которыхъ имѣлъ много, ибо это было одно изъ его пристрастій; и если онъ имѣлъ какое либо сходство съ Фридрихомъ, то ужъ конечно не тѣмъ, чтобы превращать жилетный карманъ въ табашную кладовую, ибо онъ, какъ уже сказано, доводилъ опрятность до изысканности.

Бонапарте имѣлъ двѣ настоящія страсти:

вило: «Тотъ, кто не пьетъ свареннаго на водѣ кофе, послѣ каждой ѣды, есть конечно человѣкъ, не получившій воспитанія.»

славу и войну. Онъ ни гдѣ не былъ столь веселъ, какъ въ лагерѣ; ни гдѣ не былъ столь угрюмъ, какъ находясь въ покоѣ: памятники также нравились его воображенiю; замыслы исполинскихъ построекъ лучше всего наполняли пустоту, производимую въ немъ бездѣйствiемъ. Онъ зналъ, что памятники составляютъ часть исторiи народовъ; что ихъ продолжительное существованiе доказываетъ образованность оныхъ чрезъ долгое время послѣ того какъ народы сiи исчезли съ лица земнаго и что они часто передаютъ за истину отдаленнымъ поколѣнiямъ, баснословныя завоеванiя. Онъ однако же ошибся въ способѣ достиженiя цѣли, имъ желаемой. Вензеля его, трофеи, а въ послѣдствiи, орлы, великолѣпно сiяли на памятникахъ его царствованiя; но за чѣмъ было стараться прицѣплять къ своему царствованiю даже старый Луврѣ, усѣвая его начальными буквами своего имени. Это множество литеръ N, повсюду изображенныхъ, ничего не могло сдѣлать противъ сказанiй исторiи (*); замѣненiе оными другихъ вензелей не въ состоянiи было измѣнить порядокъ вещей. Не смотря на то,

(*) Когда Лудовикъ XVIII въ первый разъ возвратился въ Тюлiери въ 1814 году, то онъ замѣтилъ, что Бонапарте прекрасный жилецъ и въ весьма хорошемъ состоянiи возвращаетъ ему эти мѣста. Когда ему указали множество литеръ N, повсюду разсѣянныхъ, то онъ очень умно сказалъ окружавшимъ его, два слѣдующiе Лафонтеновы стиха:

Бонапарте зналъ, что изящныя искуства сообщаютъ великимъ подвигамъ продолжительную славу и сохраняютъ память о Государяхъ, которые имъ покровительствовали и оныя ободряли. Однакожъ онъ не одинъ разъ говорилъ мнѣ: *Большая слава есть большой шумъ; чѣмъ больше его дѣлаешь, тѣмъ далѣе онъ распространяется. Законы, учрежденія, памятники, народы,—все уничтожается; но шумъ остается и занимаетъ слухъ другихъ поколѣній.* Это была одна изъ его любимыхъ мыслей. *Власть моя*, говорилъ онъ мнѣ еще, *зависитъ отъ моей славы, а слава моя отъ побѣдъ, мною одержанныхъ. Могущество мое пало бы, еслибъ я не поддержалъ его основанія новою славою и новыми побѣдами. Завоеванія сдѣлали меня тѣмъ что я есть, и одни только завоеванія могутъ поддержать меня.* Сія-то мысль, въ то время и вѣроятно всегда имъ обладавшая, заставляла его безпрестанно мечтать о новыхъ войнахъ и разсѣвать оныя по всей Европѣ. Онъ думалъ что остановясь, онъ падетъ: отсюда раждалось желаніе всегда итти впередъ; а для него не значило дѣйствовать не дѣйствуя съ величіемъ и силою. Эта могущественная потребность была нераздѣльна съ его жизнен-

---

«Il aurait volontiers écrit sur son chapeau,
«C'est moi qui suis Guillot, berger de ce troupeau.»
(Онъ охотно написалъ бы у себя на шляпѣ
Я Гилло, пастухъ этого стада.)

нымъ составомъ. *Новорожденное правительство,* говорилъ онъ мнѣ, *должно ослѣплять и удивлять. Переставъ издавать блескъ, оно падаетъ.* Дѣйствительно нельзя было требовать спокойствiя отъ человѣка, который былъ самъ движенiе.

Чувства его къ Францiи очень различествовали отъ тѣхъ, которыя онъ питалъ въ своей молодости. Долго его огорчало воспоминанiе о завоеванiи Корсики, которую онъ тогда довольствовался имѣть родиною; но это воспоминанiе изгладилось и я могу сказать, что онъ любилъ Францiю страстно. Воображенiе его воспламенялось при одной мысли видѣть ее великою, счастливою, могущественною, первою страною въ свѣтѣ и предписывающею законы другимъ народамъ. Онъ видѣлъ свое имя неразрывно соединеннымъ съ именемъ этой прекрасной Францiи и слышалъ повторенiе онаго въ отдаленнѣйшiя времена. Во всѣхъ его дѣлахъ, настоящая минута исчезала предъ будущими вѣками и во всѣхъ мѣстахъ, куда его приводила война, онъ имѣлъ у себя въ мысляхъ мнѣнiе Францiи. Подобно какъ Александръ при Арбеллѣ менѣе радовался побѣдѣ надъ Дарiемъ, чѣмъ тому что прiобрѣлъ оною одобренiе Аѳинянъ,—и Наполеонъ при Маренго ласкалъ себя мыслью: *Что теперь скажутъ во Францiи?*

Передъ сраженіемъ, Бонапарте мало заботился о томъ, что онъ сдѣлаетъ въ случаѣ успѣха, но очень много о томъ, какъ ему слѣдуетъ поступить при неудачѣ. Я привожу сіе какъ обстоятельство, котораго я самъ часто былъ свидѣтелемъ и предоставляю сподвижникамъ его судить, всегда ли были вѣрны его расчеты. Онъ могъ много сдѣлать, ибо отваживался на все и ничего не щадилъ. Чрезмѣрное честолюбіе стремило его къ власти, а пріобрѣтенная власть усиливала его честолюбіе. Никто не былъ болѣе его убѣжденъ въ истинѣ, что бездѣлка часто рѣшаетъ важныя дѣла; вотъ почему онъ болѣе занимался наблюденіемъ за оными, чѣмъ ускореніемъ ихъ; видя какъ они пріуготовляются и зрѣютъ, онъ мгновенно овладѣвалъ ими и направлялъ ихъ по своему произволу. Посреди всѣхъ заботъ, причиняемыхъ ему мыслями о войнѣ и трудами государственнаго управленія, опасеніе Бурбоновъ безпрестанно его преслѣдовало, и эта столь великая, столь сильная дума видѣла въ Сен-Жерменскомъ предмѣстіи грозное страшилище (*).

(*) Я узналъ, *изъ вѣрнаго источника*, что послѣ отъѣзда моего изъ Парижа, перехватывали даже простые пригласительные билеты на обѣды и въ собранія. Эти перехватыванья имѣли ту цѣль, чтобы разстроивать сборища или дѣлать ихъ малочисленнѣе; узнавать имена хозяевъ и гостей. Такова была важная цѣль сего великаго средства, употребленнаго правительствомъ.

Бонапарте отъ природы не былъ склоненъ уважать людей; онъ тѣмъ болѣе презиралъ ихъ чѣмъ лучше узнавалъ. Это неблагопрiятное мнѣнiе о родѣ человѣческомъ, сообщаемое опытностью, оправдывалось въ немъ нѣсколькими разительными примѣрами. Строгость его была слѣдствiемъ часто повторяемаго имъ правила: *что дабы двигать людьми, нужны двѣ пружины: страхъ и выгоды.* Какое напримѣръ уваженiе могъ имѣть Бонапарте къ тѣмъ, которые добивались получить въ свое распоряженiе Оперную кассу? Она каждый день получала отъ игръ значительную сумму, коей часть употреблялась на уплату передержки по разходамъ для сего великолѣпнаго театра, а остальныя деньги имѣли тайное назначенiе. Оттуда были выдаваемы значительныя награды по повелѣнiямъ, подписаннымъ Дюрокомъ. Въ небольшую дверь съ улицы *Рамо* часто видали входящихъ людей весьма различнаго званiя. Египетская прiятельница, которой мужъ, попавшiй въ плѣнъ, былъ коварно освобожденъ Англичанами, довольно часто посѣщала кассу; тамъ не разъ сходились ученый и актеръ, знаменитый ораторъ и изувѣченный музыкантъ. Однажды кассиру пришлось въ одно время имѣть дѣло со священникомъ, съ наложницею и съ Кардиналомъ, который уже не мѣнялъ какъ въ Корсикѣ, Турецкихъ монетъ.

Однимъ изъ величайшихъ несчастій Наполеона было то, что онъ не вѣрилъ дружбѣ и не ощущалъ потребности любить, одного изъ самыхъ пріятныхъ чувствъ, дарованныхъ человѣку. Сколько разъ говаривалъ онъ мнѣ: «Дружба есть одно только слово; я никого не люблю. Нѣтъ, я даже не люблю моихъ братьевъ. Іосифа, можетъ быть, немножко; но если я и люблю его, то это по привычкѣ отъ того, что онъ старшій братъ мой . . . Дюрокъ! . . . А да! . . . его я также люблю; но за что? . . . Характеръ его мнѣ нравится. Онъ холоденъ, сухъ, строгъ; и притомъ Дюрокъ никогда не плачетъ! . . . (*) Что касается до меня, то мнѣ это все равно; я очень знаю, что у меня нѣтъ истинныхъ друзей. Пока я буду тѣмъ, что я есть, у меня будутъ друзья сколько мнѣ угодно. . . Видишь ли ты, Буріеннъ, надобно предоставить женщинамъ хныкать, это ихъ дѣло; но я? . . . я не долженъ быть чувствительнымъ! Должно быть твердымъ, имѣть твердое сердце . . . иначе не должно браться ни за войну, ни за правительство.»

Въ житейскихъ своихъ сношеніяхъ, Бонапарте

(*) Не должно судить о Дюрокѣ потому, что говоритъ объ немъ Бонапарте, думая тѣмъ похвалить его. Дюрокъ дѣйствительно имѣлъ холодный видъ и степенный характеръ, но мало существовало людей столь превосходныхъ и болѣе обязательныхъ.

былъ то, что въ школахъ называется *сварливецъ*, но сварливость его рѣдко доходила до грубости. Когда онъ предавался досадѣ, то это проходило какъ облако, ограничиваясь словами. Настоящая его брань, сильныя выходки и припадки гнѣва, все это напередъ было расчислено и приготовлено. Когда онъ изъявлялъ кому нибудь свое негодованіе, то присутствіе свидѣтелей его ободряло. Тогда выраженія его были всегда суровы, горячи и унизительны; онъ поражалъ палицею, подъ ударами коей трудно было не пасть; но онъ былъ воздерженъ на эти вспыльчивыя выходки и предавался имъ не иначе какъ имѣя въ своихъ рукахъ доказательство вины тѣхъ, на кого онѣ обращались.

Когда онъ намѣревался кого нибудь наединѣ погонять, то всегда желалъ чтобы кто нибудь третій былъ притомъ свидѣтелемъ. Я часто замѣчалъ, что это придавало ему смѣлости. Дѣйствительно, находясь съ нимъ наединѣ и хорошо зная его характеръ,—съ большимъ хладнокровіемъ, съ искренностью и непоколебимостью, можно было навѣрное одержать надъ нимъ верхъ. Увѣряютъ, будто бы онъ разсказывалъ на островѣ Св. Элены, что онъ для того допускалъ быть притомъ третьему, чтобы нанесенный ударъ подальше отозвался. Это не было настоящею причиною, ибо въ такомъ случаѣ, гораздо проще было бы сдѣлать выговоръ при

всѣхъ; онъ имѣлъ другія причины. Въ продолженіе всего времени, мною при немъ проведеннаго, я замѣтилъ что онъ не любилъ свиданій съ глаза на глазъ и когда ожидалъ кого нибудь, то заранѣе говорилъ мнѣ: *Буріеннъ, ты останешься тутъ.* Когдаже докладывали о человѣкѣ, котораго онъ неожидалъ, какъ напримѣръ о Министрѣ или Генералѣ, то видя что я сбираюсь выйти, онъ говорилъ мнѣ въ полголоса: *Не уходи же.* Ужъ конечно не для того чтобы сказанное имъ разнеслось по городу, онъ удерживалъ меня при себѣ; ибо ни по характеру моему, ни по должности я не былъ способенъ къ разноскѣ словъ его; а еслибъ я и захотѣлъ это сдѣлать, то не имѣлъ бы на то времени: притомъ же можно себѣ представить что немногіе люди, удостоенные его довѣренности, знали неудобства нескромности при Правительствѣ, которому все было извѣстно. Во всякомъ случаѣ, Бонапарте не достигъ бы своей цѣли надѣясь на разглашеніе третьяго свидѣтеля, какъ это заставляютъ его говорить, еслибъ онъ притомъ имѣлъ одну только эту цѣль.

Бонапарте питалъ къ кровожаднымъ людямъ Революціи, а въ особенности къ цареубійцамъ, наивеличайшее отвращеніе. Онъ считалъ тяжкимъ бременемъ обязанность предъ нимъ притворяться; но разговаривалъ со мною объ этихъ кровопійцахъ, о тѣхъ которыхъ самъ онъ на-

зывалъ убійцами Лудовика XVI, не иначе какъ съ ужасомъ и очень жалѣлъ о томъ что находился въ необходимости употреблять ихъ и былъ обязанъ принуждать себя ихъ щадить. Сколько разъ говаривалъ онъ Камбасересу, щипля его полегоньку за ухо, дабы этою короткостью смягчить горечь своихъ словъ: *Бѣдный мой Камбасересъ, я въ томъ не виноватъ, но твое дѣло ясно: если Бурбоны когда либо возвратятся, то ты будешь повѣшенъ.* Принужденная улыбка появлялась тогда на свинцовомъ лицѣ Камбасереса съ такимъ выраженіемъ, которое столькоже трудно, какъ и непріятно было бы описать. Эта улыбка обыкновенно была единственнымъ отвѣтомъ Втораго Консула, который однакожъ отвѣчалъ однажды въ моемъ присутствіи: *Полно, оставьте ваши насмѣшки!* Я не знаю человѣка, котораго улыбка была бы столь непріятна какъ у Камбасереса.

Бонапарте имѣлъ странныя привычки и склонности. Досадуя на что либо или будучи занятъ непріятною мыслью, онъ напѣвалъ нѣчто, вовсе не похожее ни на какую арію, такъ у него былъ фальшивъ голосъ, что я уже сказалъ. Онъ садился передъ своимъ письменнымъ столомъ и такъ перекачивался назадъ, что я много разъ бывалъ принужденъ напоминать ему объ осторожности, чтобы не опрокинуться. Въ

этомъ положеніи онъ обращалъ гнѣвъ свой на правую ручку своихъ креселъ и рѣзалъ ее перочиннымъ ножичкомъ, который ни къ чему больше ему не служилъ. Я всегда очень старался о томъ чтобы у него всегда были въ готовности хорошо очиненныя перья, ибо будучи принужденъ разбирать его руку, я больше всякаго другаго имѣлъ выгодъ въ томъ, чтобы онъ писалъ сколько возможно лучше.

Колокольный звонъ производилъ на Бонапарте странное дѣйствіе, которое я иногда не могъ себѣ объяснить: онъ слушалъ его съ наслажденіемъ. Когда мы были въ Мальмезонѣ и прогуливались по алеѣ, ведущей въ Рюель, то сколько разъ звонъ колокола этой деревни прерывалъ наши разговоры самаго важнаго содержанія. Онъ останавливался для того чтобы чрезъ движеніе шаговъ нашихъ не пропустить слухомъ отголосковъ, его восхищавшихъ. Онъ почти сердился на меня за то что я не ощущаю тѣхъ же, какъ и онъ впечатлѣній; дѣйствіе, производимое на его чувства было столь сильно, что онъ совершенно растроганнымъ голосомъ говаривалъ мнѣ: *Это напоминаетъ мнѣ первые годы, проведенные мною въ Бріеннѣ. Я былъ тогда счастливъ.*—Колоколъ умолкалъ и онъ вновь предавался своимъ гигантскимъ мечтамъ, парилъ въ будущемъ, надѣвалъ на главу свою Короны и свергалъ съ престола Государей.

Нигдѣ, кромѣ какъ на полѣ сраженія, я не видалъ Бонапарте болѣе довольнымъ, чѣмъ какимъ онъ былъ въ своихъ Мальмезонскихъ садахъ (*). Въ первые дни Консульства, мы ѣздили туда всякую Суботу вечеромъ, проводя тамъ Воскресенье а иногда и Понедѣльникъ. Бонапарте нѣсколько уменьшалъ тамъ свои занятія, посвящая время прогулкѣ и личному надзору за украшеніями, тамъ устроиваемыми. Въ началѣ онъ посѣщалъ иногда окресности; но донесенія Полиціи разстроили его врожденную на счетъ себя беспечность, заставивъ его опасаться Роялистовъ, скрытыхъ съ намѣреніемъ его похитить.

Въ первые четыре или пять дней, проведенные Наполеономъ въ Мальмезонѣ, онъ забавлялся послѣ завтрака исчисленіемъ дохода, приносимаго этимъ помѣстьемъ. Онъ не забывалъ

(*) Однажды Бонапарте прогуливался тамъ съ Г-жею Клермонъ-Тоннеръ, нынѣ Г-жею Таларію, коей увлекательный разговоръ чрезвычайно ему нравился. Вдругъ, неожиданно прервавъ ее, онъ говоритъ ей: *Госпожа Клермонъ-Тоннеръ, что вы обо мнѣ думаете?* Такой непредвидѣнный вопросъ, дѣлалъ отвѣтъ весьма щекотливымъ и затруднительнымъ. *Генералъ,* сказала она, на минутку пріостановясь, *я думаю что вы походите на искуснаго Архитектора, который не хочетъ показать зданіе, имъ воздвигаемое прежде чѣмъ оно будетъ совершенно окончено. Вы строите за лѣсами, которые вы велите уронить когда все будетъ кончено.—Истинно такъ,* отвѣчалъ Бонапарте съ невѣроятною живостью, *вы совершенно правы! . . . Я никогда не живу прежде какъ черезъ два года!*

ни попеченія о паркѣ, ни овощей съ огорода. По его расчету выходило 8,000 франковъ дохода. *Это не дурно,* говорилъ онъ мнѣ, *но для того чтобы жить здѣсь, надобно имѣть 30,000 ливровъ доходу.* Я очень смѣялся тому что онъ не шутя занятъ этою работою. Эти скромныя склонности не долго при немъ остались.

Однимъ изъ величайшихъ его удовольствій на дачѣ было видѣть высокую, стройную женщину въ бѣломъ платьѣ, прогуливающуюся въ тѣни густой алеи. Онъ не могъ терпѣть цвѣтныхъ платьевъ а въ особенности темнаго цвѣта и слишкомъ толстыя женщины отмѣнно ему не нравились. Беременныя женщины возбуждали въ немъ непреодолимое отвращеніе и онъ очень рѣдко приглашалъ ихъ на свои праздники или обѣды. Онъ обладалъ всѣмъ нужнымъ для того чтобъ быть тѣмъ, что въ свѣтѣ называютъ любезнымъ человѣкомъ, кромѣ доброй къ тому воли. Онъ имѣлъ слишкомъ важный видъ для того чтобы привлекать къ себѣ и не зная его хорошо, всякій ощущалъ въ его присутствіи невольную боязнь. Въ гостиной, гдѣ превосходная Іозефина принимала всѣхъ съ такою пріятностью и ласкою, все дышало искренностью и веселіемъ въ отсутствіе хозяина; но все перемѣнялось при его входѣ и всѣ глаза обращались на лице его дабы прочитать расположеніе его

духа: будетъ ли онъ молчаливъ или разговорчивъ, веселъ или угрюмъ.

Часто онъ говорилъ много, иногда даже слишкомъ много; но онъ разсказывалъ самымъ прiятнымъ и истинно увлекательнымъ образомъ. Разговоръ его рѣдко склонялся на предметы веселые или забавные и никогда на бездѣлки. Онъ такъ любилъ разсужденiя, что въ жару ихъ, его легко можно было заставить высказать тайны, наитщательнѣйше имъ скрываемыя. Иногда онъ для забавы разсказывалъ въ небольшомъ кругу повѣсти о предчувствiяхъ и о привидѣнiяхъ. Это почти всегда бывало по вечерамъ въ сумерки. Онъ приготовлялъ своихъ слушателей какимъ либо торжественнымъ изреченiемъ. Однажды напримѣръ онъ началъ, сказавъ съ важностью: *Когда смерть сразитъ въ отдаленiи человѣка, намъ милаго, то предчувствiе почти всегда возвѣщаетъ объ этомъ событiи и пораженный смертью, является намъ въ минуту своей кончины.* Послѣ сего, онъ разсказалъ намъ слѣдующiй анекдотъ: Одинъ вельможа двора Лудовика XIV находился въ Версальской галереѣ въ ту самую минуту, какъ Монархъ сей читалъ своимъ придворнымъ донесенiе о Фридлингенской битвѣ, выигранной Вилларомъ въ Германiи. Вдругъ вельможа видитъ на концѣ галереи призракъ своего сына, служившаго у Виллара; онъ воскликнулъ:

«Сынъ мой болѣе не существуетъ!» Черезъ минуту Король прочелъ имя его въ числѣ убитыхъ.

Всѣ разсказы Бонапарте были исполнены прелести и оригинальности. Особенно въ путешествіяхъ, онъ былъ очень разговорчивъ. Въ жару разговора, почти всегда плѣнительнаго, всегда исполненнаго новыхъ взглядовъ, возвышенныхъ мыслей, у него иногда вырывались невольныя нескромности о его будущихъ видахъ или по крайней мѣрѣ такія вещи, которыя могли внушить догадки о томъ, что онъ желалъ еще скрывать. Я позволялъ себѣ предостерегать его на счетъ этой забывчивости и онъ сознавался въ своей винѣ, говоря однако же, что онъ не думалъ такъ далеко увлечься. Онъ зналъ за собою этотъ родъ легкомыслія, въ которомъ искренно признался на островѣ св. Элены.

Будучи въ веселомъ расположеніи духа, онъ обыкновенно любилъ оказывать свою ласку трепля по щекѣ указательнымъ и вторымъ пальцами или полегонько щипля за ухо. Въ самыхъ дружескихъ разговорахъ съ людьми, совершенно къ нему близкими, онъ имѣлъ привычку говорить: *Ты глупецъ, болванъ, скотина, ротозѣй, дуракъ, сумазбродъ* (*). Эти шесть

(*) Vous êtes un niais, un nigaud, une bête, un badaud, un sot, un imbécille.

словъ служили ему для измѣненій его дружескаго словаря; но онъ никогда не употреблялъ ихъ иначе, какъ въ шутку и голосъ, которымъ онъ ихъ произносилъ, придавалъ имъ совершенно милостивое значенiе.

Бонапарте не вѣрилъ ни медицинѣ, ни дѣйствительности лекарствъ, прописываемыхъ врачами. Онъ говорилъ о врачеванiи какъ о наукѣ, основанной на однихъ только предположенiяхъ и мнѣнiе его на этотъ счетъ было твердо, непоколебимо. Сила ума его допускала только доказанныя истины.

Онъ имѣлъ мало памяти для собственныхъ именъ, словъ и чиселъ; но удивительно какъ помнилъ событiя и мѣстныя обстоятельства. Я помню, что на пути изъ Парижа въ Тулонъ, онъ указалъ мнѣ десять мѣстъ, способныхъ къ тому, чтобы дать на нихъ большiя сраженiя и онъ никогда ихъ не забылъ, ибо тогда это были воспоминанiя первыхъ путешествiй его юности и онъ описывалъ мнѣ мѣстоположенiя, позицiи, которыя онъ бы занялъ, даже еще прежде, чѣмъ мы доѣзжали до мѣстъ.

Бонапарте, нечувствительный къ прелестямъ поэтической гармонiи, не имѣлъ даже довольно слуха для того, чтобы чувствовать размѣръ стиховъ и не могъ произнесть ни одного съ правильнымъ ударенiемъ; но великiя мысли его восхищали; онъ обожалъ Корнеля и до такой

степени, что однажды, послѣ представленія Цинны, онъ сказалъ мнѣ: *Еслибъ такой человѣкъ, какъ Корнель, жилъ въ мое время, то я бы сдѣлалъ его моимъ первымъ Министромъ; я наиболѣе удивляюсь не стихамъ его, а высокому его смыслу, великому его знанію сердца человѣческаго и его глубокой политикѣ.* Онъ сказалъ на островѣ св. Элены, что онъ сдѣлалъ бы Корнеля Принцемъ; вѣрю, но въ ту эпоху, когда онъ говорилъ мнѣ о Корнелѣ, какъ читатели видѣли, онъ еще не помышлялъ о томъ, чтобы дѣлать Принцевъ и Королей.

Вѣжливость съ женщинами не принадлежала къ характеру Бонапарте; онъ рѣдко имѣлъ сказать имъ что либо пріятное; а часто говорилъ имъ очень плохія привѣтствія или даже самыя странныя вещи, на примѣръ: *Ахъ Боже мой, какія у васъ красныя руки! — Какъ вы дурно причесаны! — Кто вамъ такъ взбилъ волосы? — Какое у васъ грязное платье! . . . Развѣ вы никогда не перемѣняете платья? Я ужъ двадцать разъ видѣлъ это на васъ* (*). На этотъ

(*) Бонапарте, будучи Императоромъ, сказалъ однажды прелестной Герцогинѣ де Шеврёзъ на съѣздѣ въ Тюлїери: *Ахъ! какъ странно; какіе у васъ рыжіе волосы. Очень можетъ быть, Государь,* отвѣчала ему Г-жа де Шеврёзъ, *но еще въ первый разъ мужчина мнѣ это говоритъ.* Госпожа де Шеврёзъ, имѣвшая напротивъ того безподобные свѣтлорусые волосы, была вскорѣ послѣ сего сослана въ Туръ за то, что она отказалась быть Статсъ Дамою при Королевѣ Испанской.

счетъ онъ былъ безжалостенъ и вообще любилъ заставлять тратить много денегъ. Онъ часто занимался нарядами жены своей и она имѣла такой утонченный вкусъ, что это могло сдѣлать его взыскательнымъ на счетъ нарядовъ другихъ дамъ. Тогда онъ требовалъ въ особенности щегольства; позднѣе же сталъ требовать пышности и блеска, но всегда съ сохраненіемъ благопристойности. Онъ много разъ жаловался при началѣ Консульства на моду платьевъ съ открытою грудью.

Бонапарте не любилъ игру и это было большое счастіе для приглашаемыхъ въ его собранія; ибо когда онъ сидѣлъ за карточнымъ столомъ, что иногда онъ считалъ обязанностью дѣлать, то ничего не могло быть скучнѣе Люксембургской или Тюлеріийской гостиной. Когда же напротивъ того, онъ прохаживался посреди множества особъ, у него собранныхъ,—то всякой былъ доволенъ, ибо онъ разговаривалъ со многими, но болѣе съ учеными, а въ особенности съ тѣми, которые были съ нимъ въ Египтѣ, какъ то съ Монжемъ и съ Бертолетомъ. Онъ такъ же охотно разговаривалъ съ Шапталемъ, съ Ласепедомъ и съ Лемерсье, авторомъ *Агамемнона*. Впрочемъ, не въ гостиной а предъ войскомъ слѣдовало видѣть Наполеона для того, чтобы составить себѣ объ немъ высокое понятіе и оцѣнить его достоинства. Мундиръ го-

раздо лучше шелъ къ нему, чѣмъ самыя красивыя гражданскія платья; его первые опыты въ надѣваніи парадпаго кафтана, были неудачны. Мнѣ разсказывали, что первый разъ, когда онъ въ него нарядился, онъ надѣлъ притомъ черный галстукъ, что составляло странную несообразность; и когда ему это замѣтили: *Тѣмъ лучше*, отвѣчалъ онъ, *это оставляетъ при мнѣ хоть нѣсколько военный видъ, бѣды нѣтъ.* Впрочемъ я не видалъ самъ чернаго галстука и не слыхалъ этихъ словъ.

Первый Консулъ довольно хорошо расплачивался за свои собственныя издержки, но не любилъ платить за казенныя поставки по торгамъ, заключеннымъ Министрами по разнымъ частямъ Государственнаго управленія. Для этого рода платежей онъ отсрочивалъ время сколько могъ всякими крючками и затрудненіями, прибѣгая для сего къ самымъ пустымъ предлогамъ. Отъ сего-то произошла такая огромная неуплата суммъ и необходимость въ Учетномъ Комитетѣ. Онъ твердо, неизмѣнно вѣровалъ въ правило, что слово: поставщикъ, есть тоже, что плутъ. Все недоплаченное имъ, онъ считалъ справедливымъ удержаніемъ и суммы, вычеркнутыя изъ ихъ счетовъ, казались ему спасенными отъ воровства. Чѣмъ меньше Министръ уплачивалъ денегъ по своему Министерству, тѣмъ благосклоннѣе былъ къ нему Бонапарте

и эта разорительная скупость одна только можетъ объяснить довѣренность, коею столь долго пользовался у него Декре на счетъ Французскаго флота.

Бонапарте имѣлъ о вѣрѣ очень неопредѣлительныя понятія. «Разсудокъ мой,» говорилъ онъ мнѣ однажды, «заставляетъ меня не вѣрить многимъ вещамъ; но впечатлѣнія моихъ дѣтскихъ лѣтъ и понятія, внушенныя мнѣ въ юности, поставляютъ меня въ недоумѣніе.» Я уже сказалъ какое дѣйствіе производилъ на него колокольный звонъ и это такое дѣло, котораго я больше двадцати разъ былъ свидѣтелемъ. Онъ очень любилъ говорить о вѣрѣ. Я часто видалъ его въ Пассеріано, въ Египтѣ, во время плаванія на кораблѣ *Востокъ* и на *Мюиронъ* принимающаго живое участіе въ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ. Онъ очень охотно уступалъ во всемъ, что ему доказывали и во всемъ что казалось ему происходящимъ отъ людей и отъ времени; но онъ и слышать не хотѣлъ о матеріялизмѣ. Я помню что находясь однажды ночью въ прекрасную погоду на палубѣ и будучи окруженъ нѣсколькими изъ своихъ спутниковъ, разсуждавшими въ пользу сего прискорбнаго ученія,—Бонапарте, поднявъ руку къ Небу и указывая имъ на звѣзды, сказалъ: *Что вы ни говорите, господа; а кто все это сдѣлалъ?* Сохраненіе навѣки имени въ памяти

людей было для него тоже, что безсмертіе души. Онъ имѣлъ ко всѣмъ вѣрамъ полную терпимость и не постигалъ какъ можно гнать какое либо исповѣданіе (*).

Между странными привычками Наполеона, я долженъ упомянуть о той, по которой онъ не могъ не присѣсть на всякой столъ, ему попадавшійся. Онъ такимъ образомъ садился и на мой столъ, облокачивался лѣвою рукою на мое правое плечо, качалъ свою лѣвую ногу, не становя ее на полъ и диктовалъ мнѣ шевеля столъ, что очень мѣшало мнѣ писать.

Бонапарте очень не любилъ перемѣнять что либо, однажды имъ рѣшенное, даже и тогда, еслибъ самъ призналъ несправедливость онаго. Какъ въ малыхъ, такъ и въ большихъ вещахъ, ничто не могло преклонить его попятиться назадъ; для него отступить, значило губить себя. Я видѣлъ примѣръ его стойкости при одномъ случаѣ, еще незабытомъ; это было въ дѣлѣ Генерала Латуръ-Фуассака (**). Первый Консулъ казалось былъ тронутъ сдѣланною ему неспра-

---

(*) Бонапарте изъ политики возстановилъ вѣру во Франціи. Онъ счелъ нужнымъ сіе могущественное пособіе для утвержденія своей власти; но слышать не хотѣлъ о стѣсненіи другихъ исповѣданій. Онъ конечно желалъ имѣть на людей большое вліяніе, но чрезъ положительныя, мірскія вещи, а не посредствомъ мнѣнія.

(**) Случай съ Генераломъ Латуръ-Фуассакомъ, будетъ описанъ ниже.

ведливостью; но хотѣлъ повременить прежде чѣмъ исправить оную. Сердце его находилось въ противорѣчiи съ поведенiемъ и онъ очень былъ огорченъ; но благорасположенiе его умолкло предъ тѣмъ, что онъ считалъ политическою необходимостью. Никогда Бонапарте не говорилъ: *Я виноватъ*; любимое его слово было: *Я начинаю тѣмъ, что вѣрю дурному.*

Однакожъ, не взирая на это правило, болѣе приличное угрюмому философу, чѣмъ главѣ Правительства, Бонапарте не былъ ни ненавистливъ, ни мстителенъ; онъ не имѣлъ кровожадности въ характерѣ. Я конечно не въ состоянiи оправдать его отъ всѣхъ упрековъ, коимъ его подвергли повелительные законы войны и жестокая необходимость; но могу сказать, что противъ него часто были очень несправедливы. Одни только безумцы могли присвоивать ему имена Нерона и Калигулы; онъ ничемъ не заслужилъ такого поношенiя. Кажется что я довольно говорилъ о настоящихъ его погрѣшностяхъ и мнѣ можно повѣрить на слово; почему смѣло говорю, что Бонапарте, внѣ поприща своей политики, былъ чувствителенъ, добръ и доступенъ жалости; онъ очень любилъ дѣтей, а злой человѣкъ рѣдко имѣетъ къ нимъ склонность; въ частной жизни онъ былъ простъ и очень снисходителенъ къ слабости человѣческой, которую онъ зналъ и умѣлъ оцѣнивать.

Противное сему мнѣніе слишкомъ укоренено въ нѣкоторыхъ умахъ для того, чтобы я могъ надѣяться его совершенно истребить; мнѣ вѣрно будутъ противорѣчить, но я обращаюсь къ людямъ, ищущимъ истины: я жилъ въ самой близкой короткости съ Наполеономъ до тридцати четырехъ-лѣтняго возраста и ничего неговорю на обумъ. Во всякомъ случаѣ не должно ли принимать въ соображеніе время и обстоятельства, производящія на людей столько вліянія? и не должно ли различать одного отъ другаго—ученика, полководца, Консула и Императора если кто желаетъ судить безпристрастно?

ГЛАВА XIV.

Лабиринтъ законовъ.—Уничтоженіе праздиества 21 Генваря.— Посѣщенія Наполеона.—Г. Добантонъ.—Домы для содержанія подъ стражею. — Выходка противъ Директоріи. — Тампль.—Лудовикъ XVI и Сидней-Смитъ.—Мое одобреніе. —Лихоимство и продажность мѣстъ.—Ростовщицкой заемъ. —Скромный бюджетъ.—Консулъ и членъ Института.—Мой любезный товарищъ.—Ненависть къ равенству.—Изображеніе Республики.—Порученія Дюрока.—Король Прусской.— Александръ.—Искренность и тонкость. — Генералъ Латуръ Фуассакъ.—Сдача Мантуи.—Гнѣвъ Наполеона.—Самовластный Указъ.—Упрямство Наполеона.—Труппа актеровъ для Египта.—Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и Режиссеръ Французской Комедіи.—Странное мнѣніе о литературной собственности.—*Ненависть къ людямъ и раскаяніе.*— Молодой Вертеръ.

Въ планъ, мною себѣ начертанный, не входитъ чтобы слишкомъ много заниматься законами, повелѣніями, указами и Сенатскими опре-

дѣленіями, которыя Бонапарте издалъ или заставилъ издать въ продолженіе своего владычества. Что съ ними сдѣлалось и что будетъ съ большею частью оныхъ, кромѣ Гражданскаго Уложенія, памятника мудрости и любви къ порядку? Число законодательныхъ бредней, изданныхъ различными, тяготѣвшими надъ Франціею правленіями—чрезвычайно велико. Это лабиринтъ ябеды, въ коемъ заблуждаются разсудокъ и правое дѣло и они давно были бы погребены въ глубочайшее забвеніе, еслибъ не находили удобнымъ извлекать изъ нихъ небольшія статейки для свершенія съ помощью оныхъ законнымъ образомъ большихъ несправедливостей. Однакожъ я долженъ напомнить здѣсь, не всѣ первыя постановленія Консуловъ, но счастливое дѣйствіе, которое они произвели на Парижъ, а скоро и на всю Францію. Надобно было видѣть въ какомъ положеніи находилось общество при владычествѣ Ужаса для того чтобы оцѣнить радость, которую возбудили во всѣхъ честныхъ людяхъ шаги Консульскаго Правительства къ возстановленію общественнаго порядка. Директорія, болѣе трусливая и не менѣе развратная какъ Конвентъ, сохранила въ числѣ праздниковъ Республики, ужасное празднество 21 Генваря. Одною изъ первыхъ мыслей Наполеона по достиженіи владычества было уничтожить оное; и таково еще было страшное

вліяніе виновниковъ злодѣйства, что надобно было сдѣлать увертку дла того чтобы ихъ пощадить. Онъ и его два товарища, коими еще были Сіесъ и Рожеръ Дюко, подписали 5 Нивоза указъ, коимъ повелѣвалось что впредь Республика будетъ торжествоватъ только два праздника: 1 Вандеміера и 14 Іюля, въ воспоминаніе учрежденія Республики и положенія основанія свободѣ.

Все было расчетомъ у Бонапарте; производить впечатлѣніе, его пріятнѣйшею мыслью; почему онъ рѣдко пропускалъ случаи дѣлать эти вещи и говорить слова, ослѣпляющія толпу. Живя въ Люксембургѣ онъ часто ѣздилъ въ сопровожденіи своихъ Адъютантовъ, а иногда Министра, дѣлать парадныя посѣщенія. Я не сопутствовалъ ему въ этихъ офиціяльныхъ поѣздкахъ и когда мы будемъ въ Тюлери, то читатели увидятъ какая была цѣль нашихъ скрытныхъ выѣздовъ по утрамъ; но часто, или лучше сказать почти всегда, возвратясь, или послѣ обѣда или вечеромъ, онъ разсказывалъ мнѣ что видѣлъ и говорилъ. Такъ напримѣръ, онъ очень былъ доволенъ посѣщеніемъ, сдѣланнымъ въ Саду Растеній Добантону и очень хвалился тѣмъ что онъ сдѣлалъ для Бюфонова современника (*).

(*) Добантонъ былъ пожалованъ Сенаторомъ. Онъ умеръ въ скоромъ времени послѣ посѣщенія Перваго Консула, который

Съ 24 Брюмера началъ онъ осматривать домы для содержанія подъ стражею и какъ въ эту эпоху, онъ пріѣзжалъ внезапно, такъ что посѣщеній его вовсе нельзя было ожидать, то смотрители различныхъ заведеній не имѣли времени ихъ прибрать и онъ заставалъ вещи въ настоящемъ ихъ видѣ. Я находился въ его кабинетѣ при возвращеніи его съ осмотра домовъ для содержащихся подъ стражею, ибо въ отсутствіе его меня завалили работою. «Какіе скоты эти смотрители,» вскричалъ онъ входя. «До какого положенія эти люди довели публичныя заведенія! но подождите, я приведу это въ порядокъ. Тюрьмы дурно содержаны, нездоровы, заключенныхъ слишкомъ худо кормятъ; я разспрашивалъ ихъ; разспрашивалъ тюремщиковъ ибо отъ начальниковъ ничего не узнаешь; они всегда хвалятъ товаръ свой. Посѣтивъ Тампль, я не могъ удержаться отъ воспоминанія объ этомъ несчастномъ Лудовикѣ XVI; онъ былъ достойный человѣкъ; но слишкомъ добрый, слишкомъ кроткій; онъ не умѣлъ управляться съ людьми. А Сидней-Смитъ!... я велѣлъ показать себѣ его комнатку. Еслибъ дураки не дали ему уйти, то я бы взялъ Сен-Жанъ д'Акру! Въ этой тюрьмѣ слишкомъ много находится воспоминаній; я когда нибудь прикажу ее сломать. Знаешь ли

обнаруживалъ искреннее сожалѣніе о людяхъ, славившихся до Революціи.

что я сдѣлалъ въ Тамплѣ? Я велѣлъ подать себѣ списки заключеннымъ; между ими были заложники; я ихъ освободилъ, сказавъ:—Несправедливый законъ лишилъ васъ свободы; мой первый долгъ есть — возвратить вамъ ее. Неправдали Буріеннъ, что я хорошо сдѣлалъ?»— Питая не менѣе Наполеона ненависти къ Революціоннымъ законамъ, я искренно поздравлялъ его когда онъ такъ поступалъ и онъ былъ очень чувствителенъ къ моему одобренію; ибо по всей справедливости могу сказать что не я пріучилъ его слышать что *все хорошо.* Правда, что зная его характеръ я старался избѣгать прямаго ему противорѣчія; но когда я молчалъ, то онъ очень умѣлъ толковать себѣ мое молчаніе; я долѣе пробылъ бы въ милости, еслибъ умѣлъ ему льстить.

Безъ преувеличенья можно сказать, что Бонапарте приходилъ въ ярость всякой разъ,—а это часто съ нимъ случалось—когда онъ говорилъ мнѣ о Директорахъ, имъ отрѣшенныхъ; неспособность ихъ раздражала его и даже изумляла. *Какіе люди! какое Правительство! какое управленіе!* часто восклицалъ онъ разсматривая способы Директорскаго правленія. «Можешь ли ты себѣ представить Буріеннъ, что либо, жалчѣе ихъ финансовой системы?» Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первые агенты Правительства ежедневно производили самое постыдное лихо-

имство. Какая продажность! какой безпорядокъ! какос грабительство! Все продавалось съ молотка: мѣста, поставки, съѣстные припасы, одежда, амуниція—они всё продавали, пожравъ чрезъ это 75 миліоновъ? А всѣ эти соблазнительныя обогащенія, всѣ эти взятки (*)? и будто бы нѣтъ никакого средства заставить ихъ къ отдачѣ награбленнаго ими обратно? посмотримъ.»

Въ эти первыя минуты безденежья, надобно было достать денегъ, ибо сумма, полученная отъ Г. Колло, не надолго стала. Заняли 12 миліоновъ у разныхъ Парижскихъ банкировъ, которые какъ мнѣ кажется получили за то векселя на откупщиковъ съ вычетомъ 33 процентовъ на сто. Притомъ же въ началѣ жалованье было не слишкомъ значительно, и не походило на огромныя содержанія, назначенныя при Имперіи; можно судить объ этомъ по прилагаемому присемъ скромному росписанію расходовъ Консульскаго Правительства на VIII годъ.

Законодательный Корпусъ . .	2,400,000 фр.
Трибунатъ	1,312,000 —
Архивы	75,000 —
Три Консула, со включеніемъ 750,000 фр. тайныхъ расходовъ	1,800,000 —

(*) Безпорядокъ достигъ до такой степени, что Мальмезонъ былъ пріобрѣтенъ чрезъ *покровительство* Баррасса и чрезъ *движеніе* дѣлъ того времени.

Государственный Совѣтъ . .	675,000 —
Секретари Совѣтовъ и Государственныхъ Совѣтниковъ . . .	112,500 —
Шесть Министровъ	360,000 —
Министръ Внѣшнихъ Сношенiй	90,000 —
Итого	6,824,500 фр.

Наполеону было назначено пять сотъ тысячъ франковъ содержанiя. Это очень далеко отъ трехъ сотъ милiоновъ золотомъ, спрятанныхъ въ 1811 году въ Тюлерiйскихъ погребахъ.

Говоря о назначенiи Бонапарте членомъ Института и о томъ что онъ ставилъ титулъ члена сего ученаго сословiя даже предъ титуломъ Главнокомандующаго въ своихъ воззванiяхъ, я позабылъ сказать что онъ въ самомъ дѣлѣ объ этомъ думалъ. Будучи молодъ, честолюбивъ и покрытъ славою, онъ съ удовольствiемъ принялъ титулъ ему предложенный; это было для публики. Но наединѣ, сколько разъ мы отъ чистаго сердца смѣялись съ нимъ на счетъ цѣны этихъ ученыхъ достоинствъ. Бонапарте зналъ немного математику, очень хорошо исторiю и не имѣю надобности прибавлять, что онъ обладалъ обширнымъ военнымъ талантомъ;—но при всемъ этомъ онъ ни къ чему не былъ годенъ для Института кромѣ развѣ для преподаванiя курса древней и новой стратегiи.

По возвращенiи его изъ Египта, ему началъ надоѣдать титулъ, дававшiй ему столь много

товарищей, а онъ не терпѣлъ *товарищей.* «Не находишь ли ты» сказалъ онъ мнѣ однажды, «чего-то неприличнаго, неблагороднаго въ словахъ: *Имѣю честь быть, любезный товарищъ;* это мнѣ надоѣдаетъ.» Вообще всѣ выраженія, клонившіяся къ равенству, чрезвычайно какъ ему не нравились. Читатели видѣли какъ онъ похвалилъ меня за то, что я не сталъ говорить ему ты пріѣхавъ къ нему въ Леобенъ и что случилось съ Г. де Комснжемъ, не захотѣвшимъ показать въ Базелѣ подобно мнѣ скромности.

Изображеніе Республики, сѣдящей съ копьемъ въ рукѣ, которое ставилось въ заглавіи бумагъ при началѣ Консульства,—вскорѣ было попрано ногами и за счастье можно бы счесть еслибъ онъ поступилъ такъ со свободою на одномъ только ея ликѣ! Санъ перваго Консула заставилъ пренебречь титуломъ Члена Института. Бонапарте ужъ не имѣлъ нималѣйшаго благорасположенія къ сему ученому сословію, коему онъ столько въ послѣдствіи недовѣрялъ. Это былъ *корпусъ,* дозволенное *сборище;* сего уже было достаточно для того чтобы тревожить Наполеона и онъ нимало не старался скрывать ненависти своей ко всему, что имѣло право сбираться и разсуждать.

Во время пребыванія нашего въ Люксембургѣ, Бонапарте далъ особое порученіе Дюроку, посланному имъ къ Королю Прусскому. Это было

кажется мнѣ, въ первыхъ числахъ 1800 года. Онъ предпочелъ Дюрока, какъ человѣка благовоспитаннаго, который обладая знаніемъ свѣтскаго обхожденія, выражался осторожно, но съ пріятностью—качества очень рѣдкія въ эту эпоху. Дюрокъ не покидалъ насъ въ Италіи, въ Египтѣ, на *Мюиронѣ* и смѣтливость Консула отгадала, что Королю Прусскому будетъ пріятно слышать о походахъ Наполеона, а въ особенности объ осадѣ Сен-Жанъ д'Акры и о происшествіяхъ Марта и Маія мѣсяцевъ въ Яффѣ, отъ очевидца всѣхъ этихъ событій; съ тѣмъ вмѣстѣ Первому Консулу нужно было, чтобы очевидецъ сей, сообщая самыя мелкія подробности, говорилъ только о томъ, что долженствовало прослыть истиною. Бонапарте не ошибся, ибо Дюрокъ, по возвращеніи сказалъ мнѣ, что почти весь разговоръ его съ Вильгельмомъ происходилъ о Сен-Жанъ д'Акрѣ и о Яффѣ. Онъ пробылъ около двухъ часовъ съ Королемъ, который на другой день пригласилъ его къ обѣду. По полученіи перваго о томъ извѣстія въ Люксембургѣ, я увидѣлъ, что глава Республики чрезвычайно былъ доволенъ тѣмъ, что одного изъ его Адъютантовъ пригласили къ столу Короля.

Дюрокъ не сказалъ ни слова о политикѣ Королю Прусскому и очень хорошо сдѣлалъ, ибо въ лѣтахъ, которыя тогда имѣлъ Дюрокъ и

судя по жизни, которую онъ велъ, находясь всегда въ лагеряхъ,—ему трудно было бы отвѣчать не сдѣлавъ промаха. Чрезъ нѣсколько послѣ сего времени, то есть послѣ кончины Павла I-го, Первый Консулъ опять выбралъ Дюрока для посылки къ Александру съ привѣтствіемъ о благополучномъ его вступленіи на родительскій престолъ. Цѣль Наполеона была та, чтобы сдѣлать извѣстнымъ при всѣхъ Дворахъ довѣренными порученіями молодаго человѣка, къ коему онъ очень былъ расположенъ и выставить его тѣмъ во Франціи. Дюрокъ имѣлъ еще третье порученіе въ Берлинъ, когда возгорѣлась война съ Австріею. Онъ очень часто писалъ ко мнѣ, и письма его доказали мнѣ, что онъ въ короткое время очень образовался. Къ искренности и къ врожденному благородству его характера, онъ присоединялъ тонкость, чтобы не сказать хитрость искуснаго дипломата. Но перестанемъ говорить о Дюрокѣ, ибо не время еще сказывать, отъ чего онъ не сдѣлался зятемъ Г-жи Бонапарте.

Вотъ другое воспоминаніе первыхъ лѣтъ Консульства, могущее доказать непреклонность Бонапарте, когда онъ однажды на что либо рѣшился. Весною 1799 года, во время еще нахожденія нашего въ Египтѣ, Директорія поручила Генералу Латуръ-Фуассаку, отличному Офицеру, начальство въ Мантуѣ, коей взятіе столь

много содѣйствовало къ славѣ побѣдителя Италіи. Вскорѣ послѣ назначенія Генерала Латуръ-Фуассака въ эту важную должность,— Австрійцы осадили Мантуу; извѣстно было, что крѣпость сія снабжена на долгое время съѣстными припасами и военными снарядами; но не смотря на то, она въ Іюлѣ мѣсяцѣ сдалась Австрійцамъ. Актъ капитуляціи заключалъ въ себѣ странное распоряженіе; въ немъ было сказано: «Генералъ Латуръ-Фуассакъ и Штабъ его, «будутъ отведены военноплѣнными въ Австрію; «а гарнизону будетъ дозволено возвратиться во «Францію.» Это различіе между Генераломъ и ввѣренными его начальству войсками, равно какъ и скорая сдача Мантуи, нельзя не признаться—были такого свойства, что могли внушить подозрѣнія о поведеніи Генерала. Дѣйствительно Бернадотъ, сдѣлавшись Военнымъ Министромъ, нарядилъ военный судъ надъ тѣмъ, котораго обвиняли въ сдачѣ Мантуи безъ надлежащаго сопротивленія. Латуръ-Фуассакъ, по возвращеніи изъ плѣна, издалъ въ оправданіе свое записку, въ коей онъ доказалъ невозможность болѣе продолжительной обороны по неимѣнію имъ многихъ необходимѣйшихъ вещей.

Дѣло находилось въ этомъ положеніи тогда какъ Наполеонъ пріялъ Консульскую власть. Потеря Мантуи, стоившей ему столькихъ пожертвованій, такъ жестоко его огорчила, что

онъ не находилъ словъ для выраженія своего гнѣва всякой разъ когда заговаривалъ объ этомъ дѣлѣ. Въ пылу своего негодованія онъ остановилъ начатое слѣдствіе и издалъ противъ Латуръ-Фуассака жестокій указъ, тогда какъ вина его не была еще доказана. Это происшествіе надѣлало много шуму и огорчило много Генераловъ, которые чрезъ такое самовластное рѣшеніе, видѣли себя лишенными законнаго суда, въ случаѣ еслибъ Первому Консулу вздумалось по несчастію на нихъ прогнѣваться. Что касается до меня, то я знаю что указъ, поразившій Латуръ-Фуассака былъ одинъ изъ наиболѣе меня огорчившихъ; онъ устрашалъ меня за будущее. Черезъ нѣсколько дней послѣ того я старался было преклонить Наполеона къ отмѣнѣ слишкомъ суроваго его рѣшенія, напоминая ему все говоренное ему въ пользу Латуръ-Фуассака и давая ему почувствовать, сколь справедливѣе будетъ дозволить произвесть надъ нимъ судъ. «Въ землѣ,» сказалъ я ему, «гдѣ честь считается главною вещью, какъ во Франціи, невозможно чтобы Фуассакъ избѣгнулъ отъ осужденія, если онъ виновенъ.—Буріеннъ, ты можетъ быть правъ, но указъ уже объявленъ, ударъ нанесенъ. Я это же объявилъ всѣмъ. Я не могу такъ скоро перемѣнить мое рѣшеніе. Попятиться назадъ, значитъ погубить себя. Не хочу выставить себя виноватымъ; въ по-

слѣдствiи, мы посмотримъ: время приведетъ снисходительность и прощенiе. Теперь это слишкомъ было бы рано.» Таковъ былъ слово въ слово отвѣтъ Бонапарте. Если сравнить оный съ тѣмъ, что онъ говорилъ на островѣ Св. Элены объ этомъ же дѣлѣ, то увидятъ что мысль его оставалась почти таже; но что онъ только выразилъ ее съ бо̀льшимъ спокойствiемъ, которое сообщаютъ время и великiя несчастiя а не со вспыльчивою живостью 1800 года (*).

Бонапарте очень любилъ противоположности; такъ напримѣръ я помню, что въ тоже самое время какъ онъ столь строго поступилъ съ Генераломъ Латуръ-Фуассакомъ, онъ не пренебрегъ заняться труппою актеровъ, которыхъ онъ хотѣлъ послать въ Египетъ или лучше сказать, показывалъ видъ, будто бы хочетъ послать, потому что объявленiе о такомъ намѣренiи заставило бы повѣрить процвѣтанiю въ Египтѣ нашей колонiи. Консулы съ важностью поручили исполненiе сего великаго проэкта Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который въ свою очередь передалъ это порученiе актеру Флорансу, режиссеру Французской Комедiи.

(*) Въ *Дневникѣ* написано: «Это конечно было дѣйствiе противозаконное и тиранское; но тутъ это было необходимое зло; виною же тому были законы. Хотя бы онъ былъ сто разъ, тысячу разъ виновенъ, а сомнительно чтобы его осудили; почему я поразилъ его орудiемъ чести и мнѣнiя.»

Консулы, въ инструкціи своей Министру говорили, что въ труппу не дурно будетъ помѣстить и нѣсколько танцовщицъ, что совершенно согласуется съ составленною Наполеономъ запискою, съ означеніемъ предметовъ, которые онъ считалъ нужными для Египетской экспедиціи. Ужъ конечно Первый Консулъ не полагалъ ни малѣйшей важности въ этихъ бездѣлкахъ; но онъ охотно занимался ими, когда видѣлъ въ нихъ средство къ достиженію своей цѣли.

Первый Консулъ имѣлъ странныя понятія о литературной собственности и для показанія оныхъ, достаточно будетъ напомнить случай, лично ко мнѣ относящійся. Узнавъ, что на Одеонскомъ театрѣ играютъ *Ненависть къ людямъ и Раскаяніе*, онъ сказалъ мнѣ: «Бурієннъ, тебя обокрали.—Меня, Генералъ, какимъ это образомъ?—Тебя обокрали, говорю я тебѣ; играютъ твою пiесу; должно требовать удовлетворенія!» Здѣсь необходимо краткое объясненіе, дабы можно было понять этотъ небольшой разговоръ. Находясь въ Варшавѣ, я для забавы перевелъ знаменитую драму Коцебу; въ Италіи я давалъ Наполеону мой переводъ, который онъ прочелъ, могу сказать съ удовольствіемъ, ибо онъ очень любилъ эту пiесу. Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ смотрѣть представленіе оной и всякой разъ, возвратясь

изъ театра настаивалъ, чтобы я требовалъ удовлетворенія за такъ называемую имъ мою собственность. Тщетно представлялъ я ему, что иностранныя сочиненія принадлежатъ всякому, кто можетъ перевести ихъ;—онъ не отставалъ отъ своего мнѣнія. Я принужденнымъ нашелся замѣтить ему, что занятія мои при немъ не позволяли мнѣ заводить литературныя тяжбы. Тогда онъ сталъ уговаривать меня перевести Verther's leiden (*Страданія Вертера*). Я отвѣчалъ ему, что книга сія, переведена уже, хоть и очень посредственно, на Французскій языкъ и что я не имѣю возможности удѣлить на этотъ трудъ время, коего сочиненіе заслуживало. Я прочиталъ ему только одно письмо, мною переведенное, которымъ онъ повидимому остался очень доволенъ и тѣмъ это кончилось.

ГЛАВА XV.

Пріуготовительное Консульство. — Два человѣка въ одномъ. — Наружность и существенность.—Безкорыстныя добродѣтели Сіеса.—Первый Консулъ и журналы.—Почетныя сабли.— Первый Консулъ и *товарищъ* его. — Письмо къ одному солдату.—Шагъ къ Монархіи—Бюстъ Брута.—Умышленная скромность.—Изъясненіе статуй. — Тщетныя попытки. —Прокламація. — Отдѣленія Государственнаго Совѣта. — Бархатныя платья.—Перемѣненное слово. — Любимый нарядъ. — Большіе и малые маскарады. — Латинскій языкъ Наполеона.—Оперный балъ.—Различныя причины и общее одобреніе.—Возвращеніе сосланныхъ. — Милость послѣ немилости.—Барреръ.—Безполезное письмо.

Я почти готовъ назвать *пріуготовительнымъ Консульствомъ* время Консульскаго правленія, проведенное Наполеономъ въ Люксембургѣ. Дѣйствительно тамъ посѣялъ онъ первыя сѣмена ве-

ликихъ вещей, имъ замышляемыхъ и учрежденiй, которыми онъ хотѣлъ ознаменовать свое достиженiе власти. Въ немъ было тогда два человѣка: Республиканскiй Генералъ, коему необходимо было показывать себя предъ всѣми другомъ свободы и правилъ, установленныхъ Революцiею;—и честолюбивый мужъ, втайнѣ обдумывающiй ниспроверженiе этой свободы и этихъ правилъ, и скрытно готовящiйся уничтожить то, что необходимость заставляла его явно дѣлать. Что касается до меня, то видя вдругъ обоихъ человѣкъ, составлявшихъ Наполеона, не смотря на давнюю мою привычку, я часто былъ пораженъ изумленiемъ видя съ какимъ непостижимымъ искуствомъ онъ умѣлъ проводить тѣхъ, которые могли бы проникнуть въ его замыслы. Это высшее лицемерство, которое можно назвать, если угодно глубокою политикою, было въ самомъ дѣлѣ необходимо для исполненiя его намѣренiй; но иногда, какъ будто для того, чтобы не отвыкнуть,—онъ употреблялъ его въ обстоятельствахъ, совершенно второстепенныхъ: такъ напримѣръ, извѣстно что онъ думалъ о ненасытной жадности Сiеса; но предложивъ Совѣту Старѣйшинъ дать этому его товарищу подъ именемъ *нацiональной награды*, цѣну его послушной отставки,— онъ въ предложенiи своемъ сказалъ, что это дѣлается въ награду *его безкорыстныхъ добродѣтелей!*

Въ Люксембургѣ же, Бонапарте дѣйствіемъ Консульской власти обнаружилъ, сколь свобода тисненія была для него ненавистна между всѣми другими свободами, изъ коихъ онъ ни одну не любилъ.

27 Нивоза, Консулы — или лучше сказать Первый Консулъ издалъ указъ, коего цѣль была очевидно противна, выставленной въ ономъ цѣли.

«Консулы Республики—было сказано въ ономъ «—принимая въ соображеніе, что часть журна«ловъ, издаваемыхъ въ Парижѣ, суть орудія *въ «рукахъ враговъ Республики* и что Правитель«ству поручено Французскимъ народомъ пещись «о его безопасности,—опредѣляютъ:

«Министръ Полиціи не дозволитъ *во все про«долженіе войны* печатать, издавать и разсы«лать никакихъ другихъ журналовъ, кромѣ ни«жеозначенныхъ:

«Всеобщій Монитёръ.

«Журналъ Преній и Указовъ.

«Парижскій Журналъ.

«Благоизвѣщаемый.

«Публицистъ.

«Другъ законовъ.

«Ключь Кабинета.

«Французскій Гражданинъ.

«Французская Газета.

«Журналъ Свободныхъ Людей.

«Вечерній Журналъ.

«Журналъ Защитниковъ Отечества.

«Философическая Декада.

«И журналовъ, занимающихся *исключительно* науками, искуствами, литературою, торговлею и объявленіями.»

Указъ сей конечно можно счесть *предуготовительнымъ* и приведенный мною изъ онаго отрывокъ можетъ служить мѣриломъ для оцѣнки бо́льшей части актовъ, коими Бонапарте желалъ пріобрѣсть въ пользу утвержденія своей власти, то чего онъ просилъ подъ видомъ однѣхъ только выгодъ друзей Республики; притомъ же запрещеніе только *на время продолженія войны* имѣло видъ какъ бы *временной* мѣры, оставляющей еще нѣкоторую надежду на будущее; но срокъ такихъ временныхъ мѣръ чрезвычайно какъ неопредѣлителенъ, а Бонапарте умѣлъ растягивать его до безконечности. Въ указѣ было еще сказано, что изъ дозволяемыхъ журналовъ, тѣ, которые будутъ заключать въ себѣ статьи, противныя *самодержавію народа* немедленно запретятся. По правдѣ сказать, въ этомъ отношеніи была оказана большая снисходительность, даже послѣ коронаціи!

Учрежденіе почетныхъ сабель и ружей также послѣдовало въ Люксембургѣ; и кто не видитъ, что это было только *пріуготовленіе* къ учрежденію Почетнаго Легіона. Гренадерскій

Сержантъ Леонтій Онъ, награжденный при первой раздачѣ этихъ почетныхъ оружій, легко *получилъ дозволеніе* письменно благодарить Перваго Консула. Бонапарте хотѣлъ формально ему отвѣчать и продиктовалъ мнѣ къ Ону слѣдующее письмо:

«Я получилъ письмо твое, *храбрый мой то«варищъ*; ты не имѣешь нужды говорить мнѣ «о своихъ подвигахъ: ты храбрѣйшій изъ всѣхъ «Гренадеровъ арміи по смерти мужественнаго «Бенезета. Ты получилъ одну изъ ста сабель, «розданныхъ мною арміи. Всѣ солдаты были «согласны въ томъ, что ты больше всѣхъ ее «заслуживаешь.

«Я очень желаю съ тобою опять увидѣтся. «Военный Министръ посылаетъ тебѣ приказъ «пріѣхать въ Парижъ.»

Ласки, оказываемыя солдату, чрезвычайно какъ достигали цѣли, которую предполагалъ себѣ Бонапарте. Письмо къ Ону не могло не распространиться въ цѣлой арміи. Сержантъ, котораго первый полководецъ Франціи называетъ *своимъ храбрымъ товарищемъ*! Кто бы такъ поступилъ, кромѣ истиннаго Республиканца, страстно приверженнаго къ равенству? Сего было достаточно для приведенія въ восторгъ арміи. Правда, что въ тоже время, Наполеону начало казаться слишкомъ тѣсно въ Люксем-

бургѣ, и стали уже дѣлать прiуготовленiя въ Тюлiери.

Однакожъ этотъ великiй шагъ къ возстановленiю Монархiи слѣдовало приготовить съ осторожностью; надобно было внушить, что не одинъ только Король можетъ обитать въ этомъ древнемъ Королевскомъ дворцѣ. Какъ въ такомъ случаѣ поступить? Изъ Италiи привезли прекрасный бюстъ Брута, а Брутъ умерщвлялъ тирановъ! Посему Давиду было торжественно поручено поставить Юнiя Брута въ одной изъ Тюлiерiйскихъ галерей. Какого еще было требовать сильнѣйшаго доказательства, что Наполеонъ не расположенъ къ полученiю верховной власти. И какъ, въ тоже самое время, бюстъ не могъ сдѣлать никакого зла, то все было къ лучшему и прекрасно придумано.

Спать въ Тюлiери въ опочивальнѣ Королей Французскихъ, было все, чего желалъ Бонапарте, зная что прочее придетъ послѣ. Онъ хотѣлъ нѣкоторымъ образомъ положить основу, для выведенiя изъ оной впредь послѣдствiй; отсюда произошло умышленное неупотребленiе въ бумагахъ имени Тюлiери, который называли только Дворцемъ Правительства. Первыя прiуготовленiя были скромны, ибо добрый Республиканецъ не долженъ любить роскоши. Посему Леконтъ, бывшiй въ то время Тюлiерiйскимъ архитекторомъ, получилъ только приказанiе

вычистить этотъ дворецъ; каковое выраженіе могло имѣть разныя значенія, по бывшимъ въ томъ зданіи засѣданіямъ разныхъ собраній. Для сего признано достаточнымъ пяти сотъ тысячъ франковъ. Бонапарте по возможности старался скрывать важность, которую онъ полагалъ въ перемѣнѣ своего Консульскаго жилища. Посему мало надобно было издержекъ для покоевъ Перваго Консула и въ тоже время требовались важныя, суровыя украшенія, какъ то мраморы и статуи, для дворца Правительства.

Бонапарте, не оставляя ничего безъ вниманія, самъ назначилъ чьи именно статуи долженствовали украсить большую Тюлерійскую галерею. Изъ Грековъ выбралъ онъ Демосѳена и Александра, желая въ тоже время почтить и геній краснорѣчія и геній побѣдъ. Статуя Аннибала предназначалась для того чтобы напоминать величайшаго врага Рима; а самъ Римъ былъ представляемъ въ Консульскомъ Дворцѣ Сципіономъ, Цицерономъ, Катономъ, Брутомъ и Цесаремъ, поставя такимъ образомъ великую жертву подлѣ своего убійцы. Между великими мужами новѣйшихъ временъ, онъ отдалъ предпочтеніе сперва Густаву Адольфу, а потомъ Тюренню и Великому Конде; Тюренню, коего онъ столько удивлялся великимъ соображеніямъ а Конде дабы показать, что воспоминаніе о Бурбонахъ нисколько не страшитъ его и что онъ

умѣетъ всякому воздавать должную честь. Воспоминанiе о прекраснѣйшихъ дняхъ Французскаго флота, было возбуждаемо статуею Дюге-Труена. Марлборугъ и Принцъ Евгенiй также получили мѣсто въ галереѣ какъ бы для того, чтобы свидѣтельствовать о бѣдствiяхъ конца великаго царствованiя; а Маршалъ Саксъ, дабы показать, что царствованiе Лудовика XV было не совсѣмъ безъ славы. Изображенiя Фридриха и Вашингтона противопоставляли ложную Философiю на престолѣ—истинной мудрости, основавшей свободное государство. Наконецъ имена Дюгомье, Дампiерра и Жубера долженствовали выставить предъ цѣлымъ свѣтомъ высокое уваженiе, питаемое Наполеономъ къ его бывшимъ сподвижникамъ, къ этимъ знаменитымъ жертвамъ дѣла, которое онъ уже болѣе не считалъ своимъ собственнымъ.

Выше упомянуто, какiя попытки дѣлалъ Бонапарте для склоненiя Англiи и Австрiи ко вступленiю въ переговоры съ Консульскимъ Правленiемъ, которое Король Прусскiй призналъ первый изъ всѣхъ Государей Европы. Эти попытки остались безполезными; надобно было дать войнѣ новую дѣятельность, объявивъ въ тоже время почему миръ, обѣщанный въ первые дни Консульства, оставался только обѣщаннымъ. Для достиженiя вмѣстѣ этихъ обѣихъ цѣлей, Бо-

напарте издалъ къ арміямъ слѣдующее сильное воззваніе:

«Солдаты,

«Обѣщавъ миръ Французскому народу, я «былъ вашимъ отголоскомъ: мнѣ извѣстна ваша «слава.

«Вы тѣже люди, которые завоевали Голлан«дію, Рейнъ, Италію и даровали миръ подъ «стѣнами изумленной Вѣны.

«Солдаты, ужъ не ваши границы слѣдуетъ «защищать, а должно вторгнуться въ предѣлы «непріятельскіе.

«Изъ васъ нѣтъ ни одного, который бы не «сдѣлалъ нѣсколькихъ походовъ, который бы «не зналъ что самое необходимое качество сол«дата есть то, чтобы умѣть терпѣливо перено«сить лишенія: многіе годы дурнаго управленія «не могутъ въ одинъ день быть исправлены.

«Какъ первому сановнику Республики, мнѣ «въ особенности будетъ пріятно сдѣлать извѣст«ными цѣлому государству тѣ полки, которые «соблюденіемъ воинской дисциплины и храбро«стью своею содѣлаются достойными быть наз«ванными подпорами отечества.

«Солдаты, когда наступитъ время, я буду по«среди васъ и изумленная Европа станетъ пом«нить, что вы происходите отъ храбраго пле«мени.»

Это воззваніе замѣчательно тѣмъ, что оно не

заключалось по введенному обычаю, священными словами: *Да здравствуетъ Республика!*

Въ тоже время Бонапарте оканчивалъ учрежденіе Государственнаго Совѣта, раздѣливъ его на пять отдѣленій, а именно: Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Флота, Военное и Законодательное; назначилъ по двадцати пяти тысячъ франковъ содержанія Государственнымъ Совѣтникамъ и по тридцати пяти тысячъ Предсѣдателямъ отдѣленій; опредѣлилъ мундиры Консуловъ, Министровъ и различныхъ Государственныхъ Корпусовъ. Тогда увидѣли возвратившійся обычай ношенія бархата, изгнанный со временъ послѣдняго царствованія и дабы поднять Ліонскія мануфактуры было опредѣлено употребить эту не Республиканскую ткань на шитье мундировъ для Консуловъ и для Министровъ. Такимъ образомъ, въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ, постоянною мыслью Наполеона было то, чтобы изгладить Республику и такъ подготовить вещи, чтобы, по введеніи Монархіи въ нравы, —все было уже сдѣлано тогда какъ останется перемѣнить одно только слово. Впрочемъ я долженъ сказать, что не со мною Первый Консулъ занимался этими важными бездѣлками; еслижъ онъ это дѣлалъ, то съ тѣмъ чтобы надъ ними посмѣяться; не помню видалъ ли я его когда нибудь въ Консульскомъ нарядѣ, который онъ ненавидѣлъ и рѣшался надѣвать на себя только

при всенародныхъ церемоніяхъ. Единственная одежда, которую онъ любилъ, и которая ему казалась спокойною, былъ скромный походный нарядъ, въ коемъ онъ покорилъ древній Еридань и Нилъ и началъ порабощеніе Сены; это былъ мундиръ Вожатыхъ, а Бонапарте страстно былъ привязанъ къ сему корпусу. Надобно признаться что это пристрастіе было вполнѣ заслуживаемо. Можно ли было видѣть болѣе преданности, болѣе знанія своего дѣла и болѣе мужества! Въ глубинѣ души своей, Бонапарте всегда презиралъ Консульскую мишуру.

Не одни только эти большіе маскарады Первый Консулъ призвалъ на помощь къ своей политикѣ. Въ эпоху VIII года, соотвѣтствовавшую масляницѣ 1800, начали въ Парижѣ вновь показываться маски; наряжанье вошло въ моду и Бонапарте благопріятствовалъ возврату прежнихъ увеселеній; вопервыхъ это было также какъ прежде, а притомъ это забавляло народъ; и если онъ взялъ себѣ за правило, что на полѣ сраженія, надобно раздѣлять непріятеля для одержанія надъ нимъ побѣды, то онъ также зналъ, что должно забавлять народъ для того, чтобы поработить его. Бонапарте не говорилъ panem et circenses, ибо думаю, что знаніе его по Латыни такъ далеко не простиралось, хотя это изреченіе Ювенала и очень извѣстно; но онъ употреблялъ

его на дѣлѣ. Такимъ-то образомъ онъ дозволилъ открыть вновь Оперные балы' и люди, жившіе въ эту Консульскую эпоху знаютъ, что это дѣйствительно сочлось въ Парижѣ важнымъ событіемъ. Одни радовались, видя въ этомъ еще небольшую побѣду въ пользу прежняго порядка вещей; тѣже, которымъ сіе по этой самой причинѣ должно бы казаться досаднымъ, были люди важные, но не довольно прозорливые для того, чтобы оцѣнить владычество малыхъ вещей надъ большими; женщины и молодые люди не размышляли, но увлекались прелестью удовольствій; а Бонапарте радовался этому легкомысленному отводу болтовни Парижскихъ гостиныхъ. «Пока они станутъ объ этомъ говорить,» сказалъ онъ мнѣ однажды, «они не будутъ болтать о политикѣ, а мнѣ того и надобно; пусть они забавляются и пляшутъ, лишь бы не совались въ дѣла Правительства. Впрочемъ, Буріеннъ,» прибавилъ онъ, «у меня есть на это другія причины; я вижу тутъ и иныя выгоды: торговля пріостановилась; Фуше донесъ мнѣ, что купцы жалуются; это дастъ нѣкоторый оборотъ деньгамъ. Притомъ же я мало забочусь о Якобинцахъ. Неужели все должно быть худо потому, что это не новое. Я лучше люблю Оперные балы, чѣмъ ихъ сатурналіи въ честь богини разсудка. Меня ни-

когда еще съ такимъ восторгомъ не встрѣчали какъ на послѣднемъ разводѣ!»

Консульское опредѣленіе другаго свойства и несравненно болѣе важное, за нѣсколько времени передъ тѣмъ, т. е. въ началѣ Нивоза, обрадовало великое число семействъ. Бонапарте, какъ извѣстно, устроилъ 18 Фруктидора для того, чтобы имѣть основательный предлогъ для ниспроверженія Директоріи; ниспровергнувъ же Директорію, онъ захотѣлъ, покрайней мѣрѣ хоть частью поправить то, что было сдѣлано 18 Фруктидора. Для сего онъ приказалъ Министру Полиціи представить себѣ списки сосланнымъ и сорока человѣкамъ изъ нихъ дозволилъ возвратиться во Францію, помѣстивъ ихъ однакоже подъ надзоръ сего Министра и назначивъ имъ мѣстопребываніе.

Большая часть изъ отличныхъ людей, возвращенныхъ Наполеономъ въ отечество, не долго оставались подъ надзоромъ Полиціи; весьма многіе изъ нихъ были вскорѣ помѣщены Правительствомъ въ высокія должности, къ коимъ таланты ихъ, казалось ихъ призывали. Въ самомъ дѣлѣ весьма естественно было, что Бонапарте, желая еще, покрайней мѣрѣ для вида, основать свое правительство на началахъ умѣреннаго Республиканства, бывшаго причиною ихъ ссылки, призывалъ ихъ для содѣйствія ему въ трудѣ его.

Баррерѣ написалъ къ Первому Консулу помѣщенное въ концѣ сей части оправдательное письмо; но Бонапарте не хотѣлъ объ немъ и слышать не въ состояніи будучи довести себя до такой степени, чтобы любить Баррера. Призывая въ совѣты Консульства людей, изгнанныхъ Директоріею,—онъ дѣйствовалъ точно также, какъ призвавъ въ послѣдствіи эмигрантовъ, этихъ изгнанниковъ Республики, къ занятію высшихъ мѣстъ Имперіи. Только во времени и въ людяхъ существовало различіе, но мысль была таже.

ГЛАВА XVI.

Бонапарте и Павелъ I.—Лордъ Витвортъ. — Баронъ Спренгпортенъ въ Парижѣ.—Вандея. — Брюнъ и Гедувиль.— Гражданское уложеніе. — Французскій банкъ. — Генералъ Макъ въ Парижѣ.—Исполнившееся пророчество. — Хвастовство и посредственность.—Дорога въ Мальмезонъ.—Попытки къ похищенію. — Проэктъ празднества. — Храмъ Марса.—Абукирскія знамена. — Смерть Вашингтона.—Національный трауръ.—Приказъ арміи.—Честолюбивые расчеты.—Искусный ораторъ.—Г. де Фонтанъ. — Счастливое паденіе.—Праздникъ въ Марсовомъ храмѣ.—Витія и воины. —Два столѣтніе старца.—Бюстъ Вашингтона.

Первыя сношенія Наполеона съ Императоромъ Павломъ начались вскорѣ по вступленіи его въ Консулы. Обстоятельства оказались нѣсколько менѣе неблагопріятными; даже нѣкоторые неопре-

дѣлительные слухи, распространившiеся изъ Швейцарiи и съ береговъ Рейна, возвѣщали о возникшемъ охлажденiи между Русскими и Австрiйцами; а въ тоже время обнаруживалось великое несогласiе между дворами Лондонскимъ и Санктпетербургскимъ. Лордъ Витвортъ, бывшiй тогда Англiйскимъ Посланникомъ въ Россiи, получилъ приказанiе немедленно выѣхать изъ столицы и отправился въ Ригу. Англiйскiя суда были во всѣхъ гаваняхъ захвачены и по настоянiю Россiйскаго Императора, Прусская армiя начала угрожать Гановру. Бонапарте не терялъ времени и старался преклонить Павла къ содѣйствiю обширному замыслу, имъ составленному: онъ хотѣлъ предпринять сухимъ путемъ экспедицiю противъ Британскихъ колонiй въ Восточной Индiи (*).

Прiѣздъ Барона Спренгпортена въ Парижъ причинилъ живѣйшее удовольствiе приверженцамъ Консульскаго Правленiя, то есть почти всѣмъ.

Г. Спренгпортенъ родился въ Шведской Финляндiи. Пожалованный Екатериною Камергеромъ

(*) Не помню въ какомъ-то сборникѣ читалъ я приписанное Наполеону слѣдующее изреченiе: *За Россiею ничего болѣе нѣтъ!* Невозможно чтобы Бонапарте сказалъ такую безсмыслицу, столь противорѣчащую обыкновеннымъ его мыслямъ, послѣ того какъ онъ видѣлъ Востокъ и безпрестанно обращалъ взоры на эти обширныя страны и на Англiйскiя владѣнiя въ Индiи.

и Генералъ-Лейтенантомъ ея арміи, онъ удостоился такогоже благоволенія отъ Императора Павла какъ отъ его матери и всегда пользовался особеннымъ при немъ отличіемъ. Бонапарте былъ чрезвычайно доволенъ избраннымъ Павломъ посредникомъ. Мы легко могли видѣть, сколь много Павелъ имѣлъ довѣренности. къ Г. Спренгпортену; и какъ сей послѣдній успѣшно исполнилъ данное ему порученіе, то Императоръ часто изъявлялъ ему свое удовольствіе.

Благорасположеніе Павла I къ Наполеону причиняло сему послѣднему живѣйшее удовольствіе, ибо оно казалось ему ступенью для того чтобы самому сдѣлаться Государемъ. Съ другой стороны Вандейскія дѣла начали принимать лучшій оборотъ и онъ надѣялся вскорѣ достигнуть внутренняго замиренія, пламенно имъ желаемаго. Генералъ Брюнъ предводительствовалъ Западною арміею, а Генералъ Гедувиль, коему въ особенности были поручены переговоры съ Вандейскими вождями, былъ способнѣе всякаго другаго своимъ вѣжливымъ обхожденіемъ привести сіи переговоры къ благопріятному заключенію; не прежде однакожъ какъ по прошествіи нѣкотораго времени эта опасная рана совершенно закрылась.

Во время жительства Перваго Консула въ Люксембургѣ, былъ сдѣланъ Законодательному Корпусу первый докладъ о Гражданскомъ Уло-

женіи; тамъ же было издано положеніе о Французскомъ Банкѣ и основано это заведеніе, недостававшее Франціи.

Въ Парижѣ тогда находился несчастно знаменитый человѣкъ, самый злополучный изъ новѣйшихъ полководцевъ—однимъ словомъ, Генералъ Макъ. Я бы не сталъ говорить здѣсь о его извѣстной посредственности, еслибъ не пророческое сужденіе, которое Бонапарте тогда о немъ произнесъ. Макъ принужденъ былъ отправиться въ Шампіонне за нѣсколько мѣсяцевъ до отплытія нашего изъ Фрежюса. Его приняли какъ военноплѣннаго и назначили ему пребываніемъ городъ Дижонъ, гдѣ онъ пробылъ до 18 Брюмера. Бонапарте, сдѣлавшись Консуломъ, позволилъ ему пріѣхать въ Парижъ и жить тамъ на честное слово. Онъ просилъ дозволенія возвратиться въ Вѣну; и хотя обязывался пріѣхать обратно, если Императоръ Францискъ не согласится въ обмѣнъ за него выдать Генераловъ Периніона и Груши, находившихся тогда въ Австріи въ плѣну, но ему не дали сего дозволенія, а написали прямо Вѣнскому двору о предложеніи, имъ сдѣланномъ. Вѣнскій дворъ отказалъ, вѣроятно не считая освобожденіе Мака столь важнымъ, какъ онъ самъ надѣялся (*).

(*) Макъ убѣжалъ изъ Парижа въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1800 года. Въ послѣдствіи ему удалось оправдаться въ винѣ, ему приписываемой и войти въ милость къ Императору Австрійскому. Чрезъ хвастовство свое, происки и козни, онъ ус-

Бонапарте сказалъ мнѣ однажды, говоря объ немъ: «Макъ одинъ изъ самыхъ посредственныхъ людей какихъ я видалъ въ моей жизни. Исполненный самонадѣянности и честолюбія, онъ считаетъ себя способнымъ ко всему. Онъ теперь ужъ ничего не значитъ, но желательно, чтобы когда нибудь ему случилось подраться съ однимъ изъ нашихъ хорошихъ Генераловъ; его бы славно отдѣлали; мастеръ хвастать и больше ничего; это одинъ изъ самыхъ неспособныхъ людей въ свѣтѣ и къ тому надобно прибавить, что онъ несчастливъ.» Эти слова Наполеона, внушенныя тогда прошедшимъ, совершенно оправдались въ послѣдствіи.

Бонапарте говорилъ мнѣ это о Макѣ въ Мальмезонѣ, который очень не походилъ на то, чѣмъ онъ сдѣлался въ послѣдствіи и дорога къ нему не была, ни удобною, ни безопасною. Такъ какъ дни тогда были еще коротки, то намъ приходилось проѣзжать въ темнотѣ мимо каменоломенъ, простирающихся до большой дороги. Тамъ не было тогда жилищъ и по вече-

пѣлъ опять попасть въ службу. Онъ вездѣ кричалъ противъ Франціи, твердя только о желаніи своемъ отмстить за плѣнъ свой въ Парижѣ. Дѣйствія не соотвѣтствовали угрозамъ: извѣстно какъ онъ отмстилъ при Ульмѣ въ началѣ кампаніи 1805 года. Онъ вѣрно заплатилъ бы головою за сдачу сего города, еслибъ Наполеонъ, бывшій тогда Императоромъ, не выговорилъ ему жизни въ одной изъ статей Пресбургскаго договора.

рамъ въ то время года, почти никто не проѣзжалъ по Сен-Жерменской дорогѣ. Многочисленные экипажи, заведенные для удобствъ зажиточныхъ людей и содержимые движенiемъ народонаселенiя, не разъѣзжали тогда какъ нынче по окрестнымъ дорогамъ Парижа. Все было печально, уединенно, опасно; и я достовѣрно узналъ, что дѣлали нѣсколько попытокъ къ захваченiю Перваго Консула; онѣ не имѣли успѣха и приказано было загородить каменоломни, слишкомъ приближавшiяся къ дорогѣ. Когда въ Субботу вечеромъ, Бонапарте выѣзжалъ изъ Люксембурга, а въ послѣдствiи изъ Тюлiери, съ тѣмъ чтобы отправиться въ Мальмезонъ, то я не могу изобразить удовольствiя, имъ ощущаемаго иначе, какъ сравнивъ его съ тѣмъ, которое чувствуютъ ученики, когда за ними присылаютъ, дабы взять ихъ на праздники домой.

Предъ переѣздомъ своимъ изъ Люксембурга на жительство въ Тюлiери, Бонапарте вознамѣрился поразить глаза Парижанъ блескомъ большой церемонiи. Онъ назначилъ днемъ оной декаду 20 Плювiоза, т. е. за десять дней до окончательнаго своего выѣзда изъ прежняго Директорскаго дворца. Эти церемонiи не походили тогда на тѣ, которыя устроивались въ послѣдствiи; онѣ заимствовали весь блескъ свой отъ представленiя величественнаго военнаго зрѣлища и вся-

кой разъ какъ Бонапарте садился на коня, окруженный блистательнымъ Штабомъ, отъ коего онъ отличался своею простотою — онъ былъ увѣренъ что Парижскіе жители бросятся къ нему на встрѣчу и будутъ привѣтствовать его лестными кликами. Цѣль торжества, сначала долженствовала только состоять въ представленіи въ Инвалидный Домъ, называвшійся тогда Храмомъ Марса, — семидесяти двухъ знаменъ, взятыхъ у Турокъ при Абукирѣ и привезенныхъ изъ Египта въ Парижъ; но получивъ извѣстіе о смерти Вашингтона, (умершаго 14 Декабря 1799 года), Бонапарте съ жадностью воспользовался этимъ случаемъ произвесть *болѣе впечатлѣнія* совокупивъ траурные кипарисы объ этомъ великомъ гражданинѣ съ послѣдними лаврами, пожатыми имъ въ Египтѣ. Онъ постарался какъ можно пышнѣе объявить объ этой новости и продиктовалъ мнѣ слѣдующій приказъ Консульской Гвардіи и Арміи.

«Вашингтонъ умеръ. Этотъ великій мужъ «сражался съ тираніею. Онъ утвердилъ свободу «своего Отечества. Память его будетъ всегда «драгоцѣнна Французскому народу, равно какъ «и всѣмъ свободнымъ людямъ обоихъ полушарій а въ особенности Французскимъ солдатамъ, «которые подобно ему и Американскимъ воинамъ, сражаются за свободу и равенство. Въ «слѣдствіе сего Первый Консулъ предписываетъ

«чтобы въ продолженіе десяти дней всѣ знамена «и штандарты Республики были обвиты черным флеромъ.»

Бонапарте былъ очень равнодушенъ къ смерти Вашингтона, основателя независимости въ Новомъ Свѣтѣ; но она случилась очень кстати для доставленія ему случая прикрыть свои замыслы громкими словами въ пользу свободы. Отдадимъ его памяти наружную почесть — это ничего не стоитъ, а сговорчивая Франція повѣритъ что тотъ, который столь торжественно учреждаетъ трауръ по Вашингтонѣ, возьметъ его себѣ за образецъ; обовьемъ въ честь ему печальнымъ флеромъ трофеи нашихъ побѣдъ и при отправленіи торжества сего, имена Вашингтона и Бонапарте выйдутъ вмѣстѣ изъ всѣхъ устъ; поручимъ искусному оратору осыпать цвѣтами своего краснорѣчія славу Героя Америки и онъ конечно найдетъ возможность кинуть нѣсколько оныхъ на славу Героя Франціи. Содержаніе рѣчи оратора будетъ безподобно: она поразитъ, она изумитъ умы картиною Америки; звучныя имена Вашингтона и Абукира потрясутъ своды Марсова Храма; народъ отвѣтитъ на этотъ лестный гулъ кликами; а мы между тѣмъ, безпрестанно устремляя глаза на Корону Франціи, однимъ шагомъ къ ней подвинемся; когда наступитъ время, то мы ужъ будемъ знать какъ завладѣть оною продолжая,

если нужно, восклицать: *Да здравствуетъ свобода*, при возложеніи оной на Императорскую главу нашу!

Искусный ораторъ нашелся: Г. де Фонтану было поручено произнесть похвальное слово въ память Вашингтона и цвѣты его краснорѣчія упали не всѣ на героя Америки.

Г. де Фонтану, равно какъ Сюару, Ла Гарпу и еще нѣсколькимъ сосланнымъ 18 Фруктидора, было первымъ дано дозволеніе возвратиться во Францію или лучше сказать Г. де Фонтану было дозволено не выѣзжать изъ нея, ибо онъ вовсе оттуда не отлучался; а жилъ скрытнымъ образомъ въ Парижѣ и по странному случаю былъ обнаруженъ: его сшибла съ ногъ лошадь близъ каруселя и объ немъ донесли Фуше, которому можетъ статься было извѣстно мѣсто его убѣжища. Какъ бы то ни было, а поелику это случилось черезъ восемь или десять дней послѣ 18 Брюмера, то опасность была уже менѣе велика. Маре, Лапласъ, Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели за него вступились и по ихъ же одобренію ему было поручено сдѣлать приступъ риторическими цвѣтами въ Марсовомъ храмѣ къ раздачѣ Академическихъ пальмъ.

Бонапарте поручилъ представленіе знаменъ Ланну, который 20 Плювіоза, въ сопровожденіи сильныхъ отрядовъ находившейся въ Парижѣ конницы, отправился въ залу совѣта Ин-

валидовъ, гдѣ его ожидалъ Военный Министръ, долженствовавшій принять оныя. Всѣ Министры, Государственные Совѣтники и Генералы были приглашены для присутствія при этомъ представленіи. Ланнъ произнесъ рѣчь, на которую Бертье отвѣтствовалъ (*); а Г. де Фонтанъ присовокупилъ свое расчитанное краснорѣчіе къ военному витійству двухъ Генераловъ. Во внутренности храма была поставлена статуя покоящагося Марса. На колоннахъ и на сводахъ висѣли трофеи Денена, Фонтенуа и Италіянскаго похода, которые и теперь еще тамъ же бы находились, еслибъ Наполеономъ не овладѣлъ демонъ завоеваній. Два столѣтніе инвалида были поставлены подлѣ Военнаго Министра; а бюстъ освободителя Америки осѣнили Абукирскими знаменами. Наконецъ прибѣгли ко всѣмъ средствамъ шарлатанства, употребляемымъ въ подобныхъ случаяхъ. Вечеромъ въ Люксембургѣ было многочисленное собраніе и Бонапарте очень радовался впечатлѣнію, произведенному этимъ прекраснымъ днемъ. Ему оставалось подождать только десять дней для того, чтобы переселиться въ Тюлеіри; въ тотъ самый день долженъ былъ кончиться трауръ по Вашингтонѣ. Его бы можно было замѣнить трауромъ по Республикѣ.

(*) Смотри приложенія.

ГЛАВА XVII.

Мюратъ.—Портретъ его.—Минута страха.—Мюратъ въ немилости.—Поѣздка въ Парижъ.—Первыя знамена, взятыя въ Италіи.—Госпожа Бонапарте и Госпожа Таліенъ.—Повышеніе Мюрата.—Первый Генералъ-Адъютантъ.—Продолженіе немилости—Мюратъ оставленъ въ Италіи.—Блистательные подвиги въ Египтѣ.—Карлъ и Мюратъ.—Мюратъ начальствуетъ Консульскою Гвардіею. — Нерасчетливость Іозефины.—Совѣты Г. Колло.—Сватовство. — Мюратъ и Каролина.—Опасеніе неравнаго брака.—Бонапарте преклоненъ.—Тайныя причины.—Приданое Каролины—Исторія двухъ ожерельевъ.—Большой успѣхъ маленькой комедіи.—Полиція.—Жюно.—Ложныя извѣстія.—Бюлетень Жюно.—Хитрость Фуше.— Обманутые Полицейскіе агенты.

Я очень мало говорилъ въ Моихъ Запискахъ о Мюратѣ; я только сказалъ, какое блистательное участіе онъ принималъ во многихъ сра-

женіяхъ. Достигнувъ теперь эпохи брака его съ сестрою Перваго Консула, мнѣ кажется приличнымъ обратиться къ занимательнымъ событіямъ, предшествовавшимъ сему браку, тѣмъ болѣе что это въ тоже время доставитъ мнѣ случай войти въ нѣкоторыя семейныя подробности, что я сдѣлаю со всевозможною скромностью, принятою мною за правило не отдаляясь впрочемъ отъ истины, коею я положилъ себѣ руководствоваться.

Мюратъ, красотою своей наружности, физическою силою, нѣсколько изысканною тщательностью въ своихъ ухваткахъ, горделивостью своего взгляда и кипящею отвагою въ битвахъ, менѣе походилъ на Республиканскаго солдата чѣмъ на одного изъ храбрыхъ витязей, столь хорошо изображенныхъ Аріостомъ и Тассомъ. Благородство лица его заставляло забывать простое его происхожденіе; онъ былъ ласковъ, вѣжливъ, учтивъ, а на полѣ битвы, двадцать человѣкъ, предводительствуемые Мюратомъ, стоили полка. Одинъ разъ однакоже Мюратъ *струсилъ* (*) и вотъ въ какомъ случаѣ онъ

(*) Маршалъ Ланнъ, столь мужественный, столь блистательный на войнѣ, и такъ хорошо умѣвшій цѣнить храбрость, строго пожурилъ однажды Полковника, наказавшаго Офицера, который только что пріѣхалъ изъ Фонтенблосской школы и испугался въ первомъ дѣлѣ: «Знайте Г. Полковникъ,» сказалъ онъ ему, «знайте, что одинъ только трусъ посмѣетъ хвалиться, что онъ никогда не ощущалъ страха.»

измѣнилъ своему обыкновенному характеру.

Когда въ первый Италіянскій походъ Бонапарте принудилъ Вурмзера войти обратно въ Мантуу съ 28-ю тысячами человѣкъ,—то Бонапарте хотѣлъ, чтобы Міоллисъ, только съ четырью тысячами отражалъ вылазки, которыя могъ сдѣлать Австрійскій Генералъ. При одной изъ этихъ вылазокъ Мюрату приказано было со слабымъ отрядомъ ударить на Вурмзера. Онъ *струсилъ*, не исполнилъ приказа и въ первую минуту смятенія, сказался раненымъ. Съ тѣхъ поръ Мюратъ впалъ въ немилость у Главнокомандующаго, у коего онъ былъ Адъютантомъ.

Мюратъ прежде сего былъ посыланъ въ Парижъ съ порученіемъ представить Директоріи первыя знамена, взятыя Французскою армію въ Италіи въ сраженіяхъ при Дего и при Мондови. Въ эту-то поѣздку, Мюратъ познакомился съ Г-жею Таліенъ и съ женою своего Генерала; но онъ уже зналъ хорошенькую Каролину, которую онъ видѣлъ въ Римѣ у брата ея Іосифа, когда сей послѣдній исправлялъ должность Посланника Республики. Кажется даже, что и Каролина была къ нему тогда неравнодушна и что онъ былъ счастливымъ соперникомъ сына Принцессы Санта-Кроса, который очень за нею ухаживалъ. Г-жа Таліенъ и Г-жа Бонапарте благосклонно приняли старшаго Адъютанта Напо-

леона и, пользуясь большимъ довѣрiемъ у Директорiи, исходатайствовали ему чинъ Бригаднаго Генерала. Въ то время даже замѣчательно было, что Мюратъ не смотря на чинъ сей, остался Адъютантомъ Бонапарте, ибо тогдашнiя постановленiя не дозволяли имѣть Адъютантовъ старѣе чиномъ Бригаднаго Командира, который равнялся съ чиномъ Полковника. Это было небольшое, заблаговременное посягательство на право, предоставляемое вездѣ только Государямъ.

По исполненiи сего порученiя, Мюратъ возвратясь въ Италiю, впалъ въ немилость у Главнокомандующаго, который какъ будто лишивъ его своей прiязни, помѣстилъ его въ дивизiю Релья, а потомъ къ Бараге-д'Илiе; такъ что по прiѣздѣ нашемъ въ Парижъ, послѣ Кампо-Формiйскаго договора, Мюратъ не былъ съ нами. Но какъ *дамы*, принимавшiя въ немъ большое участiе, имѣли вѣсъ въ Военномъ Министерствѣ, то онѣ выхлопотали назначенiе Мюрата въ Египетскую армiю, и онъ былъ помѣщенъ въ Генуезскую дивизiю. На кораблѣ *Востокъ* Мюратъ постоянно оставался въ немилости; въ продолженiе плаванiя, Бонапарте ни разу не говорилъ съ нимъ; даже въ Египтѣ Главнокомандующiй всегда обходился съ нимъ холодно и часто удалялъ его изъ Главной Квартиры, давая ему трудныя порученiя. Когда же

Главнокомандующій послалъ его противъ Мурадъ-Бея, то Мюратъ сдѣлалъ такія чудеса храбрости; во всѣхъ опасныхъ сшибкахъ, онъ изгладилъ такимъ мужествомъ легкое пятно, нанесенное ему минутою нерѣшимости подъ стѣнами Мантуи; наконецъ, онъ столь много содѣйствовалъ счастливому успѣху дня при Абукирѣ, что Бонапарте, довольный пріобрѣтенною чрезъ сіе возможностью привезти во Францію послѣдній лавръ, пожатый въ Египтѣ,—забылъ минутное заблужденіе, рѣшась забыть и наговоренное ему о Мюратѣ; ибо хотя Бонапарте мнѣ этого и не сказывалъ, но я имѣю много причинъ думать, что имя Мюрата было произнесено вмѣстѣ съ именемъ Карла, устами Жюно при нескромности его у источниковъ Мессудіаскихъ. Натискъ Гренадеровъ, предводительствуемыхъ Мюратомъ 19 Брюмера, въ залу Пятисотнаго Совѣта, разсѣялъ послѣднія облака, и въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда политическая необходимость господствовала у Бонапарте надъ всѣми прочими чувствами, соперникъ Принца Санта-Кроса, былъ сдѣланъ начальникомъ Консульской Гвардіи.

Позволено думать, что Г-жа Бонапарте, стараясь привязать къ себѣ Мюрата чрезъ содѣйствіе его повышенію,—особенно имѣла въ виду то, чтобы пріобрѣсть себѣ лишняго приверженца для противопоставленія его братьямъ и

семейству Наполеона, въ чемъ она имѣла большую нужду. Завистливая ихъ ненависть при всякомъ случаѣ обнаруживалась; добрую Іозефину, которую можно упрекнуть развѣ только въ томъ, что она отчасти слишкомъ много была женщиною, мучили роковыя предчувствія; увлекаемая слабостію своего характера, она не видѣла, что кокетство, пріобрѣтавшее ей защитниковъ, въ тоже время доставляло противъ нея оружіе непримиримымъ врагамъ ся.

Въ этомъ положеніи вещей, Іозефина, совершенно увѣрясь въ томъ, что она привязала къ себѣ Мюрата узами дружбы и признательности, —пламенно пожелала видѣть его соединеннымъ съ Наполеономъ семейнымъ союзомъ и всѣми своими желаніями, всѣмъ вліяніемъ, благопріятствовала союзу его съ Каролиною. Она не могла не знать, что уже въ Миланѣ, между Каролиною и Мюратомъ было положено начало привязанности, дѣлавшей бракъ ихъ совершенно желательнымъ и она первая сдѣлала объ этомъ предложеніе Мюрату. Мюратъ не рѣшался и въ недоумѣніи своемъ, пошелъ посовѣтоваться съ Г. Колло, который при всякомъ случаѣ умѣлъ давать хорошіе совѣты и котораго короткость его сношеній съ Бонапарте, посвятили во всѣ семейныя его тайны. Г. Колло присовѣтовалъ Мюрату, не теряя времени, явнымъ

образомъ просить у Перваго Консула руку сестры его; въ слѣдствіе чего Мюратъ отправился въ Люксембургъ и представилъ просьбу свою Наполеону. Хорошо ли онъ сдѣлалъ? Этой просьбѣ онъ былъ обязанъ за Неаполитанскій престолъ; но еслибъ онъ отъ нея удержался, то не былъ бы разстрѣлянъ въ Пиццо. *Sed ipsi dei fata rumpere non possunt!*

Какъ бы то ни было, а Первый Консулъ принялъ—скорѣе какъ Государь, чѣмъ какъ сподвижникъ,—просьбу Мюрата; принявъ на себя важный видъ, онъ сказалъ, что подумаетъ и не далъ тотчасъ Мюрату опредѣлительнаго отвѣта.

Можно себѣ представить, что сватовство Мюрата было предметомъ вечерняго разговора въ Люксембургской гостиной; Госпожа Бонапарте употребила всю свою любезность, всѣ свои средства убѣжденія для того, чтобы получить согласіе Перваго Консула. Гортензія, Евгеній и я, къ ней присоединились. «Мюратъ,» сказалъ намъ Бонапарте между прочимъ, «сынъ трактирщика! Въ высокомъ санѣ, въ который возвели меня судьба и слава, я не могу смѣшать кровь его съ моею кровью! . . . Притомъ же не къ чему торопиться, я увижу.» Мы представили ему взаимную любовь двухъ молодыхъ людей; преданность Мюрата къ его особѣ; блистательную его храбрость и прекрасное поведеніе

въ Египтѣ. «Да,» сказалъ онъ съ жаромъ, «признаюсь, Мюратъ былъ безподобенъ при Абукирѣ!» . . . Мы не пропустили этой минуты расположенія, удвоили просьбы наши и наконецъ онъ согласился. Когда вечеромъ мы остались одни у него въ кабинетѣ: «Ну Буріеннъ,» сказалъ онъ мнѣ, «ты долженъ быть доволенъ; я и самъ доволенъ; по надлежащемъ размышленіи, Мюратъ пара сестрѣ моей; притомъ же не скажутъ, что я гордъ и ищу знатныхъ связей. Еслибъ я выдалъ сестру мою за дворянина, то всѣ ваши Якобинцы закричали бы, что я устроиваю противореволюцію. Притомъ же я очень радъ, что жена моя хлопотала объ этомъ бракѣ; ты можешь отгадать почему. Такъ какъ это уже рѣшено, то я поспѣшу дѣломъ; не должно терять времени; если я поѣду въ Италію, то хочу взять Мюрата съ собою; надобно дѣйствовать рѣшительно. До завтраго.»

На другой день въ семь часовъ утра, вошедъ въ комнату Перваго Консула, я увидѣлъ, что онъ еще довольнѣе чѣмъ наканунѣ принятымъ имъ намѣреніемъ; я легко замѣтилъ, что не смотря на всю свою прозорливость, онъ не угадывалъ настоящей причины, заставлявшей Іозефину принимать столь сильное участіе въ бракѣ Мюрата и Каролины. Даже въ самомъ удовольствіи Наполеона мнѣ показалось, что въ ходатайствѣ жены своей онъ видѣлъ дока-

зательство лживости сдѣланныхъ на нея доносовъ въ связи ее съ Мюратомъ.

Бракосочетаніе Мюрата съ Каролиною происходило въ Люксембургѣ, но скромнымъ образомъ; Первый Консулъ не считалъ еще тогда своихъ семейныхъ дѣлъ, государственными дѣлами. Но до свершенія онаго, мы сыграли небольшую комедію, въ которой я не могъ не принять роли и которую я здѣсь разскажу.

При бракосочетаніи Мюрата, у Бонапарте не много было денегъ, почему онъ далъ сестрѣ своей только тридцать тысячъ франковъ приданаго. Чувствуя однакоже необходимость сдѣлать ей свадебный подарокъ, и не имѣя средствъ для покупки онаго, онъ взялъ у жены своей бриліантовое ожерелье и подарилъ его невѣстѣ. Іозефина вовсе не была довольна этою отдачею и начала придумывать средства для замѣны себѣ этого ожерелья.

Іозефина знала, что у знаменитаго ювелира Фонсіе было великолѣпное собраніе жемчуговъ, принадлежавшее по словамъ его Королевѣ Маріи Антуанеттѣ; приказавъ принести ихъ къ себѣ, она разсудила, что изъ нихъ можно сдѣлать прекрасный уборъ. Но для пріобрѣтенія оныхъ требовалось двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ, а откуда ихъ было взять? Госпожа Бонапарте прибѣгла къ Бертье, бывшему тогда Военнымъ Министромъ; Бертье, грызя себѣ по

привычкѣ своей ногти, согласился тотчасъ удовлетворить требованіямъ по госпиталямъ въ Италіи, и какъ удовлетворенные поставщики были въ то время очень признательны къ своимъ покровителямъ, то жемчуги перешли изъ магазина Фонсіе въ уборную Госпожи Бонапарте.

По пріобрѣтеніи такимъ образомъ убора изъ жемчуговъ, встрѣтилось другое затрудненіе, о которомъ Г-жа Бонапарте прежде не подумала. Какъ надѣть на себя ожерелье, купленное тайкомъ отъ мужа? Это было тѣмъ труднѣе, что Первый Консулъ зналъ, что у жены его нѣтъ денегъ, а ему были извѣстны всѣ драгоцѣнныя вещи Іозефины. И такъ жемчуги болѣе двухъ недѣль лежали въ ящикѣ у Г-жи Бонапарте, не смѣвшей надѣть ихъ; какое мученіе для женщины! . . . Наконецъ, не въ состояніи будучи долѣе выдержать, она однажды сказала мнѣ: «Бурiеннъ, завтра будетъ большое собраніе и я непремѣнно хочу надѣть мои жемчуги; но вы его знаете, онъ станетъ браниться, если что нибудь замѣтитъ; прошу васъ Бурiеннъ, не отходите отъ меня; если онъ спроситъ у меня, откуда я взяла жемчуги, то я тотчасъ отвѣчу ему, что они у меня давно.»

Все произошло какъ Іозефина боялась и надѣялась. Бонапартс, увидѣвъ жемчуги, не пропустилъ сказать женѣ своей: «Это что на тебѣ

такое? какъ ты сегодня нарядна! Откуда у тебя эти жемчуги, мнѣ кажется что я ихъ не знаю?—Ахъ Боже мой, ты десять разъ ихъ видѣлъ; это ожерелье, поднесенное мнѣ Цизальпинскою Республикою, которое я надѣла на голову.—Однакожъ мнѣ кажется . . .—Ну спроси вотъ у Бурiенна, онъ тебѣ тоже скажетъ.—Какъ по твоему мнѣнiю Бурiеннъ? помнишь ли ты это?—Да Генералъ, мнѣ очень помнится, что я ихъ уже видѣлъ» Я не солгалъ, ибо Г-жа Бонапарте мнѣ ихъ уже показывала и притомъ Iозефина точно получила жемчужное ожерелье отъ Цизальпинской Республики; но тѣ жемчуги были несравненно хуже Фонсiеровыхъ. Госпожа Бонапарте съ прелестною ловкостью сыграла свою ролю; я также не дурно отдѣлался отъ принятой мною на себя обязанности потакать ей и Бонапарте нисколько не усомнился. Видя увѣренность Госпожи Бонапарте, я невольнымъ образомъ вспомнилъ размышленiе Сузанны о способности честныхъ женщинъ обманывать, не показывая о томъ и вида.

Прежде переселенiя своего въ Тюлiери, Первый Консулъ учредилъ себѣ тайную Полицiю, которая въ тоже время надзирала и за дѣйствiями другой Полицiи. Сперва у него были для сего Дюрокъ и Монсей; потомъ Даву и Жюно. Госпожа Бонапарте называла это ремесло под-

лымъ шпіонствомъ. Мои замѣчанія о безполезности сей мѣры, были тщетны Бонапарте имѣлъ слабость бояться Фуше и считать его необходимымъ. Фуше, который слишкомъ извѣстенъ для того, чтобы я имѣлъ нужду хвалить искуство его въ этомъ родѣ, скоро узналъ и это внутреннее учрежденіе и имена низшихъ агентовъ, подкупаемыхъ главными. Трудно составить себѣ понятіе обо всѣхъ глупостяхъ, нелѣпостяхъ и басняхъ, заключавшихся въ этихъ донесеніяхъ. Умолчу обо всемъ, но опишу одинъ случай, лично до меня касавшійся.

Это было во второй годъ Консульства: мы жили въ Мальмезонѣ. Жюно получалъ большую сумму на содержаніе тайной Полиціи въ столицѣ; онъ платилъ три тысячи франковъ дрянному вѣстовщику;—остальное употреблялось на его конюшню и столъ. Читая эти донесенія, я нашелъ въ нихъ: *Г. Бурієннъ отправился вчера вечеромъ въ Парижъ. Заѣхавъ въ одинъ домъ Сен-Жерменскаго предмѣстія, въ Варенской улицѣ, онъ въ весьма жаркомъ разговорѣ, намекнулъ будтобы Первый Консулъ хочетъ сдѣлаться Королемъ* —Я никогда не открывалъ рта, ни на счетъ сказаннаго имъ мнѣ предъ отъѣздомъ въ Египетъ, что изложено мною въ сихъ *Запискахъ*, ни на счетъ того, что онъ часто говорилъ мнѣ въ эту эпоху о Консульствѣ.

Надобно замѣтить, что я никогда не уѣзжалъ и не могъ уѣхать ни на минуту изъ Мальмезона, ибо Первый Консулъ могъ меня спросить, а особенно въ ночь, о которой упоминалось въ этомъ донесеніи, онъ диктовалъ мнѣ бумаги и инструкціи до трехъ часовъ утра.

Жюно всякой день пріѣзжалъ въ Мальмезонъ въ одиннадцать часовъ утра; однажды я приказалъ позвать его въ кабинетъ, гдѣ я тогда былъ одинъ.—«Ты не читалъ свое донесеніе?—Напротивъ, очень читалъ. — Не можетъ быть.—Почему же?—Потому что ты исключилъ бы изъ него нелѣпость, до меня касающуюся.—А!.. мнѣ очень жаль но я увѣренъ въ моемъ агентѣ и не перемѣню ни слова въ его донесеніи.—Дурно сдѣлаешь.» Тутъ я разсказалъ ему, что въ эту ночь происходило. Онъ поупрямился и ушелъ.—Я всякое утро клалъ письма и бумаги для чтенія на столъ къ Первому Консулу. Я положилъ донесеніе Жюно на самый верхъ. Первый Консулъ входитъ и читаетъ. Дошедъ до статьи, до меня касавшейся, онъ началъ усмѣхаться. — «Читалъ ли ты это донесеніе?—Читалъ Генералъ.—Какъ Жюно глупъ.—Это я давно знаю.—Какъ онъ допускаетъ себя обманывать. Здѣсь ли онъ еще?—Полагаю: я только что его видѣлъ и какъ добрый товарищъ сдѣлалъ ему нѣкоторыя замѣчанія; но онъ и слышать не хотѣлъ.—Вели его позвать. Жюно вхо-

дитъ. — «Дуракъ ты, какъ можно представлять такiя донесенiя? Стало быть ты ихъ не читаешь? Кто мнѣ поручится въ томъ, что ты выставляешь и другихъ людей столько же несправедливо? Я хочу читать то что дѣйствительно случилось, а не выдумки. Агентъ твой давно ужъ мнѣ не нравится, прогони его сегодняже.» —Жюно хотѣлъ было оправдываться.—«Довольно. И слышать не хочу.»

Фуше, которому я разсказалъ этотъ случай, —объявилъ мнѣ, что онъ хотѣлъ позабавиться на счетъ Жюно, котораго агенты собирали свои свѣдѣнiя только въ кофейныхъ и въ игорныхъ домахъ и на Биржѣ. Что онъ велѣлъ разсказать эту нелѣпость и что Жюно повторилъ ее вмѣстѣ со многими другими. Фуше часто заводилъ агентовъ дворцовой Полицiи въ разставляемыя имъ сѣти; что еще болѣе увеличивало довѣрiе къ нему.

Этотъ случай и многiе другiе того же рода, начали уменьшать важность, которую въ первое время Бонапарте полагалъ въ Полицiи, дѣлавшей ему бóльшею частiю нелѣпыя и ложныя донесенiя. Эта несчастная Полицiя! она, въ мое время, отравляла жизнь его и часто вооружала его противъ жены, родственниковъ и друзей. Наконецъ онъ узналъ ее и освободился отъ ея пагубнаго влiянiя. Раппъ, стольже откровенный, сколь онъ былъ храбръ, гово-

ритъ намъ въ своихъ Запискахъ, что когда Наполеонъ при отступленіи своемъ изъ Москвы, узналъ передъ Смоленскомъ о безразсудной попыткѣ Малета, то онъ не могъ надивиться приключенію съ Министромъ Полиціи Савари и съ Префектомъ Полиціи Паскье. *Наполеонъ не удивлялся,* говоритъ Раппъ, *тому что эти бездѣльники,* (т. е. Полицейскіе шпіоны), *которые толпятся въ Гостиныхъ и въ Трактирахъ, которые вездѣ втираются и все искажаютъ, не могли открыть его заговора;* но онъ не постигалъ слабости Ровиго. *Эта Полиція,* которая все угадываетъ, допустила захватить себя въ расплохъ.

Пользовавшись полною довѣренностью Перваго Консула, я былъ посвященъ во всѣ тайны, и во множествѣ политическихъ дѣлъ, въ которыхъ я прямо или косвенно принималъ участіе, я имѣлъ случай настоящимъ образомъ оцѣнить племя вѣстовщиковъ, причиняющихъ много зла.

ГЛАВА XVIII.

Счастливый переходъ. — Люксембургъ становится тѣсенъ.—Республиканская щекотливость.—Выгодныя связи.— Искусная осторожность.—Пощаженіе. — Избранныя эпохи.—Соображеніе и исполненіе.—Пышность и простота.—Третій Консулъ въ Тюлери.—Отъѣздъ изъ Тюлери.—Фіакры и шестерка бѣлыхъ лошадей. — Сабля Императора Австрійскаго. —Королевскій обычай и надпись.—Смотръ.—Отданіе чести знаменамъ.—Клики.—Неумѣстность.—Г. Талейранъ въ кабинетѣ Наполеона.—Высокая политика.—Заранѣе одобренные совѣты.—Два Министерства вмѣсто двухъ Консуловъ. —Слова Бонапарте.—Представленія. — Консульскіе Спартанцы.—Уничтоженіе красныхъ шапокъ, даже и на картинахъ.—Простонародная привычка. — Парадная постеля.— *Нашъ* кабинетъ.—Описаніе.—Два письменные стола.—Кабинетъ Дюрока.

Изъ трехъ Консуловъ—близнецовъ, созданныхъ 18-мъ Брюмеромъ, Бонапарте въ непродолжительномъ времени объявилъ себя стар-

шимъ и присвоилъ себѣ значительное право старшинства; а вскорѣ потомъ захватилъ себѣ всю власть. Уже начиналъ для него выполняться замыселъ, который онъ составилъ себѣ, содѣйствуя всѣми своими средствами Революціи 18 Фруктидора. Тогда для его намѣреній нужно было, чтобы Директорія нарушила Конституцію, дабы въ послѣдствіи оправдать тѣмъ ниспроверженіе Директоріи. По словамъ, отъ времени до времени у него вырывавшимся, легко было заключить что честолюбіе его не удовлетворено и что Консульство есть только переходъ для совершеннаго возстановленія Монархическаго единства. И такъ Люксембургъ сдѣлался слишкомъ тѣсенъ для помѣщенія въ себѣ главы Правительства и было рѣшено, что Бонапарте переселится въ Тюліери. Но сколько ему было нужно благоразумія для того чтобы безопасно миновать подводные камни, его окружавшіе! А потому сколько онъ принялъ предосторожностей для того чтобы пощадить Республиканскую щекотливость и мало по малу пріучить оную къ температурѣ самовластія! Но этого было недостаточно, ибо вещи находились въ такомъ положеніи, что Бонапарте, поставленный между двумя партіями, Якобинцами и Роялистами, не могъ поразить одной изъ нихъ, не придавъ въ тоже время силы другой. Онъ разрѣшилъ эту трудную задачу ослабивъ обѣ пар-

тіи, въ чемъ успѣлъ устрашая попеременно то ту, то другую. «Роялисты,» казалось говорилъ онъ, «если вы не пристанете къ моему Правленію, то Якобинцы возстанутъ, а съ ними ужасъ и эшафоты.» А сынамъ Революціи: «Вы видите противо-Революцію представляющеюся грозною, вооруженною возмездіемъ и местью; она готова поразить васъ; одинъ только мой щитъ можетъ предохранить васъ отъ ея ударовъ!» Такимъ образомъ партіи долженствовали сблизиться въ слѣдствіе ненависти и опасеній, которыя онѣ другъ ко другу питали; думая стать подъ кровъ Главы Правительства, онѣ только отдали себя въ зависимость честолюбиваго человѣка и Бонапарте, смягчая ихъ мало по малу подъ силою своей воли — велъ ихъ какъ хотѣлъ по стезямъ своей политики. Онъ шелъ твердымъ шагомъ все впередъ, но не пренебрегалъ никакими предосторожностями, способными какъ можно долѣе прикрыть его намѣренія.

Видя дѣйствіе всѣхъ этихъ тайныхъ пружинъ, я удивлялся непостижимому искуству Наполеона; болѣе же всего изумляла меня въ немъ власть, которую онъ умѣлъ брать надъ собою всякой разъ, когда слишкомъ поспѣшное обнаруженіе его мыслей могло бы повредить его замысламъ. О Тюліери упоминали не иначе какъ подъ названіемъ Дворца Правительства; такимъ

образомъ, согласно со сдѣланными имъ заблаговременно распоряженіями, онъ рѣшился не жить тотчасъ одному въ древнихъ чертогахъ Французскихъ Королей; онъ удовольствовался назначеніемъ въ оныхъ для себя Королевскихъ покоевъ и захотѣлъ помѣстить въ немъ Третьяго Консула, который дѣйствительно занялъ Павиліонъ Флоры. Это искусное раздѣленіе совершенно согласовалось съ назначеніемъ Дворца Правительства и могло на нѣсколько времени провести прозорливыхъ людей.

Когда наступило время оставить Тюліери; то Бонапарте окружилъ себя еще множествомъ другихъ обманчивыхъ предосторожностей. День переѣзда Правительства былъ назначенъ тридцатаго Плювіоза (*); наканунѣ онаго Первый Консулъ приказалъ обнародовать собранные голоса касательно принятія Конституціи. Съ другой стороны, онъ отложилъ на десять дней помѣщеніе въ Монитёрѣ рѣчи, произнесенной Г-мъ де Фонтаномъ въ предъидущую декаду въ Марсовомъ Храмѣ. Онъ подумалъ что день, въ который онъ сдѣлаетъ столь великій шагъ въ Монархіи, очень прилично избрать для поддержанія въ Парижанахъ высокихъ мыслей о сво-

(*) По довольно странному сближенію, Пій VII былъ избранъ въ Папы за три дня до водворенія Перваго Консула въ Тюлієри; и въ самый день 30 Плювіоза произошло учрежденіе Республики Семи-Острововъ.

бодѣ и для совокупленія вновь имени его съ именемъ Вашингтона.

30 Плювіоза, утромъ, я по обыкновенію въ семь часовъ вошелъ въ комнату Перваго Консула; онъ крѣпко спалъ и этотъ день былъ одинъ изъ тѣхъ, въ которые онъ просилъ меня дать ему еще не много поспать. Я замѣтилъ, что вообще Бонапарте менѣе бывалъ встревоженъ въ минуту исполненія предположенныхъ имъ вещей, чѣмъ при соображеніи оныхъ; такъ онъ привыкъ считать рѣшенное имъ въ умѣ, какъ бы уже исполненнымъ.

По возвращеніи моемъ къ Наполеону, онъ сказалъ мнѣ съ видомъ очень явнаго удовольствія: «Ну, Буріеннъ! такъ наконецъ сегодня мы будемъ ночевать въ Тюліери. Ты, ты очень счастливъ; ты не обязанъ выставлять себя на позорище; ты пойдешь стороною. Но я долженъ вступить туда не иначе какъ со свитою; это мнѣ очень скучно; но надобно дать пищу глазамъ: это полезно для народа. Директорія была слишкомъ проста и потому не пользовалась никакимъ уваженіемъ. Въ арміи простота прилична; но въ большомъ городѣ, во дворцѣ, Глава Правительства долженъ привлекать къ себѣ всѣми возможными средствами; только надобно дѣлать это исподоволь. Жена моя поѣдетъ глядѣть смотръ изъ комнатъ Лебрёна;

поѣзжай, если хочешь съ нею; но будь въ кабинетѣ, какъ только увидишь, что я сойду съ лошади.»

Я не поѣхалъ на смотръ, но отправился своею дорогою въ Тюліери, дабы разложить бумаги въ нашемъ новомъ кабинетѣ и приготовить все къ приходу туда Перваго Консула; уже вечеромъ, изъ разговоровъ въ гостиной, гдѣ собраніе было многочисленно, узналъ я о происшедшемъ въ продолженіе дня.

Бонапарте отправился ровно въ часъ изъ Люксембурга. Свита его конечно далеко не подходила къ тѣмъ, которыя въ бытность его Императоромъ блистали такимъ великолѣпіемъ; но ей была придана вся пышность, какую состояніе роскоши дозволяло тогда во Франціи. Единственная настоящая пышность этого времени состояла въ красотѣ войскъ: было собрано три тысячи отборныхъ людей, между коими въ особенности отличался безподобный Полкъ Вожатыхъ. Всѣ шли въ величайшемъ порядкѣ имѣя въ головѣ музыку. Генералы и ихъ Штабы были верхами, а Министры ѣхали въ каретахъ, почти единственныхъ, которыя тогда существовали въ Парижѣ; ибо для перевозки въ полномъ составѣ Государственнаго Совѣта, принужденными нашлись прибѣгнуть къ фіакрамъ, закрывъ только номера ихъ бумагою подъ цвѣтъ съ кузовомъ. Одна только карета Перваго

Консула была запряжена шестью бѣлыми лошадьми и эти бѣлыя лошади возбуждали воспоминанie о славѣ и о мирѣ: это были тѣ самыя, которыхъ Императоръ Германiи подарилъ Главнокомандующему Италiянскою армiею при заключенiи Кампо-Формiйскаго договора. Бонапарте въ этотъ день имѣлъ на себѣ великолѣпную саблю, подаренную ему Императоромъ Францискомъ при томъ же случаѣ. Первый Консулъ, имѣя у себя по лѣвую руку Камбасереса, а впереди Г. Лебрёна, проѣхалъ такимъ образомъ часть Парижа по Тiонвильской улицѣ и Вольтеровой набережной до Королевскаго Моста. Вездѣ по дорогѣ, присутствiе его возбуждало радостные клики, къ коимъ тогда Полицiя не имѣла еще надобности понуждать.

Отъ Карусельныхъ воротъ до Тюлерiйскихъ, Консульская Гвардiя стояла по обѣимъ сторонамъ—Королевскiй обычай, представлявшiй странную противоположность съ надписью, мимо коей Бонапарте проѣхалъ вступивъ во дворъ. Двѣ караульни были выстроены, одна по правую, а другая по лѣвую сторону средней рѣшетки; на правой находилась надпись: ДЕСЯТОЕ АВГУСТА 1792. — МОНАРХIЯ ВО ФРАНЦIИ УНИЧТОЖЕНА И НИКОГДА НЕ ВОЗСТАНЕТЪ! Она уже возстала.

Войска были выстроены на дворѣ фронтомъ;

какъ только карета Консуловъ остановилась, то Бонапарте поспѣшно изъ нея вышелъ и сѣвъ, или лучше сказать, вскочивъ на коня, объѣхалъ войска, между тѣмъ какъ два другіе Консула вошли въ покои, гдѣ ихъ ожидалъ Государственный Совѣтъ и Министры. Множество женщинъ, въ щегольскомъ Греческомъ нарядѣ, бывшемъ тогда въ модѣ, занимали съ Госпожею Бонапарте окна Третьяго Консула въ Павиліонѣ Флоры. Со всѣхъ сторонъ толпилось несмѣтное число зрителей; всѣ окна Карусельной площади были наняты дорогою цѣною и отвсюду единогласно кричали: *Да здравствуетъ Первый Консулъ!* Кого бы не очаровалъ такой восторгъ!

Первый Консулъ довольно долго производилъ смотръ; онъ объѣхалъ ряды, милостиво разговаривая съ начальниками; послѣ чего сталъ близъ Тюлеріійскихъ воротъ имѣя Мюрата по правую руку, Ланна по лѣвую, а позади себя многочисленный Штабъ изъ юныхъ воиновъ, загорѣвшихъ отъ солнца Египта и Италіи, и которые всѣ участвовали въ большемъ числѣ сраженій, чѣмъ сколько имъ было отъ роду лѣтъ. При проходѣ мимо его знаменъ девяносто шестой, сорокъ третьей и тридцатой полубригады, состоявшихъ изъ одного только древка съ нѣсколькими обрывками, прострѣленными пулями и почернѣвшими отъ пороха, —

онъ снялъ шляпу и почтительно поклонился. Эти знаки уваженія, оказанные великимъ вождемъ знаменамъ, изорваннымъ на полѣ битвы, были привѣтствованы тысячью восклицаній, и по проходѣ мимо его войскъ, Первый Консулъ смѣлыми стопами взошелъ по Тюлерійской лѣстницѣ.

По окончаніи на этотъ день роли Полководца, онъ представилъ лице Главы Государства и можно сказать, что уже въ эту эпоху, Первый Консулъ составлялъ собою все Консульство.—Прерываю повѣствованіе о происшедшемъ при переѣздѣ нашемъ въ Тюлери для того, чтобы привести здѣсь одно обстоятельство, которое представляется моей памяти и которое не мало способствовало къ преклоненію Бонапарте сдѣлаться настоящимъ главою своихъ товарищей Консульства. Читатели помнятъ, что когда Рожеръ-Дюко и Сіесъ носили званіе Консуловъ, то всѣ три члена Консульскаго Комитета были равны, если не въ существѣ, то по крайней мѣрѣ въ правахъ своихъ. Когда Камбасересъ и Лебрёнъ заступили ихъ мѣста, то Талейранъ, назначенный въ тоже время вмѣсто Г. Рейнгарта Министромъ Внѣшнихъ Сношеній, былъ принятъ въ частной аудіенціи въ кабинетѣ Перваго Консула, гдѣ я одинъ находился съ ними. Слова, сказанныя Г-мъ Талейраномъ Наполеону, такъ понрави-

лись сему послѣднему, что слишкомъ поразили и меня для того, чтобы я могъ ихъ забыть. «Гражданинъ Консулъ,» сказалъ онъ ему, «вы ввѣрили мнѣ Министерство Внѣшнихъ Сношеній и я оправдаю вашу довѣренность; но долгомъ считаю объявить вамъ, что съ этой минуты я буду работать только съ вами. Въ этомъ нѣтъ съ моей стороны никакой гордости; я говорю это только для выгодъ Франціи: для хорошаго управленія ею и для единства дѣйствій, надобно чтобы вы были Первымъ Консуломъ и чтобы Первый Консулъ имѣлъ у себя въ рукахъ все, непосредственно относящееся къ политикѣ; то есть Министерства Внутреннихъ дѣлъ и Полиціи; мое Министерство Внѣшнихъ дѣлъ и два великіе способа исполненія: сухопутныя войска и флотъ. Почему, по всѣмъ отношеніямъ слѣдуетъ, чтобы Министры этихъ пяти частей, работали только съ одними вами. Управленія Юстиціи и Финансовъ, конечно многими узами соединяются съ политикою; но эти узы не такъ еще тѣсны. Если вы дозволите мнѣ Генералъ, то я прибавлю, что очень прилично было бы поручить Второму Консулу, весьма искусному законовѣдцу—управленіе Юстиціею, а Третьему Консулу столько же свѣдущему по части Финансовъ, управленіе оными (*).

(*) Кто не узнаетъ въ этомъ перваго зародыша Архи-Канцлерства и Архи-Казначейства Имперіи.

Это займетъ ихъ, доставитъ имъ препровожденіе времени, а вы Генералъ, имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ жизненныя части управленія, достигнете благородной цѣли, вами себѣ предположенной—возстановленія Франціи.»

Эти достопримѣчательныя слова были не таковы, чтобы Бонапарте могъ ихъ слушать съ равнодушіемъ; они слишкомъ согласовались съ его тайными замыслами для того, чтобы не принести ему удовольствія и, по выходѣ Г. Талейрана, онъ тотчасъ сказалъ мнѣ: «Знаешь ли, Буріеннъ, что Талейранъ способенъ давать хорошіе совѣты; это человѣкъ очень разсудительный.—Генералъ, таково мнѣніе всѣхъ тѣхъ, которые его знаютъ.—Онъ правъ.» Послѣ сего Бонапарте улыбнувшись прибавилъ: «Талейранъ не простъ: онъ проникъ меня. Тебѣ извѣстно, что я желаю сдѣлать именно то, что онъ мнѣ совѣтуетъ. Но еще разъ, онъ правъ: скорѣе идешь, когда идешь одинъ. Лебрёнъ честный человѣкъ, но у него въ головѣ нѣтъ политики —онъ пишетъ книги. Камбасересъ слишкомъ напитанъ преданіями Революціи. Мое правительство должно быть совсѣмъ новое.»

Совѣты Талейрана были съ такою точностью выполнены, что уже въ самый день установленія Консульскаго Правленія, когда Бонапарте вступилъ въ залу для принятія разныхъ представленій, то Камбасересъ и Лебрёнъ болѣе

походили на двухъ свидѣтелей, чѣмъ на двухъ товарищей Перваго Консула. Министръ Внутреннихъ дѣлъ представилъ членовъ Правительственныхъ Мѣстъ Парижа; Военный Министръ, Штабъ семнадцатой военной дивизіи; Морской Министръ многихъ флотскихъ Офицеровъ, а Штабъ Консульской Гвардіи былъ представленъ Мюратомъ. Такъ какъ наши Консульскіе Республиканцы, не совсѣмъ были Спартанцами, то за смотромъ и представленіями послѣдовали большіе обѣды. Первый Консулъ пригласилъ къ себѣ двухъ другихъ Консуловъ, Минстровъ и Предсѣдателей Правительственныхъ мѣстъ. Мюратъ угостилъ военныхъ начальниковъ, а Государственный Совѣтъ, возсѣвъ опять въ свои фіакры съ завѣшанными номерами, отправился въ полномъ составѣ къ столу Луціана.

До переселенія нашего въ Тюліери, мы часто туда ѣзжали для надзора за произведеніемъ приказанныхъ Наполеономъ передѣлокъ. Въ самомъ началѣ, видя множество красныхъ шапокъ, намалеванныхъ на стѣнахъ, онъ сказалъ Г. Леконту, бывшему тогда Тюлієрійскимъ Архитекторомъ: «Прикажите стереть всё это: я не хочу такихъ неблагопристойностей.»

Первый Консулъ самъ назначилъ небольшія перемѣны, которыя ему хотѣлось сдѣлать въ покояхъ, имъ себѣ отведенныхъ. Парадная постеля, но не та, которая принадлежала Лудовику

XVI, была поставлена въ комнатѣ, находившейся подлѣ его Кабинета на полдень, къ сторонѣ большой лѣстницѣ Павилiона Флоры. Мимоходомъ скажу, что онъ спалъ на ней очень рѣдко, ибо Наполеонъ имѣлъ самыя простыя склонности въ своемъ домашнемъ быту и любилъ наружную пышность единственно по расчету, какъ средство поражать оною людей. По простонародному изреченiю—Бонапарте въ Люксембургѣ, въ Мальмезонѣ и въ первое время жительства своего въ Тюлiери—*спалъ вмѣстѣ съ женою*. Каждый вечеръ онъ сходилъ къ Iозефинѣ по маленькой лѣстницѣ изъ смежнаго съ его кабинетомъ гардероба, въ которомъ нѣкогда была моленная Марiи Медицисъ. Я никогда не входилъ въ спальную Бонапарте иначе какъ по этой лѣсенкѣ; когда же онъ входилъ къ *намъ* кабинетъ, то всегда чрезъ гардеробъ, мною упомянутый и коего дверь находилась противъ единственнаго окна, насъ освѣщавшаго. Окно сiе выходило въ садъ.

Что касается до *нашего* кабинета, то я видѣлъ въ немъ прiуготовленiе столькихъ событiй, я видѣлъ въ немъ столь великiя, а иногда столь ничтожныя вещи—наконецъ я провелъ въ немъ столько часовъ моей жизни, что я могу теперь сообщить самое подробное описанiе онаго для тѣхъ, которые любятъ такiя подробности.

Да стола были поставлены въ этомъ каби-

нетѣ: одинъ, великолѣпный, для Перваго Консула, находился почти по срединѣ и кресла его обращались задомъ къ камину, имѣя окно по правую руку. На правой сторонѣ была небольшая комнатка, въ которой сидѣлъ Дюрокъ и чрезъ которую можно было имѣть сообщеніе съ писцомъ и съ большими пококоями, выходащими на дворъ. Когда Первый Консулъ находился за столомъ своимъ сидя на прекрасныхъ креслахъ, которыхъ онъ столько разъ портилъ ручку, обрѣзывая ее перочиннымъ ножичкомъ, то онъ имѣлъ противъ себя большую библіотеку, наполненную съ низу до верху картонами. Нѣсколько правѣе, подлѣ библіотеки, была другая большая дверь кабинета, ведущаго прямо въ парадную спальню, о которой я говорилъ; оттуда проходили въ большую пріемную залу, на потолкѣ которой Ле Брёнъ изобразилъ Лудовика XIV; трехцвѣтная кокарда, прицѣпленная къ головѣ великаго Монарха доказывала еще нелѣпое безчинство Конвента. За симъ слѣдовала караульня предъ большою лѣстницею Павиліона Флоры.

Мой рабочій столъ, очень скромный, находился у окна; лѣтомъ я имѣлъ предъ собою густую зелень каштанныхъ деревьевъ; но мнѣ должно было вставать для того чтобы увидѣть прогуливавшихся по саду. Я сидѣлъ спиною къ боку Генерала, такъ что намъ приходилось только слегка повернуть головы дабы видѣть другъ

друга, когда намъ нужно было поговорить. Дюрокъ рѣдко находился въ своемъ маленькомъ кабинетѣ: тамъ я могъ иногда принимать. Консульскiй Кабинетъ, сдѣлавшiйся потомъ Императорскимъ, оставилъ мнѣ много воспоминанiй; и надѣюсь, что читая слѣдующiя части, читатель увидитъ, что я не все забылъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

ЗАМѢЧАНІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ.

Мы сочли необходимымъ приложить здѣсь ниже помѣщенныя бумаги. По соблюденной въ сихъ Запискахъ истинѣ, для читателей, любящихъ сличать оную съ офиціяльною ложью, любопытно будетъ видѣть то, что было сказано и то что было сдѣлано. Многія изъ этихъ бумагъ, содержаніемъ своимъ и временемъ изданія оныхъ доказываютъ, съ какою быстротою Бонапарте, послѣ 18 Брюмера, старался учредить во Франціи внутреннее благоустройство и оградить ея внѣшнее спокойствіе; таковы адресы Министровъ Полиціи и Юстиціи къ ихъ согражданамъ, равно какъ письма Министра Внѣшнихъ Сношеній къ агентамъ, ему подвѣдомственнымъ и къ Иностраннымъ Министрамъ.

Нота, справедливо приписанная Реніо де Сенъ-Жанъ д'Анжели, драгоцѣнна тѣмъ, что она въ немногихъ словахъ напоминаетъ преступленія и ошибки правительствъ, смѣнявшихся во Франціи съ паденія Монархіи до Консульства и тѣмъ, что этой отвратительной картинѣ, остроумный сочинитель ноты противопоставляетъ утѣшительное зрѣлище надеждъ, внушенныхъ новымъ порядкомъ вещей.

Офиціяльная переписка Клебера принадлежала къ тексту и могла бы въономъ остаться; но какъ оная представляетъ занимательный эпизодъ, такъ сказать отдѣльный отъ общаго повѣствованія, то мы предпочли помѣ-

стить оную въ концѣ книги, равно какъ и письмо Баррера. Это письмо показалось намъ заслуживающимъ обратить на себя вниманіе, ибо оно лучше всего другаго доказываетъ гибкость, съ коею образованные Якобинцы льстили власти и приноравливались къ господствующимъ мнѣніямъ.

Наконецъ, мы заключили собраніе этихъ бумагъ тремя рѣчами, произнесенными въ Марсовомъ храмѣ за десять дней до перемѣщенія Консульскаго правленія въ Тюлери. Пріятно видѣть въ словахъ Ланна и Бертье, военную искренность той эпохи, а въ удивительномъ похвальномъ словѣ Вашингтону, произнесенномъ Г-мъ де Фонтаномъ, возвращеніе во Францію того льстиваго краснорѣчія, которое столь пріятно слышать, которому столь опасно внимать и которое сдѣлало такіе успѣхи при Имперіи.

МИНИСТРЪ

ГЛАВНОЙ ПОЛИЦІИ РЕСПУБЛИКИ,

СВОИМЪ СОГРАЖДАНАМЪ.

20 Брюмера VIII года французской
Республики единой и нераздѣльной.

«Граждане, Правительство было слишкомъ слабо для того, чтобы поддержать славу Республики противъ внѣшнихъ непріятелей и обеспечить права гражданъ противъ внутреннихъ крамолъ; надлежало озаботиться тѣмъ, чтобы дать оному силу и величіе.

«Національная мудрость, Совѣтъ Старѣйшинъ, возъимѣлъ мысль сію и обнаружилъ свою къ тому волю.

«Онъ повелѣлъ перемѣстить Законодательный Корпусъ за предѣлы, въ коихъ слишкомъ много страстей бушевало вокругъ него.

«Оба совѣта намѣревались предложить мѣры, достойныя представителей Французскаго народа.

«Горсть бунтовщиковъ вздумала было тому воспрепятствовать; она предалась ярости, которую великое большинство голосовъ въ совѣтахъ, сдѣлало тщетною.

«Это освободительное большинство голосовъ соединилось по разсѣяніи крамольниковъ; оно поручило двумъ Комитетамъ, избраннымъ изъ среды совѣтовъ, храненіе Законодательной власти.

«Оно ввѣрило исполнительную власть тремъ Консуламъ, облеченнымъ тѣмъ же полномочіемъ какъ Директорія.

«Оно избрало Гражданъ Сіеса, Бонапарте и Рожера Дюко, которые сего дня вступаютъ въ должность.

«Съ этой минуты начинается новый порядокъ вещей. Правительство было притѣснительно потому, что оно было слабо;

то, которое заступило мѣсто онаго, налагаетъ на себя обязанность быть сильнымъ для того, чтобъ быть правосуднымъ.

«Оно призываетъ для содѣйствія себѣ всѣхъ друзей Республики и свободы, всѣхъ Французовъ.

«Соединимся, дабы содѣлать имя Французскаго Гражданина столь великимъ, чтобы каждый изъ насъ, гордясь ношеніемъ онаго, предалъ забвенію роковыя названія, съ помощью коихъ бунтовщики пріуготовили наши бѣдствія посредствомъ раздѣленій.

«Консулы достигнутъ этой цѣли; ибо они сильно того желаютъ. Вскорѣ знамена всѣхъ партій будутъ уничтожены; всѣ Французы соединятся подъ хоругвью Республики.

«Вскорѣ заботливость Правительства обеспечитъ торжество Республики извнѣ побѣдою, ея внутреннее благоденствіе правосудіемъ, а счастіе народа миромъ.

«Министръ Полиціи *ФУШЕ*.»

МИНИСТРЪ ЮСТИЦІИ,

ЦЕНТРАЛЬНЫМЪ УПРАВЛЕНІЯМЪ, УГОЛОВНЫМЪ И ГРАЖДАНСКИМЪ СУДАМЪ РЕСПУБЛИКИ, И КОМИСАРАМЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ, СОСТОЯЩИМЪ ПРИ СИХЪ УПРАВЛЕНІЯХЪ.

Парижъ, 20 Брюмера VIII года французской Республики единой и нераздѣльной.

«Давно уже, Граждане, народный гласъ требовалъ перемѣнъ въ органическомъ устройствѣ нашего общественнаго состава.

«Эти перемѣны произойдутъ.

«Въ спокойствіи соображенія приготовятъ и мудро обсудятъ уставы, основывающіеся на незыблемыхъ основаніяхъ свободы, равенства правъ и уваженія собственности.

«Тогда всѣ сердца присоединятся къ представительной системѣ, и Республика пріиметъ отъ своего законодательства сіяніе, не менѣе блистательное, какъ и то, которое доставлено ей побѣдами ея защитниковъ.

«Дабы достигнуть сей, столь желаемой цѣли, представители народа опредѣлили принять мѣры, утвержденныя закономъ 19 числа сего мѣсяца, при семъ прилагаемымъ.

«Прiимите законъ сей какъ благодѣянiе и содѣйствуйте всѣми вашими средствами великодушнымъ усилiямъ Консуловъ, которые неусыпно будутъ трудиться для того чтобы доставить отечеству миръ и благоденствiе.

«Посему предлагаю центральнымъ управленiямъ сдѣлать съ торжественностiю предписанное объявленiе, наблюдая дабы печатные экземпляры закона были выставлены въ обыкновенныхъ мѣстахъ.

«Объ исполненiи сихъ обѣихъ статей мнѣ донести.

КАМБАСЕРЕСЪ.»

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО МИНИСТРА ВНѢШНИХЪ СНОШЕНIЙ КЪ ЗАГРАНИЧНЫМЪ АГЕНТАМЪ РЕСПУБЛИКИ.

Парижъ 21 Брюмера VIII года.

«Сообщая вамъ, Гражданинъ, законъ, изданный Законодательнымъ Корпусомъ въ послѣднее его засѣданiе 19 Брюмера, увѣдомляю, что Консулы Французской Республики немедленно приняли бразды правленiя.

«Конституцiя III года,—творенiе опытности, слишкомъ несовершенной и влiянiя нѣкоторыхъ преходящихъ обстоятельствъ, —погибла бы отъ своихъ собственныхъ несовершенствъ и отъ страстей человѣческихъ; слишкомъ часто преступаемая главными властями, поперемѣнно призываемая и безпрестанно нарушаемая всѣми страстями, она не возбуждала уже къ себѣ уваженiя во Французахъ; она перестала быть средствомъ благосостоянiя для Республики. Надлежало воспрепятствовать, чтобы начала, на коихъ она основывалась, не погибли вмѣстѣ съ нею.

«Сильное побужденiе, данное всѣмъ умамъ одно только могло обратить къ единой цѣли желанiя и надежды гражданъ, согласовать всѣ власти, оживить всѣ пружины общественной силы, и дать ея направленiю единодушную, твердую и истинно Республиканскую энергiю. Побужденiе сiе было дано и всѣ власти, воодушевленныя, могущественныя ихъ согласiемъ и довѣренностью, которую даруетъ имъ государство, приступятъ съ дѣятельностiю къ великому труду, налагаемому на нихъ судьбинами Республики—къ учрежденiю порядка во всѣхъ частяхъ управ-

ленія, къ возстановленію внутренняго спокойствія и къ доставленію почетнаго, прочнаго мира.

«Присяга, предписанная вамъ, Гражданинъ, есть доказательство что основанія, на коихъ лежатъ надежды Франціи и счастіе будущихъ поколѣній, остались неприкосновенными. Люди, коимъ ввѣрено Правительство представили довольно залоговъ свободѣ; имена ихъ довольно внушаютъ почтенія и довѣренности для убѣжденія Франціи и Европы въ томъ, что основанія сіи будутъ ограждены и отъ посягательствъ внѣшнихъ непріятелей и отъ потрясеній внутреннихъ крамолъ.

«Консулы Республики, предоставляя вамъ продолжать исполненіе обязанностей, на васъ возложенныхъ, поручаютъ мнѣ увѣдомить васъ, что я извѣстилъ о ихъ вступленіи въ должность иностранныхъ агентовъ, въ Парижѣ находящихся. Копія съ циркулярной ноты моей, при семъ прилагается. Съ тѣмъ вмѣстѣ они поручаютъ мнѣ предписать вамъ представить Правительству, при коемъ вы находитесь, объявленіе о власти, коею они облечены и о видахъ мудрости и согласія, ихъ одушевляющихъ. Присовокупите къ тому, что для доставленія Европѣ почетнаго, и прочнаго мира необходимо, чтобы объявленіе, коимъ я оканчиваю мою циркулярную ноту къ иностраннымъ агентамъ, было сильно ощущено и чтобы довѣренность къ правдолюбію, могуществу и правосудію Правительства Республики, повсюду равнялась съ искренностію обѣтовъ, которые оно не перестанетъ дѣлать о мирѣ и о неизмѣнномъ соблюденіи своихъ обязательствъ.

«Препровождаю къ вамъ форму присяги, которую должны дать всѣ политическіе и Консульскіе агенты Республики, равнокакъ Французскіе Граждане, живущіе въ чужихъ земляхъ или находящіеся временно въ отсутствіи изъ своего отечества. Предлагаю вамъ сообщить содержаніе письма моего подчиненнымъ вамъ агентамъ. Они приведутъ къ присягѣ подвѣдомственныхъ имъ своихъ согражданъ и доставятъ къ вамъ присяжные листы, которые вы препроводите ко мнѣ, равно какъ и вашъ собственный.

Подписано *РЕЙНГАРТЪ*.»

ПИСЬМО МИНИСТРА ВНѢШНИХЪ СНОШЕНІЙ КЪ ИНОСТРАННЫМЪ МИНИСТРАМЪ.

Парижъ 22 Брюмера VIII года.

«Милостивый Государь,

«Имѣю честь извѣстить васъ, что Консулы Французской Республики приняли бразды управленія Государствомъ.

«Наши внѣшніе агенты немедленно получатъ приказъ сообщить о томъ же Правительствамъ, при которыхъ они находятся. Политическія сношенія Франціи съ прочими народами и дипломатическія сношенія ея Правительства съ другими Правительствами, остаются прежнія; только блистательное соединеніе всѣхъ умовъ, содѣйствуемое просвѣщеннымъ, твердымъ и единодушнымъ направленіемъ, которое будетъ дано общественной силѣ, утвердивъ отнынѣ жребій Французской Республики — долженствуетъ возвысить въ глазахъ Иностранныхъ Правительствъ цѣну политическихъ сношеній, ихъ съ нами соединяющихъ.

«Примите увѣреніе и проч....

Подписано *РЕЙНГАРТЪ.»*

НОТА, ПРИПИСЫВАЕМАЯ РЕНЮ ДЕ СЕН-ЖАНЪ Д'АНЖЕЛИ,

Совѣту старѣйшинъ и Бонапарте.

Законодательный Корпусъ перемѣнилъ мѣстопребываніе, дабы лучше дѣлать. Перемѣнитъ ли и Республика свое положеніе для того, чтобы лучше быть? Будетъ ли она еще увлекаться старыми заблужденіями или съ твердостью рѣшится признаться въ нихъ и исправить оныя? Станутъ ли еще уважать политическіе предразсудки, совратившіе съ пути наше законодательство, наше Правительство? или наконецъ съ мудростію и силою прінчутъ высокія, свободныя понятія, прочныя правила, твердыя основанія общественнаго устройства? Мы желаемъ Республики, мы желаемъ свободы, мы желаемъ представительнаго Правительства.

Съ 1789 года, мы сражаемся внѣ и внутри границъ нашихъ; мы расточаемъ наши имущества и жизнь для обеспеченія оныхъ; мы не имѣли законодателей, оправдавшихъ наши надежды; мы еще нынѣ ищемъ Конституціи и находимъ только Уложеніе нестройное, темное, и безъ обеспеченій. Мы имѣли правителями

людей безъ талантовъ или безъ правилъ, жестокихъ безъ энергіи, честолюбивыхъ безъ величія, расточительныхъ отъ скупости. Окруженные страстями и преступленіями, коихъ не имѣли твердости обуздать или наказать—они вооружали ихъ другъ противъ друга; и граждане, тревожимые вѣроломными дѣйствіями ихъ политическихъ уравновѣшеній, только перемѣняли притѣснителей и бѣдствія.

Въ 1789 году, члены Конституціоннаго Собранія, бывъ тверды противъ деспотизма, оказались слабыми противъ мятежныхъ партій. Бывъ хладнокровны и велики при отъѣздѣ Короля въ Іюнѣ 1791 года, нѣкоторые изъ нихъ допустили преклонить себя его агентамъ по его возвращеніи, а другіе устранились возгласовъ клуба; и изъ этой массы честности и свѣдѣній, вышло произведеніе безъ прочности, хилой недоносокъ, заключавшій въ лонѣ своемъ зародышъ своего скораго разрушенія.

Созданіе 1793 года, ненавистный плодъ безначалія, только устрашило Францію, предвѣстивъ оной всѣ злодѣянія ужаса. Наконецъ хвалятъ Конституцію III года, которая существуетъ, или лучше сказать, не существуетъ. Могла ли она поддержаться, когда она учреждала Законодательный Корпусъ, неизбѣжно долженствовавшій владычествовать надъ Исполнительною Директоріею, или быть угнетеннымъ ею?

Такимъ образомъ Республика, поддержанная въ IV и V-мъ годахъ побѣдами нашихъ армій а особенно арміею Бонапарте въ Италіи, была близка къ погибели въ VI году чрезъ заговоры Роялизма.

Законодательный Корпусъ, введенный въ заблужденіе, обманутый нѣкоторыми заговорщиками, готовился ниспровергнуть Директорію, когда 18 Фруктидора спасло его. Но спасши его, оно уничтожило Конституцію. Оно причинило всему обществу великое зло, произведя потрясеніе въ системѣ представительнаго Правленія; оно причинило Франціи зло, до сихъ поръ еще неисправленное, истребивъ все почтеніе къ Конституціонному Уставу, который можно было однажды исказить; и съ этой минуты всѣхъ распоряженій онаго съ хитростью уклонялись или дерзостно нарушали ихъ.

Исполнительная Директорія, привыкнувъ къ самовластію, устроивала заговоры для того чтобы имѣть право удержать или

распространить оное. Она безпрестанно дѣйствовала своимъ ненавистнымъ противовѣсіемъ ввергая посредствомъ онаго въ бездну съ гастоящими Роялистами и террористами всѣхъ тѣхъ, которые навлекали на себя гнѣвъ его и которыхъ она попеременно помѣщала въ эти двѣ партіи, одна послѣ другой гонимыя.

Такимъ то образомъ политическая свобода была уничтожена; Представители граждана подверглись самопроизвольной ссылкѣ, попавъ въ списки, составленные ненавистью и предубѣжденіемъ.

Такимъ то образомъ выборы народа были оскорбительно отринуты; такимъ образомъ, вопреки правиламъ представительнаго Правительства, Директорія избрала представителей изъ смутовъ, ею учрежденныхъ съ небольшимъ числомъ честныхъ, просвѣщенныхъ людей, оказавшихъ услуги отечеству, не посмѣвъ отвергнуть тѣхъ, которыхъ преданность или ничтожество, обѣщали наиболѣе легкое порабощеніе двухъ Совѣтовъ.

Такимъ то образомъ въ VII году, она посылала Комисарамъ своимъ въ Департаментахъ, списки тѣхъ людей, которыхъ слѣдовало избрать, и деньги для заплаты за эти предписываемые ею выборы.

Такимъ то образомъ, вопреки гражданской свободѣ, Директорія удержала право подвергать ссылкѣ журналистовъ, священниковъ и всѣхъ тѣхъ, которые имѣли несчастіе возбудить ея негодованіе.

Такимъ то образомъ темницы наполнялись погибавшими въ нихъ многочисленными жертвами, которыя не знали своихъ обвинителей и тщетно требовали себѣ суда, въ коемъ Конституція воспрещаетъ отказывать имъ долѣе 24 часовъ.

Такимъ то образомъ право вносить въ списокъ эмигрантовъ, было вполнѣ предоставлено Директоріи и въ оный даже внесли имя посланника, который имѣлъ несчастіе прогнѣвать одного изъ тирановъ или не хотѣлъ предъ нимъ ползать.

Такимъ то образомъ, вопреки Конституціоннымъ законамъ о Государственной казнѣ, правила порядка и отчетности во всѣхъ отрасляхъ управленія были нарушены и произведены самыя соблазнительныя лихоимства для удовлетворенія льстецовъ или убійцъ, доносщиковъ и слугъ.

Такимъ то образомъ судьи, блюстители собственности, санов-

ники, избранные народомъ, были безпрестанно смѣняемы по доносамъ бездѣльниковъ или по честолюбію глупцовъ.

Такимъ то образомъ отличившіеся своею храбростью военные были лишаемы чиномъ, постыдно безъ суда отрѣшаемы и новергаемы въ нищету вмѣсто награды за кровь, пролитую ими за отечество.

Такимъ то образомъ, вновь налагаемыя подати нарушали право собственности, тщетно утвержденное сею Конституціонною Хартіею, на которую безпрестанно ссылались и которую безпрестанно нарушали.

Такимъ то образомъ ежегодно оказывалась несостоятельность подъ именемъ недочета и Директорія уничтожала какъ Правительство, обязательства, которыя она сдѣлала какъ партія.

Такимъ то образомъ несчастные пансіонеры, тщетно испрашивали себѣ хлѣба насущнаго у дверей казначействъ, опустошенныхъ безпорядкомъ и глупостью.

Такимъ то образомъ междоусобіе было возбуждено этимъ пагубнымъ закономъ заложниковъ, наказывающимъ невиннаго за преступленіе, которому онъ не могъ воспрепятствовать и которымъ Правительство казалось вымещало на самомъ народѣ за безсиліе свое охранить его отъ разбойниковъ.

Въ слѣдствіе сихъ то преступныхъ нарушеній Конституціи, внѣшніе враги наши, чрезъ агентовъ своихъ, приводили Республику на послѣднюю степень разстройства, несчастій и преступленій.

Такимъ то образомъ наконецъ мы не имѣемъ, ни Конституціи, ни Правительства. Мы хотимъ того и другаго.

Мужи умные, мужи сильные, союзу коихъ мы радуемся; Сіесъ, Бонапарте, дадите ли вы намъ оныя? Когда же вы намъ ихъ дадите то обеспечите ли вы оныя? Если таково ваше намѣреніе, то приступите къ исполненію онаго; весь народъ окружитъ васъ, въ продолженіе трудовъ вашихъ — могуществомъ и почтеніемъ; онъ окружитъ васъ признательностью и уваженіемъ по окончаніи оныхъ.

Франція требуетъ чего либо великаго и прочнаго. Непостоянство ее погубило; она ищетъ твердости. Она хочетъ единства въ дѣйствіяхъ власти, которая будетъ исполнять законы. Она хочетъ законодательнаго Корпуса независимаго и свободнаго; но

не желаетъ чтобы онымъ управлялъ духъ зависти и хищенія. Она хочетъ чтобы ея представители ее защищали а не волновали. Она хочетъ чтобы они были мирными блюстителями а не безпокойными вводителями новизны. Она хочетъ наконецъ пожать плоды десятилѣтнихъ пожертвованій; она хочетъ свободы и мира. Сдѣлайте все что можно для обезпеченія ей оныхъ и слава ожидаетъ васъ при окончаніи поприща.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ КЛЕБЕРЪ,

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРІИ.

Главная Квартира Каиръ, шестой дополнительный день VII года.

«Граждане Директоры,

«21 Термидора, Генералъ Дезе узналъ, что Мурадъ-Бей, вышедъ изъ степи выше Сіута, достигъ Эль-Ганаима; онъ тотчасъ послалъ для преслѣдованія его, Бригаднаго Командира Морана, который, вскорѣ догнавъ его, напалъ на него и обратилъ его въ бѣгство: множество Мамелюковъ было убито; одинъ изъ вождей и двадцать верблюдовъ взято.

Мурадъ-Бей отступилъ съ наивеличайшею поспѣшностью, но Бригадный Командиръ Моранъ съ неутомимымъ своимъ отрядомъ, прошедъ въ четыре дня пятьдесятъ миль степью, вновь догналъ его ночью на 24 число близъ Самагута; захватилъ его лагерь, перекололь великое число Мамелюковъ и взялъ двѣсти верблюдовъ, навьюченныхъ добычею и сто осѣдланныхъ лошадей равно какъ великое количество всякаго рода оружія; самъ Мурадъ-Бей, преслѣдуемый отрядомъ 20 Драгунскаго Полка, успѣлъ спастись только съ помощью темноты.»

АТАКА КОССЕИРЫ.

«27 Термидора въ полдень, два Англійскіе фрегата, подошедъ къ крѣпости Коссеиръ, тотчасъ начали по ней канонаду. Въ четыре часа по полудни непріятель спустилъ двѣнадцать шлюбокъ,

съ высаднымъ войскомъ; но онѣ воротились къ судамъ своимъ, усмотрѣвъ въ деревнѣ нашихъ солдатъ; фрегаты всю ночь продолжали огонь.

«Эти два судна, утромъ 28 числа перемѣнивъ положеніе, начали пробивать въ крѣпости брешь, между тѣмъ какъ въ тоже время триста человѣкъ было высажено въ деревню, къ коей накапунѣ непріятель не посмѣлъ пристать. Стрѣлки 21 полка, находившіеся тамъ въ засадѣ, допустивъ ихъ на близкое разстояніе, встрѣтили ихъ столь сильнымъ огнемъ, что Англичане, обратясь въ бѣгство, покинули своихъ убитыхъ и раненыхъ.

«Фрегаты однакожъ, продолжали пальбу и въ четыре часа послѣ полудня была произведена новая высадка на берегъ къ югу отъ порта. Генералъ Донзело, начальствующій въ Коссеирѣ и распоряжавшій обороною, приказалъ засѣсть нѣкоторому числу войска въ близкія къ морю гробницы и во рвы, смежные со степью, такъ что непріятель, подвергшись передовому и флапговому огню, принужденъ былъ сѣсть обратно на суда свои съ такою же поспѣшностью какъ и утромъ.

«Пальба не уменьшалась и 29 числа въ семь часовъ утра, четыреста человѣкъ свезли на берегъ шести фунтовую пушку со всѣми принадлежностями. На высаженныхъ людей и на пушку было немедленно сдѣлано нападеніе и предъ нашими штыками все обратилось въ бѣгство въ наивеличайшемъ безпорядкѣ къ судамъ своимъ. Пушка съ принадлежностью осталась въ нашихъ рукахъ; наконецъ, послѣ пальбы, продолжавшейся безпрерывно шестьдесять четыре часа, фрегаты поставили паруса, пустились въ море и исчезли. Между высаженными войсками, замѣтили многихъ Сипаевъ.

«Въ одной гавани собрано болѣе шести тысячь ядеръ отъ 8 до 24 фунтоваго калибра. По этому можно судить,—говоритъ Генералъ Донзело—о сильной пальбѣ, произведенной съ этихъ двухъ фрегатовъ.

«Генералъ сей съ величайшею похвалою отзывается о подвигахъ 3-го баталіона 21 Легкаго Полка.

«Онъ также хвалитъ отличное мужество граждаиъ, Баталіоннаго Командира Валетта, Полковаго Адъютанта Лагарда и Комендаита крѣпости Капитана Грессена. Испрашиваю у васъ для сего послѣдняго чинъ Баталіоннаго Командира.

«Инженеръ Капитанъ Башелю оказалъ особенную дѣятельность при исправленіи брешей и при производствѣ подъ непріятельскимъ огнемъ всѣхъ работъ, необходимыхъ для безопасности порта.

«Генералъ Дезе превозноситъ похвалами дѣятельность и искуство, оказываемыя повсюду Бригаднымъ Командиромъ Мораномъ и какъ Офицеръ сей состоитъ сверхъ комплекта, то я ходатайствую о производствѣ его въ Генералъ-Адъютанты.

«Гражданинъ Равіе, Баталіонный Командиръ 88-й Полубригады и Гражданинъ Лебретонъ, Офицеръ 20 Драгунскаго Полка, въ особенности отличились.

«Испрашиваю у васъ, Граждане Директоры чинъ Дивизіоннаго Генерала Бригадному Генералу Фріану, коего усердіе, дѣятельность и таланты должны быть вамъ извѣстны и который въ продолженіе цѣлаго года не перестаетъ съ успѣхомъ сражаться въ Верхнемъ Египтѣ.»

РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ КЛЕБЕРОМЪ ВЪ ПРАЗДНИКЪ 1 ВАНДЕМІЕРА, VIII ГОДА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

«Солдаты,

«Вы окончили седьмой годъ, съ достопамятной эпохи, въ которую Французскій народъ, учредилъ у себя Республиканское Правленіе.

«Вы поддерживали Республику, вы защищали ее вашимъ усердіемъ. На сѣверѣ, на югѣ, на востокѣ и на западѣ вы отодвинули наши границы — и непріятели, которые въ кичливыхъ мечтахъ, дѣлили уже между собою наши области, скоро принужденными нашлись, въ ужасѣ своемъ, расчитывать границы, на которыхъ вы остановитесь.

«Но знамена ваши, храбрые сподвижники, преклоняются подъ тяжестью лавровъ и подвигамъ вашимъ должно положить конецъ; толикая слава заслуживаетъ награду. Еще минута настойчивости и вы достигнете того и другаго; еще минута и вы подарите прочный миръ свѣту, побѣдивъ оный.»

КЛЕБЕРЪ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ, ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРІИ.

Главная Квартира Каиръ, 25 Врюмера VIII года.

«Граждане Директоры,

«Я долженъ отдать вамъ отчетъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Египтѣ, съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ честь представить вамъ мое послѣднее донесеніе отъ шестаго дополнительнаго дня VII года.

ВЕРХНІЙ ЕГИПЕТЪ.

«Мурадъ-Бей, послѣ разбитія его Генералъ-Адъютантомъ Мораномъ, блуждалъ въ степяхъ Верхняго-Египта не вступая въ обитаемыя земли иначе какъ только для того, чтобы запастись съѣстными припасами и нѣсколько отдохнуть. Генералъ Дезе, старавшійся какою бы то ни было цѣною избавиться отъ этого неутомимаго непріятеля, составилъ двѣ подвижныя колонны изъ пѣхоты, посаженной на верблюдовъ, изъ конницы и артиллеріи: колонны сіи отправились изъ Сіута въ первыхъ числахъ Вандеміера подъ начальствомъ—одна, самого Генерала Дезе, а другая, Генералъ-Адъютанта Бойе.

«17 числа тогоже мѣсяца, Генералъ-Адъютантъ Бойе, послѣ трехдневнаго, форсированнаго марша, сошелся съ Мурадъ Беемъ въ Седиманской степи: едва пѣхота наша успѣла спѣшиться и собрать своихъ верблюдовъ, какъ на нея воспослѣдовалъ натискъ соединенныхъ Мамелюковъ и Арабовъ; она отразила его съ мужествомъ, штыками и ружейнымъ огнемъ въ припоръ. Между тѣмъ непріятель, польстясь на нашихъ верблюдовъ, три раза покушался овладѣть ими; но наши войска не поколебались и храбро отразили неоднократные на нихъ натиски; наконецъ Мамелюки и Арабы обратились въ бѣгство и наша пѣхота, сѣвъ опять на верблюдовъ, тотчасъ пустилась за ними въ погоню. Въ этомъ дѣлѣ у насъ одинъ человѣкъ убитъ и семнадцать ранено; непріятель покинулъ на пескахъ болѣе сорока труповъ.

«Я приказалъ Генералу Дезе отправиться въ Каиръ для принятія начальства надъ Дивизіею, въ корпусѣ, назначенномъ къ

дѣйствiю противъ Верховнаго Визиря, идущаго изъ Сирiи. Генералъ-Адъютантъ Бойе преслѣдуетъ по пятамъ Мурадъ-Бея, который ускользаетъ отъ него въ ту самую минуту, какъ онъ думаетъ его настичь. Этотъ Бей, утомленный безпрестанными движенiями, переходитъ чрезъ Нилъ 30 Вандемiера, на высотѣ Атфiели. Онъ уклоняется отъ войскъ Генерала Рампона, находившагося тогда въ этой области, углубляется въ долину Блужденiя, направляетъ путь къ Суэцу, останавливается, идетъ опять назадъ и возвращается въ Верхнiй Египетъ. Его повсюду преслѣдуютъ и тревожатъ, однакожъ до сихъ поръ не могли еще догнать. На пути своемъ, онъ съ изобилiемъ разсѣваетъ воззванiя Верховнаго Визиря и фирманы Порты для возбужденiя жителей къ мятежу; но всѣ его попытки до сихъ поръ не произвели еще никакого дѣйствiя.

«Я долженъ отдать величайшую похвалу искуству и неутомимой дѣятельности Генералъ-Адъютанта Бойе: отрядъ его составлялся изъ 21 Полка легкой и изъ 88-го тяжелой пѣхоты.

ГРАНИЦЫ СИРIИ.

«Между тѣмъ какъ это происходило въ Верхнемъ Египтѣ, Верховный Визирь со своею армiею, шелъ отъ Дамасска къ Газѣ, гдѣ онъ учредилъ свою главную квартиру. Авангардъ его уже въ Канъ-Жунессѣ.

«Извѣстясь объ этомъ движенiи Визиря, я отправилъ изъ Каира Дивизiю Ренье съ тѣмъ, чтобы расположась въ Бельбейсѣ, она усилила посты въ Эль-Аришѣ, въ Катiе и въ Салегiе.

«Зная что непрiятельская армiя терпитъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и что Арабы, посредствомъ отправляемыхъ изъ Египта многочисленныхъ каравановъ, доставляютъ ей продовольствiе, я запретилъ подъ смертною казнью, всякаго рода вывозъ и предоставилъ войскамъ отбирать въ свою пользу то, что могло быть для нихъ полезно.

«Мѣра сiя въ короткое время доставила мнѣ около осми сотъ верблюдовъ, которые были розданы въ Полки и въ разныя команды армiи.

«Теперь можно сказать что степи Суэцкаго перешейка, Верхняго Египта и Багире почти столь же извѣстны Французскимъ

солдатамъ какъ и Арабамъ, живущимъ въ оныхъ или обыкновенно чрезъ оныя проѣзжающимъ.

«Мнѣ остается сообщить вамъ о происшедшемъ особенно въ Даміеттѣ.

НИЖНІЙ ЕГИПЕТЪ.

«Движенія армій Сирійской и Мурадъ Бея извѣстили бы меня о какомъ нибудь, приготовляемомъ, на берегу морскомъ предпріятіи, еслибъ я и не былъ о томъ предупрежденъ самимъ Верховнымъ Визиремъ.

«Уже 2 Вандеміера, осмнадцать Турецкихъ судовъ стояло противъ Даміетскаго залива и число ихъ постепенно увеличилось, такъ что 8 Брюмера ихъ насчитали уже пятьдесятъ три.

«Командоръ Сидней Смитъ, находившійся на Тигрѣ, начальствовалъ этимъ флотомъ. Глубина подлѣ береговъ была измѣрена, означена бочками и канонерскія лодки разставлены по этой линіи. 7 Брюмера непріятель, съ помощью этихъ лодокъ, овладѣлъ башнею, находившеюся въ четверти милѣ отъ моря и отъ устья Нила. Онъ поставилъ въ ней отрядъ и пушку.

Узнавъ объ этихъ распоряженіяхъ къ атакѣ, я послалъ 12 числа въ Даміетту Генерала Дезе съ двумя баталіонами и со сто пятидесятью драгунъ; при такомъ подкрѣпленіи я могъ быть спокоенъ въ этой точкѣ; но послѣдствія показали, что мнѣ и безъ этого не должно было безпокоиться.

«Дѣйствительно 10 числа на разсвѣтѣ, непріятель произвелъ свою высадку и спустилъ на берегъ около четырехъ тысячъ человѣкъ, которые тотчасъ начали устроивать укрѣпленія, избравъ для сего точку между правымъ берегомъ Нила, моремъ и озеромъ Мензале.

«Бригадный Генералъ Вердье, стоявшій лагеремъ Между Лесбе и берегомъ, извѣстясь объ этой высадкѣ, немедленно пошелъ, атаковалъ и переколол около трехъ тысячъ Турокъ, даровавъ жизнь только осьми стамъ изъ нихъ, которые умоляли о помилованіи.

«Войска, бывшія подъ начальствомъ Генерала Вердье при этой смѣлой защитѣ, состояли едва изъ тысячи человѣкъ 2-го легкаго, 32 тяжелаго и 18 Драгунскаго Полковъ.

«У непріятеля отнято тридцать два знамя, двадцати четырехъ

фунтовая пушка и четыре полевыхъ орудія со снарядами.

«Между плѣнными оказался Измаилъ Бей, Каймаканъ или помощникъ Сеидъ-Али-Бея, предводительствовавшій Турецкою Дивизіею; равно какъ одинъ корабельный начальникъ и много другихъ значительныхъ Офицеровъ.

«Каймаканъ увѣряетъ что назначенныя въ эту экспедицію высадныя войска состояли изъ осми тысячъ отборныхъ Янычаръ, отправленныхъ изъ Константинополя три мѣсяца тому назадъ, и коихъ около половины было высажено на берегъ; онъ прибавляетъ, что не смотря на это пораженіе, остальные въ скоромъ времени къ намъ явятся. Нашихъ солдатъ очень радуетъ эта надежда; ибо кромѣ удовольствія, доставленнаго такою отличною побѣдою, они получили значительную добычу.

«У насъ въ этотъ день ранено 97 и убито 22 человѣка; въ числѣ послѣднихъ находится Бригадный Командиръ Денойе, Начальникъ 2 легкаго Полка, отличный Офицеръ, коего таланты равнялись съ самою хладнокровною неустрашимостью.

«Вы увидите, Граждане Директоры въ прилагаемомъ присемъ дневномъ приказѣ, имена Офицеровъ, Унтеръ-Офицеровъ и солдатъ, наиболѣе въ этотъ день отличившихся.

«Генералъ Верде покрылъ себя славою, какъ своею отважностью такъ и благоразумными распоряженіями.

«Я вручилъ отъ имени Правительства сабли—ему и храброму Генералъ-Адъютанту Дево, Командиру 32 Полка, Баталіонному Командиру Артиллеріи Рютти и Эскадронному Командиру Гюйону, начальствовавшему отрядомъ 18 Драгунскаго Полка. Подъ этимъ послѣднимъ убито двѣ лошади.

«Прошу васъ, Граждане Директоры, объ утвержденіи и одобреніи производствъ и наградъ о которыхъ я представляю и которыя такъ славно заслужены.

«18 числа, подувшій сильный вѣтръ, заставилъ непріятелей сняться съ якоря и выйти въ море; съ тѣхъ поръ они уже непоказывались. Одни только Александрійскіе крейсеры насъ не покидаютъ; число ихъ состоитъ изъ осьми судовъ, между коими находится Англійскій корабль Тезей.

«Прилагаю къ сему донесенію копію моей переписки съ Верховнымъ Визиремъ и съ Англійскимъ Командоромъ Г. Сидней-Смитомъ.

Подписано *КЛЕБЕРЪ*.»

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА

Гражданина Шаброля, Инженера Путей Сообщенія къ Гражданину Леперу, Главному Инженеру въ Каирѣ.

Сіутъ, 15 Фруктидора VII года.

«Небольшой городокъ Миніе довольно красивъ и во все не походитъ на жалкія деревушки Нижняго-Египта; здѣсь нѣтъ ничего любопытнаго кромѣ нѣсколькихъ искуственныхъ гротовъ и сближенія или расширенія долины, коей берега представляютъ мѣстами картину самаго ужаснаго безплодія, а мѣстами изобиліе и плодоносную почву. Наводненіе не позволило намъ видѣть прекрасный Акмоненскій портикъ; послѣ мы осмотрѣли развалины древней Антинои, нынѣ Шенкъ-Абаде; здѣсь то, не смотря на чувство народнаго честолюбія, возбуждается высокое понятіе о превосходствѣ древнихъ надъ нами.»

«Великолѣпные остатки древней Антинои представляютъ двѣ большія улицы, одна къ другой перпендикулярныя, которыя шли чрезъ городъ отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ западу; четыре безподобные портика служили въѣздами въ оныя; изъ нихъ два еще почти цѣлы. Посреди города находится прекрасная площадь гдѣ видны четыре большія колонны очень великолѣпныя, но безъ вкуса; одинъ изъ этихъ портиковъ казалось велъ къ Театру полукруглаго вида, совершенно разрушившемуся.

«Улица, которая вела къ этому портику, украшалась Пестомскими колоннами, вѣроятно составлявшими по обѣ стороны крытыя галереи, которыя простирались въ длину болѣе осми сотъ шаговъ. Кажется что чрезъ городъ протекалъ прекрасный каналъ, окружавшій оный; таково по видимому было общее его расположеніе. Остальная часть городскихъ развалинъ представляетъ множество поломанныхъ колоннъ, стоящихъ или опрокинутыхъ, изъ гранита и изъ другихъ камней.

«Въ числѣ этихъ развалинъ, замѣчательны остатки великолѣпной бани; при входѣ высѣченъ изъ цѣльнаго камня бассейнъ, имѣющій въ діаметрѣ болѣе двадцати футъ. Мы надѣемся, на возвратномъ пути снять планъ этого Римскаго города и сооб-

щить понятіе о великолѣпіи Императора Адріана. Мы отыскали также бюстъ Антиноя, его любимца.

«Гражданинъ Глутіе, членъ Института и Комерческой Комиссіи, отправился на этихъ дняхъ въ Верхній Египетъ.»

ПИСЬМО БАРРЕРА КЪ ПЕРВОМУ КОНСУЛУ.

Изъ моего уединенія, 7 Фримера VIII года.

«Гражданинъ Консулъ,

«И я также присоединяю слабый гласъ мой ко гласу друзей свободы, полагающихъ довѣренность свою въ вашихъ гражданскихъ добродѣтеляхъ, а надежды въ Революціи 19 Брюмера. Она дастъ новую силу ослабшимъ пружинамъ Республики и превратитъ въ прочное благоденствіе, бѣдственное положеніе, въ коемъ находилась Франція. Она должна также изгладить всѣ воспоминанія, сблизить умы и составить эпоху мудраго, сильнаго и окончательнаго учрежденія Республиканской Конституціи.

«Высока и мужественна была мысль пуститься въ среду общественныхъ бурь и наложить руку на Революцію, для того чтобы окончить оную къ пользѣ владычества народа, національнаго представительства, свободы и равенства. Вы имѣли мужество Курція, вы покажете мудрость Солона.

«Строго закрывъ минувшее, искренно отверзнувъ будущее, вы привяжете всѣхъ Французовъ къ необходимому дню 19 Брюмера, ибо всѣ чувствовали бѣдствіе и опасности отечества.

«Для наблюдательныхъ умовъ, народъ сдѣлалъ Революцію свободы, представительство сдѣлало Революцію Республики, армія сдѣлала Революцію героизма а Бонапарте Революцію просвѣщенія. Вотъ минута положить твердыя, энергическія основанія правамъ и выгодамъ гражданъ и націи. Вотъ минута сдѣлать призывъ ко всѣмъ свободнымъ душамъ, къ твердымъ умамъ, къ глубокомысленнымъ людямъ, къ практическимъ философамъ и къ политикамъ филантропамъ.

«Крикъ партій утихнетъ; добро, которое вы введете и сдѣ-

лаете, переживетъ всѣ низкія страсти, всѣ ложныя сужденія современниковъ

«Консулы обѣщали благоустроенную Республику; это уже одно долженствовало прекратить всѣ недоумѣнія и оживить всѣ надежды. Слава освободителя Италіи и Египта ручается отечеству за всю его свободу, а видимая наклонность его ко всему хорошему и великодушному, предвѣщаетъ его благоденствіе.

«Привязанный съ давняго времени къ вашей философической и военной славѣ, я не ждалъ пока вы сдѣлаетесь могущественнымъ для объявленія моихъ мнѣній касательно вашихъ гражданскихъ добродѣтелей, долженствующихъ обратить къ себѣ мысли и питать надежды истинныхъ республиканцевъ; вы съ участіемъ приняли сочиненія изгнанника и тѣмъ поощрили меня писать къ вамъ въ этомъ важномъ случаѣ.

«Я доказалъ сочиненіями моими въ ссылкѣ (которая продолжается еще и при Консульствѣ Бонапарте); что отечество для меня драгоцѣнно, что свобода для меня священна; что ему необходимо Правительство, твердо и мудро учрежденное и Конституціонное устройство, которое бы воспротивилось народной перемѣнчивости.

«Я старался преклонить моихъ согражданъ къ послѣдней Конституціи прежде чѣмъ различныя партіи, для забавы, стали призывать ее, безпрестанно оную нарушая; это была граница Революціи. Эта Конституція ниспровергнута и я умѣю желать иной, болѣе краткой, менѣе затруднительной, усматривая въ вашихъ трудахъ и въ соображеніяхъ тѣхъ, кому поручено исполненіе оныхъ, Конституцію, которая превзойдетъ всѣ прочія; въ коей будетъ болѣе искреннее раздѣленіе властей, болѣе единства въ народномъ представительствѣ, составляющемъ главную поруку свободы; болѣе законной власти у Правительства дабы оное не имѣло нужды употреблять самовластіе;

Въ коей республиканскія основы будутъ прочнѣе утверждены а Правительство тверже возвышено;

Въ коей будетъ понудительная сила, болѣе энергическая и дѣятельная, чѣмъ нравственное развращеніе, политическіе пороки и личныя выгоды послѣднихъ временъ;

Въ коей народъ господствовалъ бы болѣе непосредственнымъ образомъ чрезъ способъ выборовъ, менѣе сложный, менѣе под-

верженный продажности, козиямъ, раздѣламъ, и вліяніямъ, чуждымъ свободѣ;

«Въ коей судьи, избираемые народомъ, будутъ не столь многочисленны а перемѣны не столь часты;

«Въ коей всѣ обеспеченія граждаиъ касательно ихъ свободы, политической, гражданской и домашней, равно какъ свободы тисненія, будутъ лучше учреждены; самовластныя дѣйствія менѣе безнаказанны а отвѣтственность судей менѣе мечтательна;

«Въ коемъ національное управленіе, верховное, посредническое, недолговременное и могущественное, будетъ блюсти или возстановлять согласіе двухъ властей Законодательной и Исполнительной, содѣйствуя къ совершенному отдѣленію судебной власти и къ священной независимости учрежденія присяжныхъ; емуже будетъ предоставлено выставлять отъ времени до времени нарушеніе Конституціи;

«Въ коей Государственное Управленіе будетъ болѣе сосредоточено и менѣе цѣнно, не вредя притомъ топографическимъ раздѣленіямъ, начертаннымъ закономъ разстояній и ежедневными потребностями народа. (Мысль раздѣленія на Департаменты заключаетъ въ себѣ великій харектеръ единства и политической плавки; мы обязаны за оную Сіесу. По трудамъ и опасностямъ при исполненіи ея, онъ почувствуетъ необходимость поддержать оную);

«Въ коей свобода мыслей, словъ и тисненія не будетъ имѣть другихъ ограниченій кромѣ клеветы и существеннаго возмущенія, наказываемыхъ по уголовнымъ законамъ;

«Въ коей всякое злоупотребленіе будетъ исправлено безъ насилія, правила возстановляемы безъ потрясеній, успѣхи свѣдѣній и опытности пожинаемы безъ Революцій.

«Въ коей должности не будутъ опираться, ни на начала, ни на подпору, ибо законы оной будутъ равны для всѣхъ;

«Въ коей, первый еще разъ въ Европѣ помѣстится полная система Республиканскихъ учрежденій, достойныхъ великаго народа, отличающагося своими познаніями и храбростью, сильною любовью къ славѣ и къ общественному уваженію, рѣшительною склоностью къ литературѣ, къ наукамъ и къ искуствамъ. Учрежденія суть нервы Республики и вотъ почему

наши предшествовавшія Конституціи безъ нервовъ, не могли имѣть хода;

«Въ коей были бы учреждены національные цензоры, имѣющіе обязанность наблюдать за всѣмъ, относящимся къ дѣйствіямъ власти, къ исчисленію гражданъ, къ сужденію объ одобрительныхъ правахъ и къ неправильностямъ выборовъ;

«Въ коей была бы востановлена гражданская стража, столь надежно охраняющая лица, собственность и общественную свободу;

«Въ коей наконецъ, собственность, первая основа общественнаго порядка была бы ограждена всѣми обеспеченіями справедливыхъ законовъ и могущественнаго Правительства. . . . Понятія о прочности и правосудіи, о сохраненіи и о законной свободѣ, должно вкоренить во всѣ умы. Народъ привязанъ къ симъ понятіямъ, болѣе чѣмъ вообще во Франціи думаютъ, ибо онъ чувствуетъ что нѣтъ прочнаго счастія ни въ чемъ иномъ, кромѣ какъ въ мирѣ и въ постоянномъ существованіи Законовъ.

«Революціонныя понятія обветшали; мысли о противодѣйствіи ненавистны. Осталось мѣсто только свободнымъ понятіямъ и мыслямъ о сохраненіи нашей независимости и правъ.

«Французскій народъ будетъ вамъ обязанъ новыми благодѣяніями если, къ обнародованію Конституціи, вы присоедините полное законодательство, простое и ясное Уложеніе, которое утвердитъ собственность, и плоды промышленности; обеспечитъ условія и сдѣлаетъ простѣе договоры; призоветъ въ помощь Республикѣ нравственность семействъ и родительскую власть; Уголовный Уставъ, который уничтожитъ смертную казнь, который уничтожитъ ссылку за политическія дѣла и мнѣнія, который уничтожитъ опись въ казну имѣній въ свободной землѣ гдѣ преступленія личны и который постановитъ изгнаніе въ здоровую страну или на плодоносный островъ самымъ тяжкимъ изъ уголовныхъ наказаній за величайшія преступленія, и проч. и проч.

«Ахъ! еслибъ Консулы Республики могли, посреди ихъ обширныхъ трудовъ, бросить взоръ на предметы другаго разряда, они бы пожелали учредить простое, бережливое управленіе, судопроизводство менѣе сложное отъ законовъ и менѣе убыточное отъ формъ; Полицію болѣе надежную и менѣе инквизитор-

скую; мирныхъ судей, лучше облеченныхъ законною властью, вознагражденiями и уваженiемъ; мѣстныя начальства болѣе почтенныя и имѣющiя болѣе влiянiя на пространнѣйшемъ участкѣ земли; ветерановъ, призванныхъ къ охраненiю деревень, жатвъ и къ исправленiю дорогъ, пока этимъ займутся войска въ мирное время, какъ у Римлянъ; народныя награды болѣе торжественныя, пособiя менѣе мечтательныя; первоначальныя школы въ деревняхъ; памятники солдатамъ, убитымъ на войнѣ за Отечество; статуи великодушнымъ гражданамъ, военнымъ философамъ и политическимъ сочинителямъ, которые погибли—одни въ битвахъ, другiе отъ гоненiй за правду; искорененiе нищенства пособiями, работою и благодѣянiями мира. Бѣдные не имѣютъ на землѣ другихъ представителей, кромѣ философовъ и правоучителей; Республиканское Правительство должно оными содѣлаться.

«Наконецъ наступитъ день, когда будетъ объявленъ новый Общественный Уставъ и торжественно уничтожатся законы Революцiонные и противодѣйствующiе; день сей будетъ эпохою всеобщаго забвенiя и согласiя для Французовъ. Мы тогда докажемъ что мы можемъ быть свободны и соединены; что мы можемъ учредить Правительство Республиканское и прочное, не имѣть другихъ у:ъ кромѣ законовъ и другаго честолюбiя, кромѣ усовершенствованiя всеобщей образованности и частнаго благоденствiя. Мы принудимъ примѣромъ нашего внутренняго благосостоянiя, другiя Правительства къ тому чтобы просвѣтиться, сдѣлаться справедливыми и благотворительными. . . . Останавливаюсь; ибо человѣку съ генiемъ достаточно одного очерка.

«Да возбудитъ несчастный сочинитель письма сего ваше могущественное участiе! Это будетъ единственная побѣда, которую онъ когда либо желалъ одержать надъ своими врагами. Можетъ быть станутъ опять повторять, что я находился въ числѣ членовъ Комитета Общественнаго Благосостоянiя, не упоминая что я тогда посвящалъ себя провозглашенiю славы и торжествъ нашей армiи и что возвѣстивъ Народному Конвенту о счастливомъ взятiи Тулона, я представилъ Французскому народу вашъ планъ атаки, столь удачно выполненный.

«Вы умѣете судить о людяхъ и о вещахъ; прекративъ мое изгнанiе, вы тѣмъ окажете мнѣ полную справедливость. Пора-

женный дѣйствіемъ самовластія я былъ закованъ въ цѣпи при Владычествѣ Директоріи. Консульская власть конечно не станетъ подражать оной! Я благословилъ день, который, послѣ пяти лѣтъ, показалъ мнѣ драгое отечество, просвѣщенное правосудіе и освободительную власть. Рожденный безъ личнаго честолюбія, я былъ тѣмъ сильнѣе наученъ несчастіемъ любить безвѣстность и спокойствіе, если только Отечество не призоветъ меня. Но мнѣ труднѣе будетъ переносить полу-свободу, чѣмъ мое настоящее печальное положеніе; я лучше буду переносить честь ссылки чѣмъ свободу, которая не будетъ совершенною. Предоставляю вашей великой душѣ судить объ этомъ признаніи.

«Получивъ свободу, я буду питать одно только желаніе — увидѣть героя осмнадцатаго столѣтія и Республику, облагодѣтельствованную миромъ чрезъ его счастливое вліяніе.

«Уваженіе и поклонъ.

«БАРРЕРЪ.»

РѢЧЬ ГЕНЕРАЛА ЛАННА ПРИ ПРЕДСТАВЛЕНІИ ВОЕННОМУ МИНИСТРУ ЗНАМЕНЪ, ВЗЯТЫХЪ ПРИ АБУКИРѢ.

Гражданинъ Министръ,

«Вотъ всѣ знамена Оттоманской арміи, уничтоженной при глазахъ вашихъ въ Абукирѣ. Египетская армія, прошедъ чрезъ знойныя степи, восторженствовавъ надъ жаждою и голодомъ, очутилась предъ непріятелемъ, гордящимся своимъ числомъ и успѣхами и который мнилъ видѣть легкую добычу въ нашихъ войскахъ, изнуренныхъ усталостію и безпрестанными битвами. Не ужели онъ не зналъ того, что Французскій солдатъ болѣе великъ тѣмъ, что онъ успѣетъ страдать чѣмъ потому, что онъ умѣетъ побѣждать, и что храбрость его воспламеняется, возрастаетъ вмѣстѣ съ опасностію? Три тысячи Францу-

вовъ, какъ вамъ извѣстно, ударили на осмнадцать тысячъ варваровъ; опрокинули ихъ и прижали между своими рядами и моремъ. Страхъ отъ нашихъ штыковъ такъ былъ великъ, что Мусульмане, принужденные избирать себѣ родъ смерти, бросались въ пучины Средиземнаго Моря.

«Въ этотъ достопамятный день была положена на вѣсы судьба Египта, Франціи и Европы, спасенныхъ нашимъ мужествомъ.

«Союзныя Державы! еслибъ вы дерзнули вторгнуться въ предѣлы Республики и еслибъ тотъ, который возвращенъ намъ побѣдою при Абукирѣ, сдѣлалъ воззваніе къ народу;—Союзныя Державы! ваши успѣхи были бы для васъ пагубнѣе неудачъ! Какой Французъ не захотѣлъ бы еще побѣдить подъ знаменами Перваго Консула или выучиться подъ его начальствомъ пріобрѣтать славу? А вы, храбрые ветераны, почтенныя жертвы жребія битвъ, вы не послѣдніе полетите подъ предводительство того, который утѣшаетъ ваши несчастія славою, и становитъ посреди васъ эти трофеи, пріобрѣтенные вашимъ мужествомъ! Ахъ! я знаю что вы горите желаніемъ пожертвовать отечеству и свободѣ остальною половиною жизни, у васъ остающеюся.»

ОТВѢТЪ ВОЕННАГО МИНИСТРА ГЕНЕРАЛУ ЛАННУ.

«Водрузить на берегахъ Сены трофеи, завоеванные на берегахъ Нила; повѣсить на сводахъ нашихъ храмовъ подлѣ знаменъ Европейскихъ, бунчуки, освященные въ мечетяхъ Византіи и Каира; видѣть ихъ представленными тѣмиже самыми воинами, юными годами, старыми славою, столько разъ ихъ увѣнчавшею —Это принадлежитъ одной только Республиканской Франціи.

«Это лишь часть того, что сдѣлалъ, въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ герой, покрытый лаврами Европы, явившійся побѣдителемъ предъ Пирамидами, съ коихъ сорокъ вѣковъ на него взирали; героя, который освободилъ побѣдою отчизну искуствъ и вновь привезъ туда, окруженный учеными и воинами, свѣдѣнія и образованность.

Солдаты, поставьте въ этомъ храмѣ воинскихъ доблестей Мусульманскія бунчуки, отнятые на скалахъ Канопа тремя тысячами Французовъ у осмнадцати тысячъ воиновъ, столь же храбрыхъ какъ и необразованныхъ. Да сохранится чрезъ нихъ воспоминаніе объ этомъ знаменитомъ походѣ, коего цѣль и успѣхи кажется извиняютъ войну въ бѣдствіяхъ, ею причиняемыхъ.

«Да свидѣтельствуютъ они, не о храбрости Французскаго солдата, гремящей въ цѣломъ свѣтѣ, но о его неизмѣнномъ постоянствѣ, о его высокомъ рвеніи.

«Да возрадуетъ и утѣшитъ видъ этихъ бунчуковъ васъ, храбрые воины, коимъ славныя увѣчья, полученныя на полѣ чести, оставляютъ вашему мужеству одни только обѣты и воспоминанія.

«Да возвѣстятъ сіи хоругви съ высоты этихъ сводовъ непріятелямъ Французскаго народа—вліяніе генія, храбрость героевъ, ихъ завоевавшихъ, и да предскажутъ они имъ также всѣ бѣдствія войны, буде они не вонмутъ гласу, предлагающему имъ миръ. Такъ, если они желаютъ войны, то мы поведемъ ее и она будетъ удачна.

«Довольное отечество взираетъ на Восточную Армію съ чувствомъ гордости.

«Эта непобѣдимая армія съ радостью узнаетъ, что храбрые воины, съ нею побѣждавшіе, были ея органомъ; она увѣрена въ томъ, что Первый Консулъ печется о сынахъ славы; она узнаетъ что она служитъ предметомъ живѣйшей заботливости Республики; она узнаетъ что мы почтили ее въ храмахъ пока намъ не представится случай подражать, если будетъ нужно, примѣру столькихъ воинскихъ добродѣтелей, обнаруженныхъ ею въ знойныхъ степяхъ Африки и Азіи.

«Примите неустрашимый Генералъ, отъ имени всѣхъ сихъ героевъ, посреди коихъ вы находитесь, въ этомъ объятіи, залогъ народной признательности.

«Но если, въ минуту воспріятія покровительственнаго оружія нашей независимости, слѣпая ярость нашихъ иноземныхъ непріятелей откажетъ свѣту въ мирѣ, нами предлагаемомъ,—то бросимъ товарищи, лавровую вѣтвь на прахъ Вашингтона, сего героя, освободившаго Америку отъ ига самыхъ непримиримыхъ

враговъ нашей свободы; и да покажетъ намъ знаменитая тѣнь его, за предѣлами гроба, славу сопутствующую памяти освободителей народовъ.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ВАШИНГТОНУ, ПРОИЗНЕСЕННОЕ Г. ДЕ ФОНТАНОМЪ ВЪ МАРСОВОМЪ ХРАМѢ.

«Францiя, которая всегда была довольно велика и довольно великодушна для того чтобы взирать безъ зависти на иностранныя добродѣтели и славу, воздаетъ всенародную честь памяти Вашингтона. Она платитъ симъ долгъ обоихъ полушарiй. Никакое Правительство, какова бы ни была его форма и мнѣнiя, не можетъ отказать въ уваженiи этому основателю свободы. Народъ, называвшiй нѣкогда Вашингтона мятежникомъ, теперь самъ считаетъ освобожденiе Америки однимъ изъ событiй, освященныхъ одобренiемъ вѣковъ и исторiи. Таково преимущество великихъ характеровъ. Они кажется, столь мало принадлежатъ новѣйшимъ временамъ, что еще при жизни своей, облекаютъ чѣмъ то величественнымъ и древнимъ все, ими исполняемое. Трудъ ихъ, едва оконченный, привлекаетъ уже къ себѣ то уваженiе, которое дается охотно однимъ только произведенiямъ времени. Американская Революцiя, коей мы современники, дѣйствительно кажется навсегда утвержденною. Вашингтонъ началъ оную энергiею, а кончилъ умѣренностью. Онъ умѣлъ поддержать оную, безпрестанно направляя ее къ величайшему благоденствiю земли своей и эта цѣль есть единственная, которая можетъ оправдать предъ будущимъ судомъ столь необычайныя предпрiятiя.

Похвальное слово сего героя Америки заслуживалобъ быть произнесеннымъ болѣе краснорѣчивыми устами. Вспоминаю съ совокупнымъ чувствомъ удивленiя и уваженiя, что этотъ храмъ, украшенный всѣми трофеями доблести, воздвигнутъ въ вѣкъ генiевъ, столь же изобильный великими писателями какъ и ве-

ликими полководцами. Прежде, память героев была вверяема ораторам, коих гений доставлял безсмертие. Ныне, воинская слава сіяет более ярким блеском а во всех странах слава изящных искуств почти помрачилась. Голос мой конечно слишком слаб для того чтобы раздаваться посреди торжества, столь величественнаго и столь для меня новаго. Но, покрайней мере голос сей чист и как он никогда не льстил, то и не сделался недостойным прославлять геройство и добродетель.

Притом же, эта похоронная, воинственная церемонія, заранее возбуждает во всех сердцах и лучше всяких слов, сильныя и глубокія ощущенія. Траур, который Первый Консул повелел надеть для Вашингтона, возвещает Франціи, что примеры, им данные,—не потеряны. Менее для знаменитаго полководца, чем для благодетеля и друга великаго народа, похоронный флер облек победоносныя знамена и одежды наших воинов. Уже не существуют более те варварскія торжества, столь же противныя политике, как и человечеству, на коих расточали обиды несчастію, презреніе великим развалинам и клевету гробницам. Все великодушныя мысли, все полезныя истины могут явиться пред сим собраніем. Я с честью хвалю пред воинами, мужа твердаго при неудачах, скромнаго при победе и всегда человеколюбиваго при той или при другой участи. Хвалю пред Министрами Французской Республики мужа, который никогда не уступал чувством честолюбія и всегда жертвовал собою для нужд отечества; мужа который по жребію, редко бывающему уделом людей, преобразующих Государства, умер мирно как частный человек, в земле своей, где он занимал первую степень и которую руки его освободили.

Какой Француз, одаренный чувствительным воображеніем, не вспомнит с восторгом первой минуты, когда слава возвестила нам что свобода поднимает знамена свои у народов Америки? Древній мір, согбенный под игом пороков и бедствій, угнетавших его старость, воспріял некоторый восторг и обратил взоры к отдаленному краю, где казалось начиналась новая эпоха для рода человеческаго. Тогда все обеты были за свободу; и эти же обеты обнаружились даже во

дворцахъ и на престолахъ. Моря Европы удивились понеся на лонѣ своемъ Королевскіе флоты, летѣвшіе на защиту Американскихъ Республиканцевъ.

О времена пріятнѣйшихъ надеждъ! о воспоминаніи дней нашей юности! Съ какимъ безпокойствомъ мы вопрошали тогда всѣхъ мореходцевъ, приплывавшихъ изъ гаваней Черлстона и Бостона! Какъ мы соболѣзновали о неудачахъ храбраго Американскаго ополченія, никогда не приводимаго въ уныніе усталостію и нуждами! Какъ всѣ наши обѣты присовокупились къ первымъ успѣхамъ Вашингтона! Мудрый посланникъ, помогавшій ему въ этомъ благородномъ дѣлѣ, Франклинъ былъ почтенъ нашимъ уваженіемъ когда онъ явился въ Парижъ и даже въ Версаль съ благородною простотою Республиканскихъ нравовъ. Онъ жилъ на берегу сосѣдственной рѣки противъ мѣста, гдѣ мы теперь собраны. Многіе изъ васъ, подобно мнѣ видѣли почтенныя черты сего старца, который походилъ на древняго Скиоскаго законодателя, пріѣхавшаго въ Аѳины. Мнѣнія посланника и героя тринадцати соединенныхъ Областей иногда между собою различествовали; но воля ихъ всегда согласовалась когда имъ слѣдовало трудиться для общаго блага отечества. Ихъ имена, столь часто соединяемыя при похвалахъ во время жизни, не должны быть разлучаемы и по смерти. Если дума Франклина слетитъ на сіи берега, столь долго ею любимые, то она конечно одобритъ почести, получаемыя отъ насъ Вашингтономъ.

Героямъ, меня окружающимъ, только имъ однимъ принадлежитъ право назначить мѣсто, которое займетъ Вашингтонъ между знаменитыми полководцами. Успѣхи его по видимому имѣли болѣе прочности чѣмъ блеска и разсудокъ владычествовалъ сильнѣе восторга въ его способѣ предводительства и сраженія. Притомъ же, военныя чудеса, свершенныя Французскими войсками, ослабили славу всего, отличившагося на томъ же поприщѣ. Никакой народъ не можетъ впредь дать урокъ геройства тому, который въ лонѣ своемъ заключаетъ всѣ образцы. Но Вашингтонъ представляетъ намъ другіе примѣры, не менѣе достойные подражанія. Посреди всѣхъ безпорядковъ лагерной жизни, и всѣхъ буйствъ, неразлучныхъ съ междоусобною войною, человѣколюбіе находило убѣжище въ его ставкѣ и никогда изъ оной не было изгоняемо.

При побѣдахъ и при пораженіяхъ, онъ былъ всегда покоенъ, какъ мудрость, и простъ какъ добродѣтель. Кроткія чувства пребыли въ глубинѣ его сердца даже въ тѣ минуты когда выгоды его собственнаго дѣла, казалось дѣлали нѣкоторымъ образомъ законными уставы мести. Къ тебѣ взываю я, о юной Ахиллъ, къ тебѣ, коего бѣдствія въ состояніи были возбудить участіе Англіи, Франціи и Америки. Съ какою сострадательною заботливостью Вашингтонъ отсрочилъ судъ, который право войны дозволяло ускорить! Онъ ждалъ чтобы гласъ тогда всемогущій, преплылъ пространство морей и испросилъ помилованіе, въ коемъ онъ не могъ отказать. Онъ безъ труда склонился на гласъ сей, сообразный со внушеніями его сердца; и день, въ который онъ спасъ невинную жертву долженъ быть вписанъ въ число прекраснѣйшихъ дней независимой и побѣдоносной Америки.

Движенія великодушія безъ всякаго сомнѣнія свершаютъ и поддерживаютъ Революціи вѣрнѣе чѣмъ трофеи и побѣды. Уваженіе, пріобрѣтенное характеромъ Американскаго Генерала содѣйствовало болѣе чѣмъ его оружіе къ независимости его отечества.

Когда потрясенное Государство насильственно перемѣняетъ видъ свой, то всѣ сосѣднія Державы, взираютъ на оное съ безпокойствомъ и опасеніемъ: онѣ успокоиваются тогда только когда оно воспринимаетъ правильныя, постоянныя движенія. Народъ, подвергшійся Революціи, не имѣетъ уже ни друзей, ни союзниковъ. Тщетно онъ взываетъ къ прежнимъ договорамъ; всѣ старыя его связи разорваны съ другими, какъ и съ самимъ собою: онъ одинъ посреди міра, имъ устрашаемаго. Отъ него удаляются какъ отъ волкана. Необходимо дабы послѣ такихъ великихъ политическихъ переломовъ явился, необыкновенный мужъ, который однимъ могуществомъ своей славы, обуздалъ бы дерзость всѣхъ партій и возстановилъ порядокъ посреди разстройства. Надобно, если я смѣю сказать сіе, чтобы онъ уподоблялся тому баснословному Богу, повелителю вѣтровъ и морей, который поднявъ надъ волнами чело свое, обуздывалъ всѣ ярящіяся бури. Тогда-то успокоившіяся Правительства сближаются съ тѣмъ, котораго онѣ въ началѣ боялись потрясеній и посягательствъ.

Дѣйствительно, тогда какъ Вашингтонъ удостовѣрилъ своихъ

неприятелей въ томъ, что онъ имѣетъ довольно силы для спокойнаго управленія Америкою, долгое время волнуемою,—миръ, былъ заключенъ подъ его руководствомъ и свобода Соединенныхъ областей была провозглашена отъ береговъ Делавара до береговъ Темзы. Такимъ образомъ все для насъ въ его исторіи есть предметъ поученія и надеждъ.

Свойства Американской Революціи, неоднократно обнаруживались въ Революціи Франціи. Колоніи возстали противъ своей столицы съ тѣмъ чтобы объявить свою независимость; независимость сія была признана и однакожъ колоніи не содѣлались еще счастливыми. Всѣ партіи были еще ополчены; всѣ низшихъ разрядовъ самолюбія и ненависть находились еще въ броженіи въ глубинѣ сердецъ. До тѣхъ поръ пока иноземная война пылаетъ противъ страны, перемѣняющей свою Конституцію, общая польза совокупляетъ всю дѣятельность народныхъ страстей на защиту земли своей. Это единственная минута, въ которую собственная ихъ безопасность заставляетъ ихъ признать нѣкоторое чинопочитаніе. Вой ихъ умолкаетъ посреди грома оружія и кликовъ побѣды; но по возвращеніи мира, онѣ уже болѣе не обузданы тѣмиже опасеніями или тѣмъ же почтеніемъ. Слѣпое ихъ буйство иногда обращается даже противъ самого того, который спасъ угрожаемое отечество: Вашингтонъ предвидѣлъ опасности, но онъ приуготовилъ противъ оныхъ всѣ средства. Онъ не счелъ что миръ, имъ заключенный достаточенъ для утвержденія внутренняго спокойствія. Восторжествовавъ надъ Англіею, онъ предпринялъ противъ своеволія партій борьбу, не менѣе тягостную и не менѣе достославную.

Между тѣмъ онъ не хотѣлъ доставить никакого предлога обвиненіямъ клеветы, и тотчасъ по подписаніи мира, сдалъ Конгрессу власть, его облекавшую; онъ не желалъ употреблять противъ своихъ заблудшихся соотечественниковъ инаго оружія, кромѣ убѣжденія. Еслибъ онъ былъ только обыкновеннымъ честолюбцемъ, то онъ бы могъ воспользоваться слабостью раздѣленныхъ партій; и тогда какъ никакая Конституція не поставляла преградъ смѣлости, онъ бы захватилъ власть прежде чѣмъ законы установили употребленіе и границы оной; но эти законы были призваны имъ самимъ съ постояннымъ упорствомъ. Тогда какъ уже честолюбію стало не возможно на что либо

посягнуть, онъ принялъ по выбору своихъ согражданъ честь управлять ими въ продолженіе семи лѣтъ. Онъ удалялся отъ могущества тогда какъ обладаніе онымъ могло быть самовластно; и тогда только согласился нести бремя онаго, когда оно было ограждено законными предѣлами; такой характеръ достоинъ прекраснѣйшихъ дней древности. Собирая черты онаго, сомнѣваются, въ томъ что онъ явился въ нашемъ вѣкѣ. Думаютъ что это жизнь одного изъ тѣхъ знаменитыхъ мужей, коихъ Плутархъ такъ превосходно изобразилъ.

Управленіе его было кротко и твердо внутри, благородно и благоразумно внѣ. Онъ всегда уважалъ обычаи другихъ народовъ, также какъ онъ желалъ чтобы уважали права Американцевъ. А посему во всѣхъ переговорахъ, геройская простота Президента Соединенныхъ Штатовъ договаривалась безъ хвастовства и безъ униженія съ величіемъ Государей. Не ищите въ его управленіи мыслей, которыя вѣкъ называетъ великими и которыя онъ назвалъ бы только дерзостными. Соображенія его были болѣе мудры, чѣмъ смѣлы: онъ не увлекалъ къ удивленію, но всегда поддерживалъ уваженіе въ одинаковой степени въ лагеряхъ и въ Сенатѣ, посреди дѣлъ и въ уединеніи.

Есть удивительные люди, которые по временамъ являются на поприще міра съ характеромъ величія и владычества. Невѣдомая, верховная причина ниспосылаетъ ихъ когда нужно для основанія колыбели или для поддержанія развалинъ Государства. Тщетно люди сіи, заранѣе предназначенные, уклоняются къ сторонѣ и вмѣшиваются въ толпу: рука фортуны вдругъ воздымаетъ ихъ и быстро переноситъ чрезъ всѣ препоны, и чрезъ торжества до высшей степени могущества. Родъ сверхъестественнаго вдохновенія оживляетъ всѣ ихъ мысли; непреодолимое движеніе сообщается всѣмъ ихъ предпріятіямъ. Толпа ищетъ еще ихъ посреди себя и не обрѣтаетъ; поднявъ вверхъ взоры она видитъ въ сіяющей свѣтомъ и славою сферѣ того, который казался только дерзновеннымъ невѣжеству и зависти. Вашингтонъ не имѣлъ этихъ горделивыхъ и величественныхъ чертъ, поражающихъ всѣ умы; онъ болѣе показалъ порядка и точности, чѣмъ силы и возвышенности въ мысляхъ. Онъ особенно обладалъ въ высшей степени тѣмъ качествомъ, которое считаютъ простонароднымъ и которое столь рѣдко; тѣмъ качествомъ, ко-

торое не менѣе полезно при управленiи Государствомъ какъ и въ частномъ быту; которое сообщаетъ душѣ болѣе спокойствiя чѣмъ движенiя, и болѣе счастiя чѣмъ славы тѣмъ, которые онымъ обладаютъ или которые ощущаютъ на себѣ его влiянiе, —я говорю о здравомъ смыслѣ, коего старинныя правила слишкомъ устранены гордостью и которое пора уже возстановить во всѣхъ правахъ его. Смѣлость разрушаетъ, генiй возвышаетъ здравый смыслъ сохраняетъ и усовершаетъ. Генiй блюдетъ славу Государствъ; но одинъ только здравый смыслъ можетъ утвердить ихъ спокойствiе и продолжительное существованiе.

Вашингтонъ родился въ избыткѣ, который онъ благороднымъ образомъ увеличилъ, подобно герою древняго Рима, посреди трудовъ земледѣлiя. Хоть онъ и былъ врагомъ тщетной пышности, а желалъ чтобы Республиканскiе нравы были окружены нѣкоторымъ величiемъ. Ни одинъ изъ его соотечественниковъ не любилъ столь пламенно свободу; ни одинъ столько не страшился преувеличенныхъ мнѣнiй нѣкоторыхъ демагоговъ. Умъ его, любившiй порядокъ, постоянно удалялся отъ всякихъ излишествъ: онъ не дерзалъ оскорблять опытности вѣковъ; онъ не хотѣлъ ни перемѣнять ни уничтожать всего вдругъ; онъ слѣдовалъ въ этомъ отношенiи ученiю древнихъ законодателей.

Дѣйствительно, когда эти великiе мужи создали привычки и чувства въ умѣ и въ душѣ своихъ согражданъ, то они сочли дѣло свое почти оконченнымъ; они составляли системы нравовъ скорѣе чѣмъ системы законовъ; они даже имѣли столько уваженiя ко всемогуществу привычекъ, что щадили старинные предразсудки, малосовмѣстные повидимому съ новымъ порядкомъ вещей. Грецiя и Римъ, переходя изъ подъ владычества Царей къ управленiю Архонтовъ и Консуловъ, не перемѣнили ни различныхъ своихъ вѣроисповѣданiй, ни основанiя своихъ обычаевъ и нравовъ. Главы сихъ Республикъ конечно разсудили, что слишкомъ явное презрѣнiе владычества вѣковъ и преданiй ослабитъ нравственность унизивъ старцовъ въ глазахъ юношей; они побоялись слишкомъ посягнуть на величiе времени и на силу воспоминанiй.

Я не уклонюсь отъ моего предмета возобновляя воспоминанiе объ этихъ основателяхъ древнихъ Республикъ, рядомъ съ коими потомство поставитъ Вашингтона. Подобно имъ, онъ

владычествовалъ посредствомъ чувствъ и привязанности болѣе чѣмъ приказами и законами; подобно имъ, онъ былъ простъ на вершинѣ почестей; подобно имъ, онъ остался великимъ посреди своего уединенія. Онъ принялъ власть только для того, чтобы утвердить общественное благоденствіе: онъ не хотѣлъ воспріять оной тогда какъ увидѣлъ, что Америка счастлива и не имѣетъ болѣе нуждъ въ его преданности. Онъ желалъ спокойно наслаждаться, подобно другимъ гражданамъ, этимъ счастіемъ, полученнымъ отъ него великимъ народомъ. Но тщетно онъ покинулъ первое мѣсто; — первымъ именемъ въ Америкѣ всегда пребыло имя Вашингтона.

Едва протекло четыре года съ тѣхъ поръ какъ онъ оставилъ управленіе. Человѣкъ сей, столь долго предводительствовавшій арміями, бывшій главою тринадцати государствъ, жилъ безъ честолюбія въ сельскомъ уединеніи, посреди огромныхъ помѣстьевъ, обработываемыхъ его руками и многочисленныхъ стадъ, разведенныхъ его трудами въ новомъ свѣтѣ. Онъ ознаменовалъ конецъ своей жизни всѣми воинскими и политическими добродѣтелями. Америка почтительно взирала на уединеніе, обитаемое ея защитникомъ; и изъ его уединенія, заключившаго въ себѣ столько славы, часто исходили мудрые Совѣты, имѣвшіе не менѣе силы, какъ и въ дни его могущества: сотоварищи его питали надежды еще долго внимать онымъ; но смерть внезапно похитила его изъ среды занятій самыхъ пріятныхъ и самыхъ приличныхъ для старости.

Горестный вопль раздался изъ лона Америки, имъ освобожденной. Франціи принадлежало первой отвѣтствовать на погребальный вопль сей, долженствующій отозваться во всѣхъ великихъ душахъ. Эти августѣйшіе своды были достойно избраны для того чтобы почтить память героя. Тѣнь Вашингтона, спустясь на величественный сей куполъ, обрѣтетъ тѣни Тюреня, Катината и Великаго Конде, еще въ ономъ обитающія. Если сіи знаменитые герои не служили одному дѣлу въ продолженіе своей жизни, то одинаковая слава соединяетъ ихъ тогда какъ они престали существовать. Мнѣнія, подчиняемыя прихотямъ народовъ и временъ; мнѣнія, слабая и измѣнчивая доля нашего состава, исчезаютъ вмѣстѣ съ нами во гробѣ: но слава и добродѣтель навѣки остаются; чрезъ нихъ то великіе мужи всѣхъ

временъ и всѣхъ мѣстъ дѣлаются нѣкоторымъ образомъ соотечественниками и современниками: они составляютъ одну семью, коей примѣры передаются и возобновляются по наслѣдству. Такимъ образомъ, въ этой воинственной обители, храбрость Вашингтона заслуживаетъ взоровъ Конде: умѣренность его обращаетъ на себя вниманіе Тюреня; а философія его, еще болѣе приближаетъ его къ Катинату. Народъ, вѣрующій въ древнее и трогательное ученіе переселенія душъ, конечно не разъ бы сказалъ, что душа Катината прешла жить въ Вашингтонову.

Но республиканскіе и воинственные клики, повсемѣстно повторяемые сими стѣнами, долженствуютъ въ особенности нравиться защитнику Америки. Можетъ ли онъ не любить воиновъ, отразившихъ по примѣру его непріятелей ихъ отечества? Онъ съ удовольствіемъ приблизится къ этимъ ветеранамъ, коихъ почетные слѣды ранъ составляютъ лучшую красу торжества сего и изъ коихъ иные, можетъ быть сражались вмѣстѣ съ нимъ близъ рѣкъ и въ лѣсахъ Каролины и Виргиніи. Онъ радостно витаетъ посреди знаменъ, отнятыхъ у варваровъ Азіи и Африки, изумленныхъ нашею отвагою. Добыча, у нихъ взятая, прилично украшаетъ погребальный обрядъ полководца, любившаго свѣдѣнія и свободу. Но есть еще приношеніе, болѣе его достойное: союзъ Франціи съ Америкою; благоденствіе ихъ обѣихъ и водвореніе мира въ обоихъ полушаріяхъ. Мнѣ кажется, что съ высоты сего великолѣпнаго купола, Вашингтонъ взываетъ къ цѣлой Франціи: «Народъ великодушный, умѣющій столь хорошо воздавать честь славѣ; я побѣдилъ для независимости, но счастіе моего отечества было цѣною этой побѣды. Не довольствуйся подражаніемъ одной только первой половинѣ моей жизни: вторая дѣлаетъ меня достойнымъ похвалъ потомства».

Такъ, совѣты твои будутъ услышаны! О Вашингтонъ! о воинъ! о законодатель! о гражданинъ безъ упрека!—тотъ, который еще въ юности превзошелъ тебя въ бояхъ, закроетъ подобно тебѣ руками своими раны отечества. Скоро—въ томъ намъ ручаются его воля и его воинственный геній, еслибъ по несчастію въ немъ оказалась нужда; скоро гимнъ мира раздается въ этомъ храмѣ войны: тогда чувство всеобщей радости изгладитъ воспоминаніе обо всѣхъ несправедливостяхъ и обо всѣхъ притѣсне-

ніяхъ; даже теперь уже притѣсненные забываютъ свои бѣдствія въ уповаціи на будущее; наконецъ клики всѣхъ вѣковъ прославятъ героя, который даруетъ сіе благодѣяніе Франціи и міру, столь долго ею потрясаемому.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Стр.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

42*

Стр.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

Стр.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

Стр.

ГЛАВА XIII.

Стр.

ГЛАВА XIV.

ГЛАВА XV.

Стр.

ГЛАВА XVI.

ГЛАВА XVII.

ГЛАВА XVIII.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

ЗАМѢЧАНІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ

Стр.